В. ЛЕСЕВИЧЪ.

ПИСЬМА
О
НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ

Изданіе автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Ст[illegible]ковича, В. О., 2 л., 7.
1878.

5 30"

Лес

(369)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вступленіе	1
Письмо I.	15
Письмо II.	27
Письмо III	37
Письмо IV	44
Письмо V.	55
Письмо VI	67
Письмо VII	89
Письмо VIII	114
Письмо IX	125
Письмо X.	139
Письмо XI	154
Письмо XII	176
Письмо XIII	192

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе.

Общій характеръ современной нѣмецкой философіи. Ново-кантіанское и ново-критическое направленіе ея. К. Гёрингъ и его «Система критической философіи». Риль и Авенаріусъ. Ново-критическая нѣмецкая школа какъ представительница современнаго фазиса научной философіи. 1—11. Значеніе Т Рибб для научной философіи. Его сочиненія. 11.

Отношеніе автора къ позитивизму и научной философіи. Задача и цѣль его писемъ. 11—13.

Письма.

Различіе обыденнаго мышленія отъ мышленія научнаго. 15—26. Основаніе этого различія· противопоставленія пониманія и знанія. 27—36. Обыденное мышленіе первобытнаго фазиса. 37—54 Переходъ къ фазису умозрительному. 55—57. Умозрительный фазисъ. 58—63 Постепенность освобожденія знанія отъ вліянія умозрѣнія 63—66. Условія научнаго мышленія или познаванія· 67—88. Характеристики общей совокупности результатовъ познаванія. наука и философія. 89—113. Разчлененіе общей совокупности научнаго знанія. 114—119. Жизненное значеніе науки. 119—124.

Связь познаванія съ другими психическими функціями. Значеніе психологіи для теоріи познаванія. Характеристика научной психологіи. 125—138.

Очеркъ психологической теоріи К. Гёринга. Изслѣдованіе понятія воли. Связь воли и чувства. Значеніе воли по отношенію къ познаванію и умственной дѣятельности вообще 139—189. Заключеніе. 189—191.

Пересмотръ вопроса объ отношеніи позитивизма къ современной научной философіи. Возраженія на рѣшеніе авторомъ этого вопроса въ „Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“. Отвѣты на эти возраженія. 192—208.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Нѣмецкая философія съ давнихъ временъ стяжала себѣ репутацію философіи туманной, заоблачной, вѣчно-витающей въ той сферѣ, которую сами нѣмцы насмѣшливо прозвали Wolkenkukusheim'омъ. Общеизвѣстенъ, въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что самое видное мѣсто и самая громкая извѣстность въ теченіи времени, пережитаго цѣлымъ рядомъ поколѣній, принадлежала философіи умозрительной (спекулятивной) или, какъ у насъ чаще ее называютъ, метафизической. Но если метафизика играла такъ долго въ Германіи первую роль, то это не можетъ еще служить основаніемъ для игнорированія другихъ философскихъ направленій въ этой странѣ,—направленій, хотя и не столь громкихъ, какъ метафизическія, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе важныхъ, и не можетъ оправдывать взгляда, признающаго всю нѣмецкую философію однородною, равномѣрно-проникнутою метафизическими принципами. Такое понятіе о нѣмецкой философіи можетъ возникнуть только какъ слѣдствіе одной изъ грубѣйшихъ ошибокъ обыденнаго мышленія, которое никогда не затрудняется смѣшивать часть и цѣлое, заключать по одной о другомъ и сплошь и рядомъ толковать о глубокомысленныхъ нѣмцахъ, легкомысленныхъ французахъ, своекорыстныхъ англичанахъ и т. п. Только такое смѣшеніе понятій могло дать поводъ говорить о туманности и заоблачности нѣмецкой философіи вообще. На самомъ дѣлѣ, нѣмецкая философія есть явленіе весьма сложное и разно-

родное. Притомъ же, метафизическій принципъ въ нѣмецкой философіи получилъ громкую извѣстность вслѣдствіе многихъ внѣшнихъ условій, и, такимъ образомъ, скрылъ отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя другія теченія нѣмецкой мысли, шедшія этому принципу въ разрѣзъ и имѣвшія несравненно болѣе важное философское значеніе. Эти анти-метафизическія направленія и разрушили мало-по-малу обаяніе метафизики, подрыли ея основаніе и подготовили полное торжество надъ нею той основанной на наукѣ философіи, которая занимаетъ въ Германіи въ настоящее время весьма видное мѣсто. Несостоятельность огульнаго прозванія нѣмецкой философіи метафизическою, заоблачною, темною совершенно очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, правильно ли считать заоблачность и темноту общими признаками умственной дѣятельности въ ея высшемъ выраженіи—философіи—тамъ, гдѣ геніальные люди, какъ Кантъ и Фейербахъ, высоко-талантливые, какъ Шопенгауэръ и Гербартъ, работали именно для разогнанія мрака и смѣло и успѣшно разрушали темную область Wolkenkukusheim'a? Люди эти, какъ я только-что сказалъ, являются предшественниками современнаго научно-философскаго движенія, но ко многимъ изъ нихъ непосредственно примыкаютъ ученики, послѣдовательно поддерживавшіе и продолжавшіе ихъ дѣло: Карлъ Грюнъ, Бертольдъ Зуле [1]), Грунше, Фрауэнштедтъ и цѣлая школа Гербарта. Ихъ всѣхъ не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто дѣйствительно желаетъ имѣть о нѣмецкой философіи правильное понятіе.

Но если огульный эпитетъ „метафизическій“ не годился для нѣмецкой философіи и тогда, когда метафизика находилась еще въ славѣ и пользовалась силою, то тѣмъ менѣе годится онъ теперь, когда прославленныя метафизическія системы лежатъ въ развалинахъ и научная философія успѣшно развивается и пользуется вліяніемъ. Успѣхи научной философіи свидѣтельствуютъ,

[1]) Бертольдъ Зуле (Berthold Suhle) совершенно у насъ неизвѣстенъ, а потому я считаю нужнымъ отмѣтить здѣсь его монографію о Шопенгауэрѣ: „A. Schoppenhauer und die Philosophie der Gegenwart. Antimetaphysische Untersuchungen mit besonderer Rucksicht auf die Denker des XVIII Jahrhunderts“. 1862, I Theil.

конечно, весьма краснорѣчиво въ пользу присутствія въ природѣ нѣмцевъ стремленія къ окончательному выходу изъ темныхъ умозрѣній, но, въ то же время, успѣхи эти, опять-таки, очень далеки еще отъ того, чтобы дать нѣмецкой философіи однородный характеръ. Сколь неправильно видѣть въ ней метафизическую исключительность, столь же неправильно было бы считать теперь господствующимъ характеромъ ея научность: пестрота и разнородность остаются прежнія. Одинъ успѣхъ Гартмана болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы разогнать въ этомъ отношеніи всякія иллюзіи, тѣмъ болѣе, что Гартманъ не геній и не отличается никакими возвышенными качествами, какъ, напримѣръ, Фихте-старшій. Но невѣжество и шарлатанство Гартмана не остаются скрытыми, и философія Гартмана подъ ударами сильныхъ противниковъ падаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ поднялась. Можно сказать, что въ настоящее время, внѣ группы поклонниковъ, отличающихся несомнѣнною склонностью къ мистицизму, Гартманъ вовсе уже не имѣетъ сторонниковъ и почитателей [1]).

Рѣшительнымъ поворотомъ противъ метафизики слѣдуетъ, конечно, считать провозглашеніе необходимости для философіи возвратиться къ Канту. Характеристическія подробности этого важнаго момента развитія современной нѣмецкой философіи читатель найдетъ въ моемъ „Опытѣ критическаго излѣдованія основоначалъ позитивной философіи“; здѣсь же я коснусь только той стороны этого многознаменательнаго поворота, которая можетъ пригодиться намъ для ознакомленія съ характеромъ научной философіи.

Необходимость возвращенія къ Канту была провозглашена въ 1865 г.; движеніе же умовъ, вызванное ею, стало получать выраженіе въ цѣломъ рядѣ трудовъ по критической философіи, начиная съ 1870 года. Ранѣе этого года появилась только „Исторія матеріализма“ Фр. Альб. Ланге, въ которой изслѣдованію

[1]) Научное ничтожество воззрѣній Гартмана превосходно разоблачено Оскаромъ Шмидтомъ въ его „Naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewussten“. 1877. См. также Karl Grun Die Philosophie in der Gegenwart. 1876, и E. Duhring, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 457—492.

философіи Канта дано было очень видное мѣсто Съ 1871 года стали появляться сочиненія Когена, Паульсена, Риля, Карла Геринга и др. весьма многочисленныхъ писателей, число которыхъ все возрастаетъ; позже вышло и второе изданіе упомянутаго сочиненія Ланге съ главой о Кантѣ, совершенно передѣланной вслѣдствіе вліянія новой литературы о Кантѣ, въ особенности трактата Когена. Между сочиненіями, вызванными провозглашеніемъ необходимости возвращенія къ Канту, надо отличить прежде всего тѣ, которыя посвящены изученію и изслѣдованію кантовой философіи, отъ тѣхъ, которыя въ воскрешеніи вліянія Канта на современную философію видятъ только толчокъ къ новому шагу въ ея развитіи. Рѣшительность и опредѣленность втораго изъ этихъ взглядовъ не у всѣхъ писателей одинаковы: онѣ возрастали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе выяснялось отношеніе философіи Канта къ наукѣ нашего времени и чѣмъ очевиднѣе становилась невозможность буквальнаго и точнаго осуществленія „возврата“ къ этой философіи. Если Альб. Ланге развивалъ еще мысль о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя должна претерпѣть система Канта подъ вліяніемъ современной науки, и впадалъ вслѣдствіе этого въ немалыя противорѣчія [1]), то Риль и К. Герингъ уже болѣе не являются кантіанцами, хотя бы и не ортодоксальными, какъ Ланге. Риль находитъ, что система Канта страдаетъ двойственностью и что принципіальные успѣхи естественныхъ наукъ не дозволяютъ оставаться болѣе на точкѣ зрѣнія Канта; однако-же онъ смотритъ еще на методъ Канта, какъ на непреходящую заслугу этого мыслителя, и полагаетъ поэтому возможнымъ остановиться на ней (A. Riel. Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. I Band, Vorrede). Что же касается К. Геринга, то онъ уже рѣшительно объявляетъ о своей полной независимости отъ Канта. „Предлагаемая мною система критической философіи—говоритъ онъ—не входитъ въ область историческаго критицизма или кантіанизма; она названа мною критическою только потому, что критика, въ общемъ научномъ зна-

[1]) См. статью М Гейнце во 2-й кн. Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie. 1876.

ченіи этого термина, составляетъ ея основаніе“ (C. Göring. System der kritischen Philosophie. I Band, Vorwort). Такимъ образомъ, между системою К. Геринга и системою Канта только и есть общаго что идея критики „въ общемъ научномъ значеніи этого термина“. Вникая, однако-же, въ мнѣнія К. Геринга о философіи Канта, вводя мнѣнія эти въ связь съ тѣми философскими воззрѣніями, которыя возникли подъ вліяніемъ возобновленнаго изученія Канта, и слѣдя за постепеннымъ установленіемъ идеи самобытной философской критики у ново-кантіанцевъ, нельзя не придти къ несомнѣнному убѣжденію, что К. Герингъ, при всей его философской самостоятельности, при всей сокрушительности его критики тѣхъ воззрѣній Канта, за которыя еще держится Риль,— что К. Герингъ есть дѣтище ново-кантіанства и безъ него, какъ безъ прецедента, невозможенъ. Нѣтъ спора, что кантіанство является у К. Геринга до такой степени растворенным въ наукѣ и до того поглощеннымъ ею, что теряется основаніе считать систему его даже хоть сколько-нибудь кантіанскою; несомнѣнно только, что привело къ ней кантіанство, что оно играло весьма важную роль въ созданіи тѣхъ условій, которыми опредѣлилась новая критическая точка зрѣнія.

Идти далѣе только-что указаннаго толкованія соотношенія между Кантомъ и К. Герингомъ было бы ошибочно еще и потому, что не одинъ только Кантъ подготовилъ элементы философіи К. Геринга, но еще въ извѣстной мѣрѣ и Шопенгауэръ, и притомъ тою именно стороною своего ученія, которая наиболѣе противоположна воззрѣніямъ Канта. Но надо замѣтить, что воззрѣнія Шопенгауэра достигли К. Геринга точно такимъ же путемъ, какъ и воззрѣнія Канта, а именно пройдя чрезъ науку и очистясь въ ней. Роль Шопенгауэра уступаетъ, впрочемъ, роли Канта въ этомъ процессѣ, а потому и система носитъ названіе критической „Только соединеніе критики и систематической философіи—говоритъ К. Герингъ—дѣлаютъ успѣхи въ области философіи возможными.“ Такимъ образомъ, критичность является тою существенною чертою, которою характеризуются воззрѣнія современнаго фазиса „научной философіи“.

При такомъ генетическомъ восхожденіи къ Канту, не можетъ

быть и рѣчи для научной философіи о возвращеніи къ нему. Наслѣдуется не система, не рѣшеніе задачи, а только духъ и смыслъ этой задачи. „Критицизмъ — говоритъ Риль — есть разрушеніе трансцендентнаго, основаніе положительной философіи Положительное направленіе критицизма отличаетъ его отъ простаго скептицизма. Сомнѣніе критицизма ведетъ за собою не отрицаніе, а созданіе основаній. Самъ по себѣ, онъ, конечно, лишенъ творчества, но онъ освобождаетъ творческія силы; онъ пробуждаетъ духъ отъ метафизическихъ грезъ для дѣятельности при свѣтѣ дня, въ средѣ живой дѣйствительности. Онъ указываетъ философіи путь прогрессирующей науки“ [1]). Изъ этого видно, что критицизмъ выступаетъ у новѣйшихъ мыслителей въ такой формѣ, въ которой центръ тяжести переносится изъ области воззрѣній Канта въ область требованій положительной науки и, слѣдовательно, можетъ вести къ результатамъ, находящимся къ системѣ Канта въ полной противоположности. У Риля противоположность эта смягчается еще удержаніемъ метода Канта, у К. Гёринга она проникаетъ насквозь всю систему, у Авенаріуса получаетъ даже яркое внѣшнее выраженіе въ самомъ заглавіи его труда, въ словахъ „критика чистаго опыта“. (См. R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung. 1876).

Основной характеръ критицизма представляется, такимъ образомъ, анти-метафизическимъ: критицизмъ стремится къ устраненію трансцендентнаго и обоснованію положительной философіи. Это крайне важный моментъ современной нѣмецкой научной философіи, и у Риля онъ является принципіально сознаннымъ и установленнымъ. „Критическая философія—говоритъ Риль—немедленно по своемъ возникновеніи обнаружила анти-метафизическую тенденцію и, слѣдовательно, стала держаться строго-на-

[1]) Я передалъ въ этой цитатѣ выраженіе Риля „positive Philosophie“ словами положительная философія, а не позитивная, потому что Риль имѣетъ въ виду не философію Огюста Конта, а только такую, которая, исходя изъ критическаго начала и основываясь на наукѣ, даетъ ученіе, противополагающееся скептицизму.

учнаго направленія. Когда она уклонилась отъ разсмотрѣнія вещей и прежде всего устремилась внутрь разума и стала изслѣдовать и измѣрять способность пониманія, то случилось это, говоря вмѣстѣ съ Юмомъ, затѣмъ, чтобы выдѣлить изъ науки „тяжеловѣснѣйшую и абструзнѣйшую часть“ мнимаго знанія сверхчувственныхъ вещей и разрушить область вымышленнаго бытія и превращенныхъ въ вещи понятій. Такимъ образомъ, Локкъ дошелъ до источника понятій съ тѣмъ, чтобы истребить порожденную воображеніемъ врожденность знанія. Онъ изслѣдовалъ образъ происхожденія понятій для того, чтобы пріобрѣсти критерій, при посредствѣ котораго возможно бы было отличать естественно возникшія понятія отъ понятій, образованныхъ искусственно. Юмъ, одинъ изъ „географовъ человѣческаго разума“, обслѣдовалъ природу разума и подвергъ его способности и силы тщательному анализу; онъ имѣлъ при этомъ въ виду показать, что познавательная способность совсѣмъ не направлена на такіе отдаленные предметы, какъ объекты метафизики. Это изслѣдованіе человѣческой природы было для него тою истинною метафизикою, которая призвана къ устраненію ложной метафизики школъ. Кантъ, наконецъ, поставилъ вопросъ о правильности и значеніи синтетическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ независимыхъ отъ опыта знаній, преслѣдуя такою постановкою цѣль, заключавшуюся въ томъ, чтобы посредствомъ ограниченія знанія повести противъ метафизики процессъ и раскрыть призракъ мнимаго знанія сверхчувственнаго и надъ-эмпирическаго (метэмпирическаго, какъ сказалъ бы Льюисъ). Для того, чтобы рѣшить этотъ единственный вопросъ о возможности существованія метафизики, онъ составилъ цѣлый инвентарь чистыхъ понятій, испыталъ съ несравнимою основательностью и проницательностью каждый изъ нихъ и сдѣлалъ, такимъ образомъ, свою метафизику основаніемъ научной критики и научной теоріи. Такимъ образомъ, борьба противъ метафизическаго призрачнаго знанія выставила въ особенно-яркомъ свѣтѣ выработку истиннаго знанія и его значеніе. Вся же важность критическаго движенія философіи станетъ ясною только тогда, когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что метафизическое мышленіе глу-

боко коренится въ естественномъ стремленіи людей ко всему безмѣрному и безграничному. Не стѣсняя своего произвола при образованіи и комбинированіи мысленныхъ формъ, разумъ создавалъ основаніе силѣ своего свободнаго творчества и тѣмъ поддерживалъ и—даже болѣе—вызывалъ метафизическій обманъ. Этимъ же объясняется тотъ фактъ, что и самыя положительныя науки не могли не подвергнуться искаженію этимъ обманомъ. Основныя понятія ихъ—матерія и сила—даже до послѣдняго времени оставались въ туманѣ метафизической двусмысленности. Философскій критицизмъ оказываетъ, слѣдовательно, и положительнымъ наукамъ важнѣйшія услуги, а именно: онъ создаетъ извѣстный родъ имманентной критики, которая заключается въ отдѣленіи теоріи отъ фактовъ и выясненіи правильнаго отношенія первой къ послѣднимъ. Теорія, съ этой критической точки зрѣнія, является только орудіемъ, дающимъ способы охватить и обработать самое ядро знанія — факты. Понятія перестаютъ разсматриваться поэтому въ отношеніи ихъ значенія самихъ по себѣ, и установляется различіе между основными частями знанія, являющимися только идеальными формами умственной дѣятельности, и содержаніемъ знанія, дѣйствительными лицами и событіями. Для болѣе же тонкихъ метафизическихъ обмановъ, скрывающихся въ самыхъ понятіяхъ, установляется еще критика этихъ понятій и ихъ приложеній. Такимъ образомъ, подтверждается правильность мнѣнія, что философскій критицизмъ составляетъ эпоху и во всеобщей исторіи наукъ.“

Какъ много ни заключаетъ взглядъ Риля вѣрныхъ мыслей, какъ рѣшительно ни ставитъ онъ вопроса объ устраненіи изъ философіи посягательства на познаніе трансцендентнаго, какъ близко ни подходитъ къ правильному опредѣленію истиннаго значенія знанія, однако другіе представители научнаго направленія философіи ясно доказали, что философія эта не примиряется со всѣми тезисами Риля, не можетъ остановиться тамъ, гдѣ онъ останавливается, и необходимо идетъ далѣе, до окончательнаго преодолѣнія кантовскаго критицизма, до самобытнаго обоснованія новаго научнаго критицизма, освобождающаго зна-

ніе не только отъ всего трансцендентнаго (непознаваемаго), но также и отъ всего трансцендентальнаго (априорнаго). Карлъ Герингъ, подвергнувъ воззрѣнія Канта строгой критикѣ и разработавъ новую теорію познаванія на началахъ науки, доказалъ, что a priori есть ни что иное, какъ еще разъ поставленное a posteriori а Рихардъ Авенаріусъ, изслѣдуя вопросъ объ очищеніи опыта отъ всѣхъ наносовъ, ему чуждыхъ, пояснилъ, что чистый опытъ является чистымъ не только отъ антропоморфизма, обусловленнаго чувствами, но и отъ антропоморфизма, обусловленнаго разумомъ, т.-е. отъ априорныхъ формъ мышленія. Формы мышленія были подведены, такимъ образомъ, подъ категорію наивнаго опыта, опыта не чистаго, смѣшаннаго съ антропоморфическими придатками.

Сочиненіе Авенаріуса, обѣщающее быть весьма важнымъ вкладомъ въ юную литературу научной философіи въ Германіи, едва еще начато, и оригинальный принципъ его (Princip des kleinsten Kraftmasses) требуетъ еще развитія и поясненія. Что же касается „Системы критической философіи“ К. Геринга, то первая половина ея уже вышла въ свѣтъ и даетъ возможность судить о значеніи этого мыслителя, въ самое короткое время заслужившаго весьма почетную извѣстность. Система К. Геринга не есть система въ старомъ, метафизическомъ смыслѣ. К. Герингъ исходитъ изъ непосредственнаго изученія фактовъ, и потому знаніе фактовъ считаетъ тѣмъ ядромъ истиннаго знанія, которое могло бы разростаться до неопредѣленныхъ предѣловъ, еслибы условія этого разростанія заключались въ самомъ принципѣ знанія, а не въ свойствахъ познающаго. Эти свойства ограниченностью своею кладутъ ограниченіе и знанію и заставляютъ разумъ уклониться отъ пути непосредственнаго знанія и перейти на путь знанія посредственнаго. Представленія, сохраняющія конкретно-индивидуальныя черты дѣйствительности, замѣняются обобщеніями, теряющими эти черты, т.-е. понятіями, при помощи которыхъ и возможно только для человѣческаго ума развитіе знанія. Это развитіе неизбѣжно совершается при посредствѣ расширенія предѣловъ понятій на счетъ содержанія представленій; но за то только этою цѣною пріобрѣтаются наука и философія,

эти двѣ высшія степени обобщенія знанія, замѣняющія для человѣка безпредѣльное его накопленіе. К. Гёрингъ—не творецъ этого взгляда на характеръ и значеніе нашего знанія; ранѣе его Шопенгауэръ. Гербартъ. Ибервегъ и др. высказывали его съ бо́льшею или меньшею силою и послѣдовательностью. Главы перваго сочиненія Шопенгауэра (Uber die vierfache Wurzel etc.) и особенно основнаго сочиненія его (Die Welt als Wille und Vorstellung), посвященныя этому вопросу, могутъ и теперь считаться лучшимъ изъ всего, что было написано для его выясненія. Заслуга К. Геринга и заключается, впрочемъ, не въ проявленіи философскаго творчества, а въ разумномъ заимствованіи у своихъ предшественниковъ того, что въ воззрѣніяхъ ихъ могло служить обоснованію научной философіи, и затѣмъ—что особенно важно—въ гармоническомъ объединеніи этого наслѣдія съ результатами современной науки. К. Герингъ пчелообразно отнесся ко всему тому, что доставляло ему прошедшее и современное, но онъ не впалъ въ эклектизмъ, онъ не пытался соглашать несогласимыя начала, не пробовалъ прилагать къ философіи принципъ „нельзя не сознаться, но надо признаться“, а, напротивъ того, соединялъ только существенно-однородное и отвергалъ все невыдерживавшее строгой критической провѣрки. Эта выдержка предохранила К. Гёринга отъ тѣхъ ошибокъ, о которыя разбились усилія мыслителей, у которыхъ К. Гёрингъ заимствовалъ нѣкоторыя свои воззрѣнія: К. Герингъ былъ послѣдовательнѣе ихъ самихъ въ проведеніи этихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, его основное воззрѣніе на характеръ человѣческаго знанія проведено у него стройно, безъ противорѣчій: онъ дѣйствительно исходитъ изъ представленій, онъ всегда различаетъ ихъ отъ понятій, никогда не ищетъ объекта послѣднихъ и тѣмъ болѣе никогда не кладетъ смѣшаннаго съ представленіемъ понятія въ основу теоріи. К. Гёрингъ поэтому не строитъ своей системы, подобно метафизикамъ, не выводитъ ее изъ какого-нибудь излюбленнаго понятія, а созидаетъ критическою работой мысли надъ матеріаломъ, доставляемымъ положительными науками. Цѣль его заключается въ образованіи такихъ общихъ понятій, которыя были бы выработаны тѣмъ же методомъ, что и частныя понятія

отдѣльныхъ наукъ, и общая совокупность которыхъ могла бы образовать систематическое цѣлое, которому К. Гёрингъ и придаетъ названіе научной философіи. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ философія К. Гёринга образуетъ систему. Какъ всякая отдѣльная наука образуетъ систему понятій низшихъ степеней обобщенія, точно также и научно-философская или критическая система философіи, устанавливаемая К. Герингомъ, образуетъ сводъ понятій высшихъ степеней обобщенія,—понятій, выработанныхъ изъ научныхъ обобщеній и чрезъ ихъ посредство связанныхъ съ представленіями, съ непосредственнымъ знаніемъ міра дѣйствительнаго.

Почти одновременно съ трудами поименованныхъ выше представителей „научной философіи“ въ Германіи, получилъ громкую и почетную извѣстность вполнѣ родственный имъ писатель—Тома Рибо во Франціи. Трактаты Рибо объ „англійской психологіи“ и „о наслѣдственности“ переведены—первый на англійскій и на испанскій языки, а второй на нѣмецкій—и очень радушно встрѣчены были въ Англіи, Испаніи и Германіи. Рибо, такъ же какъ и названные нѣмецкіе философы, признаетъ основаніемъ философіи одну только науку и съ замѣчательною яркостью и ясностью указываетъ на то восхожденіе обобщеній, которое приводитъ къ философскимъ понятіямъ. Вообще говоря, Рибо мыслитель вполнѣ положительный, хотя и не позитивный, писатель послѣдовательный, ясный, богатый эрудиціей,—словомъ, такой, у котораго всегда есть чему поучиться, и нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ его сочиненій не переведено на русскій языкъ. Индивидуальныя свойства таланта Рибо могли бы только расширить то понятіе, которое мало-по-малу складывается у насъ о научной философіи, никогда, подобно позитивизму, не замыкавшейся въ чуждую терпимости секту, и потому никогда не исключавшей индивидуальныхъ чертъ у мыслителей, связанныхъ единствомъ основъ своихъ міроразумѣній.

Я уже далъ нѣкоторое понятіе о новомъ фазисѣ развитія „научной философіи“ въ моемъ „Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“, гдѣ я поставилъ себѣ цѣлью показать, что̀ именно можетъ быть сохранено для нея въ на-

стоящее время отъ „позитивизма“ и въ какой мѣрѣ можетъ замѣнить его критическій реализмъ, составляющій основную характеристическую черту новой философской школы. Я не отвергалъ всецѣло современнаго значенія ученія Ог. Конта и, отдавая справедливость геніальности этого мыслителя, указывалъ только на гибельный для позитивизма застой, произведенный малоспособностью и наивнымъ самодовольствіемъ теперешнихъ его представителей, и выставлялъ на видъ рѣшеніе очередныхъ и насущныхъ для позитивизма вопросовъ ново-критической школой. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не слѣдовалъ рабски и за представителями этой школы, такъ какъ у меня сохранены были нѣкоторыя положенія Ог. Конта, которыхъ ново-критическая школа не принимаетъ. Отзывы уважаемыхъ мною лицъ въ нашей прессѣ, такъ же какъ рецензіи во французской „Revue Philosophique“ (1877. № 7) и въ испанской „Revista Contemporanea“ (1877. № 46) убѣждаютъ меня, что я тружусь не напрасно и что продолженіе моей работы можетъ разсчитывать на вниманіе и поддержку компетентныхъ судей.

Въ настоящемъ трудѣ, представляющемъ переработку для печати писемъ моихъ къ одному изъ молодыхъ моихъ друзей, я имѣю въ виду общую характеристику научной философіи и ея теоріи познаванія [1]) и, какъ и въ первой моей работѣ, упомянутой выше, являюсь не съ какою-нибудь оригинальною русскою философской системой, а только съ тѣми результатами западно-европейской философіи, которые могутъ считаться научными и на которые, поэтому, я могу указать какъ на прочно установленные. Задача моя, такимъ образомъ, остается по прежнему задачею

[1]) Теорія познаванія (Erkenntnisstheorie) имѣетъ предметомъ разрѣшеніе двухъ главнѣйшихъ задачъ: какимъ образомъ произошло знаніе и что̀ оно такое? т.-е. выясненіе процесса образованія знанія—познаванія, и результата его—познанія. Очевидно, что въ научной теоріи первенство принадлежитъ первому изъ этихъ вопросовъ и что имъ въ извѣстной степени предрѣшается второй; въ метафизической же теоріи значеніе ихъ располагается въ обратномъ порядкѣ: второй вопросъ ставится на мѣсто перваго и предрѣшается высшею дисциплиною—метафизикою. На основаніи этого соображенія я и отказался отъ термина, введеннаго у насъ метафизиками, и терминъ „теорія познанія“ замѣнилъ терминомъ „теорія познаванія“.

представителя сложившихся или слагающихся воззрѣній, задачею докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области философіи, зиждущейся на наукѣ. Такою философіею я не считаю исключительно одну философію группы Геринга-Авенаріуса, хотя во многомъ отдаю философамъ этой группы рѣшительное преимущество передъ другими ихъ собратьями. Относясь ко всѣмъ представителямъ научной философіи съ тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ, я далекъ отъ того, чтобы отрекаться отъ самостоятельнаго о нихъ сужденія и обусловленнаго имъ разборчиваго пользованія ихъ литературными трудами. Не имѣя предвзятыхъ симпатій и антипатій, я оставляю въ сторонѣ всѣ чуждыя задачѣ моей соображенія и стараюсь разрѣшить ее всѣми средствами, какими располагаю.

ПИСЬМО I.

Если вы обратитесь къ людямъ, по праву считающимъ себя образованными, т.-е. къ людямъ, мышленіе которыхъ не чуждо критики, и попросите ихъ разсказать вамъ исторію ихъ умственнаго развитія, то вы скоро замѣтите, что счастливцы, вынесшіе начала истиннаго просвѣщенія непосредственно изъ дома родительскаго, составляютъ между спрошенными вами рѣдкія исключенія. Отъ значительнѣйшаго же большинства вы навѣрно узнаете болѣе или менѣе однообразную и болѣе или менѣе печальную исторію. Дѣтство, отрочество, иногда юность ихъ протекли, конечно, въ обстановкѣ, до такой степени преизобильно полной невѣжества, суевѣрія и всякаго рода пошлости, что „образованными“, „мыслящими критически“, они никакъ не могли бы и быть, еслибы предварительно не омылись отъ копоти домашняго очага и не вступили на новый путь развитія,—путь, частью неизвѣстный блюстителямъ сладости дыма отечества, частью предаваемый ими самому искреннему проклятію. Моментъ кризиса въ развитіи нашихъ образованныхъ людей представится вамъ навѣрно какъ выдающаяся черта ихъ умственной жизни. Замѣтьте эту основную черту и, продолжая ваши разспросы, постарайтесь убѣдиться, всѣ ли пережившіе кризисъ сознаютъ его? Вы навѣрно замѣтите при этомъ, что у многихъ кризисъ совершался такъ незамѣтно, тянулся такъ долго, или шелъ такими непра-

вильными, случайными скачками, что они проглядѣли его, и затѣмъ, конечно, сочли ходъ своего развитія безмятежнымъ, ровнымъ, цѣльнымъ. Вамъ, въ качествѣ постороняго наблюдателя, придется однако-же возстановить несомнѣнный фактъ кризиса, опредѣливъ его по даннымъ самого повѣствователя, вамъ придется нарушить слѣпую его увѣренность въ цѣлостность общаго хода его умственной жизни и придется доказать, что ходъ этотъ, по характеру своему, не имѣетъ сходства съ развитіемъ зауряднаго растенія, дающаго плодъ, тождественный съ тѣмъ, изъ котораго само оно выросло, но уподобляется развитію того растенія, которое претерпѣло прививку.

Но если вы замѣтите, что люди, мыслящіе критически, пережили переломъ въ своей умственной жизни безсознательно и не выработали убѣжденія въ неизбѣжности кризиса при извѣстныхъ условіяхъ, то вамъ совсѣмъ уже не трудно будетъ видѣть, что для не пережившихъ кризиса явленіе это частью невразумительно, частью представляется чуть не преступленіемъ, и всего чаще остается совершенно неизвѣстнымъ. Нечего удивляться поэтому, если значительное большинство окружающаго васъ общества полагаетъ, что просвѣщеніе, образованіе, ученость суть разныя степени накопленія знанія, представляютъ количественную его сторону у того или другаго лица, причемъ качественная сторона не претерпѣваетъ никакого измѣненія, или если и претерпѣваетъ, то въ смыслѣ какого-то зловреднаго поврежденія, отъ накопленія знаній независящаго и являющагося откуда-то извнѣ. Реальнымъ осуществленіемъ такого взгляда и является, такъ-называемая, „двойная бухгалтерія“, представителей которой вы тоже встрѣчаете, конечно, не мало, и знаете, что это „гробы“, которыхъ случайно не снесли еще на кладбище. У насъ идетъ рѣчь только о живыхъ.

Живое живетъ, развивается, т.-е. претерпѣваетъ измѣненія. Я хочу обратить ваше вниманіе только на то, что измѣненія эти, какъ они ни бываютъ радикальны, остаются подъ-часъ несознанными. Есть возможность однако-же пробудить сознаніе, расшевелить соннаго, снять катаракту у слѣпаго. Здѣсь вамъ совсѣмъ не трудно будетъ возстановлять факты болѣе или менѣе

раннихъ, болѣе или менѣе полныхъ, болѣе или менѣе острыхъ и мучительныхъ кризисовъ. Пока нѣтъ доктринерства, пока ложная хитросплетенная теорія не становится вамъ преградою на пути, до тѣхъ поръ вы всегда останетесь побѣдителемъ хотя бы въ силу одной только очевидности. Но настоящія трудности начнутся для васъ, когда вамъ скажутъ, что „научный характеръ мышленія тождественъ обыденной смышлености или такъ-называемому здравому смыслу (sens commun) и отличается отъ него только степенью, и что, слѣдовательно, ни для какого кризиса въ развитіи образованныхъ людей нѣтъ повода, а что если-де иногда и совершаются измѣненія при переходѣ отъ низшей степени умственнаго состоянія къ высшей, то измѣненія эти ограничиваются очищеніемъ процесса развитія отъ нѣкоторыхъ засоряющихъ его элементовъ и вовсе не вносятъ въ самый процессъ развитія никакого рѣшительнаго и существеннаго переворота, а слѣдовательно не имѣютъ ничего общаго съ такимъ явленіемъ, которое мы съ достаточнымъ основаніемъ могли бы считать кризисомъ".

Когда вы наткнетесь на докринера „уличной философіи", то вамъ представится новая задача: умѣть отстоять свои убѣжденія, умѣть подорвать состоятельность воззрѣній противника. Въ бо́льшей части случаевъ вы не переубѣдите его, конечно, такъ какъ представители уличнаго обыденнаго мышленія руководствуются исключительно только практическими побужденіями, обусловливающими ихъ предвзятыя положенія, но никогда не научными доводами. Тѣмъ не менѣе, даже зная напередъ объ ожидающемъ васъ неуспѣхѣ, вы ни за-что не должны отказываться отъ изложенія вашихъ резоновъ, такъ какъ высказанное вами, не задѣвъ сознанія доктринера практичности, можетъ оказать благотворное вліяніе на другихъ, чуждыхъ тѣхъ предвзятій, черезъ которыя никогда не переходитъ никакая логика, никакая наука, никакой свѣтъ. Постарайтесь же положить преграды этому злу, и не ограничивайтесь однимъ лишь добрымъ намѣреніемъ или одною невооруженною умѣньемъ энергіею, но именно прежде всего умѣйте сдѣлать то, за что беретесь. Кое въ чемъ я могу помочь вамъ, и для этого и пишу вамъ эти письма, извиняясь напередъ за

неполноту ихъ. Хотѣлось бы мнѣ, и очень бы хотѣлось сдѣлать ихъ полнѣе, но вѣдь на всякое хотѣніе есть терпѣніе.

Возвратимся къ обыденному уличному мышленію Вы замѣтили, конечно, что хаосъ его всегда возростаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ единичнаго, личнаго опыта, и вмѣстѣ съ возрастаніемъ этимъ принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія черты и становится все болѣе и болѣе нетерпимымъ. Этотъ единичный, личный опытъ и составляетъ тотъ „пошлый опытъ—умъ глупцовъ", съ которымъ носится такая масса людей, результатами котораго набита такая масса головъ. Ясно до очевидности, что не всякій опытъ умудряетъ и не всякаго можетъ умудрить опытъ. Возьмите, напримѣръ, хоть опытъ воина, продѣлывающаго кампанію съ какимъ-нибудь искуснымъ полководцемъ. Становится ли онъ въ силу одного только этого опыта знатокомъ стратегіи и тактики? А вѣдь кампанію продѣлываютъ и имѣютъ въ ней свою долю опыта даже лошаки и мулы обоза. Все это такъ, но все это убѣдитъ тѣмъ не менѣе не всѣхъ и каждаго. Кого изъ насъ не окружаетъ, подобно безбрежному морю, трясина уличной философіи, кто не зацѣпился о гнилую колоду пошлаго опыта, многимъ ли удавалось благополучно миновать эти препятствія и выйти на дорогу, ведущую къ свѣту, къ правдѣ и справедливости? Нельзя не вооружаться поэтому противъ тлетворнаго вліянія этой нравственной и умственной порчи, нельзя довольствоваться одною голою къ ней ненавистью; необходимо узнать ея корни, познакомиться съ условіями ея роста и развитія, выучиться узнавать ее во всѣхъ обличіяхъ и формахъ, и имѣть возможность противопоставить ей не одно только отрицаніе и сомнѣніе, но и научное, положительное рѣшеніе вопросовъ, уже считавшихся у обыденнаго мышленія рѣшенными окончательно и безапелляціонно.

Ставя себѣ такую задачу, неизбѣжно придется начать издалека, коснуться не разъ кое-чего такого, что съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно лишеннымъ связи съ занимающими насъ вопросами, и вообще придется приняться за „сухую матерію". Извиняюсь заранѣе, если этимъ не угожу; но иначе я рѣшить моей задачи не умѣю. Вотъ и теперь я намѣренъ повести рѣчь

о нѣкихъ философахъ, встрѣтиться съ которыми вы, пожалуй, и не ожидали, а именно, о шотландскихъ философахъ, которые, впрочемъ, очень занимали васъ, когда вы читали Бокля. Я обращаюсь къ этимъ старымъ шотландцамъ потому, что они, благодаря вліянію своему на нѣкоторыхъ французскихъ мыслителей первой половины настоящаго вѣка (Ройе-Коляръ, Тома Жуффруа, Кузенъ, Ад. Гарнье, Ог. Контъ), успѣли пустить въ обращеніе мысль, что такъ-называемый здравый или, иначе, обыденный смыслъ долженъ быть разсматриваемъ какъ низшая степень въ томъ общемъ и цѣльномъ ходѣ умственнаго развитія, высшая степень котораго подымается до науки и философіи. Между здравымъ смысломъ и разумомъ, по идеѣ шотландцевъ, не существуетъ и не можетъ существовать никакого разлада, переходъ отъ положеній, устанавливаемыхъ здравымъ смысломъ, къ тезисамъ науки и философіи не представляетъ, слѣдовательно, никакого кризиса, а наука вмѣстѣ съ философіею только подтверждаютъ въ концѣ-концовъ то, что было провозглашено какъ истина непосредственною, обыденною смышленостью. И хотя одинъ изъ самыхъ видныхъ шотландцевъ (Дугальдъ Стюартъ), говоря о философіи главы школы—Рида [1]), и старается придать термину здравый смыслъ или обыденный смыслъ такое толкованіе, которое давало бы право называть этимъ именемъ способность образованія и усвоенія „основныхъ идей“, „аксіомъ“ и „интуицій“ (непосредственно усматриваемыхъ истинъ), но за здравымъ смысломъ осталось, однако-же, во Франціи именно то значеніе, которое было указано выше, и въ настоящее время оно поддерживается тамъ еще весьма рѣшительно. Такъ, въ новомъ изданіи „Философскаго словаря“, появившемся въ 1875 году, мы читаемъ статью редактора (Ад. Франка), въ которой утверждается, что „хотя философія говоритъ болѣе, чѣмъ можетъ сказать обыденный смыслъ, и говоритъ лучше его, но она не должна ему противорѣчить. Нельзя допустить, чтобы она уничтожала зерно, которое она желаетъ оплодотворить, или раз-

[1]) Dugald Stewart Vie de Reid, p. 75 (Oeuvres complètes de Th. Reid, publiés par Th. Jouffroi. Paris, 1836. Tome I).

рушала основаніе, на которомъ призвана строить. Всѣ положенія, которыя она развиваетъ, подвергаетъ анализу, различаетъ и выясняетъ, всѣ они заимствованы ею у обыденнаго смысла. Когда она отвергаетъ эти положенія, обыденный смыслъ возмущается, а когда онъ возмущается—философія уличается въ заблужденіи" (стр. 1586). Вліяніе позитивизма во Франціи и въ Европѣ, если не шире, то несомнѣнно глубже, чѣмъ вліяніе той безхарактерной метафизики, представителями которой являются Ад. Франкъ и его сотрудники, а позитивизмъ, по словамъ современнаго главы его—Литтре, изъ всѣхъ новѣйшихъ философскихъ школъ всѣхъ ближе къ шотландской [1]) и, по отношенію къ вопросу о значеніи обыденнаго смысла, поддерживаетъ именно ея взгляды. Весь „Курсъ позитивной философіи", по словамъ самого Ог. Конта, имѣетъ цѣлью представить доказательства въ пользу того, что духъ истинной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму, и выясненіе той истины, что высшіе научные пріемы проистекаютъ лишь отъ счастливой систематизаціи пріемовъ обыденной смѣтливости [2]). Такимъ образомъ, съ легкой руки нынѣ совсѣмъ забытыхъ шотландцевъ, не перестаетъ повторяться на разные лады, что научное міроразумѣніе составляетъ прямой результатъ хода развитія обыденнаго мышленія, и что между двумя этими фазисами умственнаго развитія нѣтъ никакой противоположности, не лежитъ никакого перелома.

Ничто не можетъ быть однако ошибочнѣе такого взгляда. Тотъ же Контъ, которому особенно обязанъ взглядъ этотъ своею живучестью, окончательно, хотя и безсознательно, подрылъ его извѣстнымъ своимъ „закономъ трехъ состояній". Законъ этотъ, опредѣляя основныя черты трехъ типовъ возможныхъ для ума человѣческаго міроразумѣній—супра-натуральнаго, метафизиче-

---

[1]) E. Littré. De la méthode en psychologie. La philosophie positive. Revue. 1867 № 2, p. 279.

[2]) A. Comte. Cours de philosophie positive. 3 édition. Tome VI, p. 602—603.

скаго и научнаго, такъ ярко обнаружилъ противоположность послѣдняго двумъ первымъ, что всякій, кто внимательно вникнетъ въ дѣло, не можетъ не увидѣть глубокой пропасти между ними и неизбѣжно долженъ констатировать неминуемость кризиса при переходѣ отъ мистико-умозрительныхъ воззрѣній къ воззрѣніямъ научнымъ. „Законъ трехъ состояній“ пользуется у насъ такою извѣстностью, что я считаю совершенно излишнимъ останавливаться здѣсь надъ его характеристикою, а повторю только то общее заключеніе о немъ, которое я имѣлъ уже случай высказать въ другомъ мѣстѣ, а именно, что сопоставленіе научнаго міровоззрѣнія съ метафизическимъ приводитъ насъ къ оцѣнкѣ значенія критическаго начала, присущаго первому, какъ основанному на наукѣ. Опираясь на него, мы имѣемъ возможность предохранить себя отъ вторженія въ строй нашихъ понятій всего того, что вырабатывается непосредственнымъ мышленіемъ и что всегда является болѣе или менѣе сплошнымъ міромъ призраковъ, болѣе или менѣе цѣльною иллюзіею. Какъ ни представляется гармоничнымъ, сложнымъ, тонкимъ, глубокимъ, а иногда величественнымъ, строй этихъ призраковъ и иллюзій въ различныхъ метафизическихъ системахъ, но критика преодолѣваетъ производимое ими обаяніе, твердо устанавливаетъ качественное тождество между ними и пестренькими продуктами обыденнаго мышленія и доводитъ до очевидности отсутствіе въ нихъ всякаго реальнаго содержанія. Точно также поступаетъ она и по отношенію къ міроразумѣнію супра-натуральному, о которомъ, впрочемъ, я не стану здѣсь распространяться, такъ какъ еще въ древности рѣшено было, что въ философскомъ изслѣдованіи не стбитъ и упоминать о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя облекаются въ миѳическія формы (Аристотель). Объ этихъ формахъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ не могутъ устоять и формы умозрительныя, и гдѣ единственнымъ источникомъ содержанія понятій признается наблюденіе и опытъ, проведенные согласно всѣмъ требованіямъ научнаго метода.

Такимъ образомъ, законъ трехъ состояній—каково бы тамъ ни было его соціологическое значеніе—имѣетъ въ области теоріи познаванія большую важность. Устанавливая противоположность

непосредственнаго, обыденнаго мышленія мышленію научному, онъ даетъ начало въ высшей степени плодотворному анализу задача котораго заключается въ исчерпаніи всѣхъ чертъ различія указанныхъ двухъ направленій мысли и вырабатываемыхъ ими мироразумѣній. Укажу теперь вамъ только на основныя черты этого различія. Мышленіе, какъ непосредственный психическій процессъ, образуетъ представленія безсознательно и затѣмъ столь же безсознательно ассоціируетъ представленія въ обобщенія, т.-е. въ понятія. Безсознательность этой работы естественно ведетъ къ несознаваемости различія между представленіями и выработанными изъ нихъ понятіями и, затѣмъ, производитъ и другое смѣшеніе, а именно: смѣшеніе непосредственнаго соотвѣтствія представленій объектамъ съ посредственнымъ соотвѣтствіемъ имъ понятій. Смѣшеніе это, очевидно, производитъ постоянную подтасовку представленій вмѣсто понятій и, такимъ образомъ, навязываетъ понятіямъ мнимые, измышляемые объекты, т.-е. даетъ начало цѣлому ряду призраковъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ сознательная работа научнаго мышленія или познаванія: вырабатывая представленія не иначе какъ изъ данныхъ воспріятій, образуя понятія не иначе какъ изъ цѣлесообразно ассоціированныхъ представленій, познаваніе является упорядоченнымъ мышленіемъ,—мышленіемъ, подчиненнымъ объективнымъ условіямъ и имѣющимъ свое выраженіе въ научномъ методѣ. Познаваніе, такимъ образомъ, достигаетъ знанія при помощи регулированія субъективнаго процесса мышленія, оно, при посредствѣ подчиненія мышленія объективнымъ условіямъ, привязываетъ его къ почвѣ дѣйствительности и обезпечиваетъ его отъ гибели въ неизбѣжномъ, при безсознательности процесса мышленія, мірѣ призраковъ.

Я однако-жъ слишкомъ забѣжалъ впередъ и, быть можетъ, не напрасно опасаюсь, что вы перестали понимать меня. Вернемся нѣсколько назадъ и остановимся надъ общею характеристикою процесса мышленія.

Обусловленное ощущеніями воспріятіе есть именно тотъ простѣйшій элементарнѣйшій фактъ, съ котораго намъ слѣдуетъ начать. Такое значеніе воспріятія должно быть признано не од-

ними послѣдователями реалистической философіи, что само собою разумѣется, но и сторонниками трансцендентальнаго идеализма, которые вслѣдъ за Кантомъ должны признать, что „безъ чувственности мы не имѣли бы предмета“, что одна чувственность даетъ содержаніе мысли и что поэтому мысль, оторванная отъ почвы чувственности, пуста („Критика чистаго разума“, перев. М. Владиславлева, стр. 53). Итакъ, въ воспріятіи лежитъ начало опыта въ широкомъ смыслѣ (Erfahrung), дающаго содержаніе мышленію, но самое мышленіе, очевидно, начинается только тогда, когда содержаніе это уже усвоено, т.-е. когда оно извѣстнымъ образомъ воспроизведено, когда оно изъ воспріятія стало представленіемъ. Такимъ образомъ, всякое явленіе, такъ или иначе воспринятое нами, можетъ по этому самому стать предметомъ нашего представленія. Но такъ какъ всякое явленіе есть нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное, то и представленіе есть также нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Эту существенно важную характеристическую черту представленія необходимо никогда не терять изъ виду тому, кто желаетъ не терять возможности оріентироваться въ ходахъ и переходахъ мысли, какъ тогда, когда процессъ мышленія остается еще простымъ, такъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ достигаетъ высшихъ степеней осложненности. Замѣчаніе это вполнѣ выяснится только нѣсколько позже; теперь же прослѣдимъ далѣе за судьбою сложившихся, готовыхъ представленій. Замѣтимъ прежде всего, что возникновеніе представленій, какъ неизбѣжнаго результата ощущеній, воспріятій, жизни вообще, идетъ неудержимо и непрерывно и даетъ намъ непомѣрное изобиліе матеріала. Нѣтъ никакой возможности сохранить представленіе всякаго человѣка, всякаго дерева, камня, зданія, вообще всякаго предмета, который мы видѣли; у насъ нѣтъ силъ неуклонно слѣдовать по пути представленій, мы рискуемъ пасть подъ ихъ бременемъ и потому, по-неволѣ, должны пожертвовать содержательнымъ и опредѣленнымъ соотвѣтствіемъ ихъ дѣйствительности, ихъ полнотою, ясностью и законченностью, и, пользуясь замѣченными между ними сходствомъ и различіемъ, соединять и

дробить ихъ такъ, чтобы полученныя такимъ путемъ новыя комбинаціи не подавляли насъ и, насколько возможно, соотвѣтствовали нашимъ силамъ и способностямъ. Эти новыя комбинаціи, обыкновенно называемыя понятіями, будутъ неизбѣжно приблизительны, блѣдны, отрывочны и неопредѣленны, но за то они дадутъ намъ возможность не теряться среди массы представленій, дадутъ возможность продолжать процессъ мысли, подскажутъ намъ значеніе и годность для насъ каждаго отдѣльно взятаго представленія. Понятія являются, такимъ образомъ, логическими идеалами, назначеніе которыхъ заключается въ такой замѣнѣ заслоняемыхъ ими представленій, которая доставалась бы намъ съ возможно меньшей потерей дорогихъ для насъ свойствъ представленій: ихъ индивидуальности, опредѣленности, яркости, жизненности вообще. Очевидно однако-же, что такой идеалъ недостижимъ, такъ какъ все конкретное, индивидуальное, опредѣленное, яркое, живое должно погибнуть въ искусственной комбинаціи, даваемой понятіемъ, и только такимъ образомъ сдѣлать процессъ мышленія возможнымъ. Понятія, какъ видно изъ этого, не относятся къ предметамъ и явленіямъ непосредственно, подобно представленіямъ, а только чрезъ посредство этихъ послѣднихъ. У понятій нѣтъ своихъ объектовъ, такія объекты существуютъ только у представленій; понятіе не относится къ этому человѣку, къ этому дереву, камню, т.-е. не къ Ивану, не къ березѣ, растущей у его дома, не къ обломку гранита, который онъ привалилъ подъ эту березу; но къ человѣку вообще, дереву вообще, камню вообще. Такимъ образомъ, понятія являются только приспособленіемъ представленій къ свойствамъ мыслящаго субъекта, и не только не имѣютъ въ дѣйствительности явленій, соотвѣтствующихъ имъ помимо представленій, но и сами существуютъ не какъ представленія, ибо, какъ то было замѣчено выше, понятія суть идеалы недостижимые. Строго говоря, слѣдовало бы утверждать, что понятія не существуютъ, а что существуетъ только стремленіе къ ихъ образованію,—стремленіе, завершающееся всегда полу-достиженіемъ этой цѣли. Такимъ образомъ, о понятіи вполнѣ образованномъ, законченномъ, завершенномъ мы не можемъ имѣть никакого представленія, а мы-

слимъ и его только какъ понятіе. Сопоставленіе этой характеристической черты понятій съ указанной выше характеристической чертой представленій выясняетъ съ полною отчетливостью различіе этихъ двухъ моментовъ мышленія и приводитъ къ правильному взгляду на ихъ соотношеніе. Не надо упускать изъ виду только, что понятія, при всемъ ихъ несовершенствѣ, служатъ къ преодолѣнію границъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ во времени и въ пространствѣ и. вмѣсто безконечнаго ряда представленій, даютъ хоть временно и неполно законченныя комбинаціи, дозволяющія намъ охватывать мыслью такое обилие явленій, о которомъ безъ помощи понятіи нельзя было бы и мечтать.

Легко видѣть, что не всѣ наши понятія образованы непосредственно изъ представленій, но что есть множество и такихъ, которыя путемъ новыхъ комбинацій образованы изъ понятій же и, по этой причинѣ, представляютъ еще высшую стадію обобщенія, но въ то же время еще болѣе лишены отличительныхъ чертъ конкретности и индивидуальности, еще встрѣчающихся въ понятіяхъ, близкихъ къ представленіямъ. Ясно, что лѣстница восходящихъ обобщеній является длиннымъ рядомъ ступеней, представляющихъ постепенное возростаніе общности и отвлеченности, соразмѣрно съ удаленіемъ отъ почвы воспріятій, къ которой однако тяготѣютъ всѣ самыя наивысшія понятія, въ которой всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ свои корни. Такимъ образомъ, сведеніе понятій къ основнымъ ихъ представленіямъ не всегда просто, а, какъ можно заключить изъ предшествовавшаго, не рѣдко бываетъ сопряжено съ большими трудностями и требуетъ тщательнаго анализа. Образованіе же понятіи и того труднѣе, особенно же когда дѣло идетъ о понятіяхъ высшаго порядка отвлеченія и о понятіяхъ наиболѣе общихъ.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ естественный и неизбѣжный ходъ нашего мышленія, т.-е. того психическаго процесса, правильное и цѣлесообразное направленіе котораго можетъ привести къ знанію, хотя приводитъ къ нему далеко не всегда. Понятно, что произвольное комбинированіе хотя бы и правильно образованныхъ представленій можетъ дать только такое понятіе, сведеніе котораго къ представленіямъ, послужившимъ ему

случайнымъ основаніемъ, невозможно, и которое должно быть признано поэтому фикціей формой, лишенной содержанія. Точно также останется безрезультатною работа надъ неправильно образованными представленіями даже и въ томъ случаѣ, когда работа эта была бы вполнѣ методична Очевидно, что связь съ дѣйствительностью опять является порванною, и опять вмѣсто знанія, вмѣсто понятій, извѣстнымъ образомъ коренящихся въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло съ фикціями. О произвольномъ же образованіи неправильно составленныхъ представленій и говорить не стоитъ, хотя неметодическое наивное мышленіе можетъ, очевидно, творить и эти сугубыя фикціи въ преизобиліи.

Теперь различіе правильнаго, методическаго, научнаго мышленія отъ обыденнаго становится намъ еще болѣе опредѣленнымъ и рѣзкимъ, и начинаетъ выясняться та истина, что обыденное мышленіе можетъ достигать знанія только урывочно, случайно, да и то безъ малѣйшей возможности отличать его въ массѣ призраковъ, среди которыхъ ему придется сиротствовать. Вообще же говоря, обыденное мышленіе не достигаетъ знанія; оно образуетъ представленія безсознательно и безконтрольно, оно комбинируетъ понятія произвольно, внѣ всякой критики и, что особенно важно, оно не различаетъ этихъ двухъ моментовъ, смѣшиваетъ понятія съ представленіями,—точнѣе, принимаетъ первыя за послѣднія и по этой причинѣ вращается постоянно въ мірѣ призраковъ. Для него въ представленія обращаются не только понятія о явленіяхъ природы, процессахъ, происходящихъ въ организмѣ, и т. д., но и понятіе о ничтожествѣ роли человѣческихъ хотѣній въ общемъ ходѣ событій (судьба) и другія еще болѣе отвлеченныя понятія Все это объективируется и въ заключеніе еще антропоморфизируется и антропопатируется и становится новымъ міромъ мысли, сформованнымъ по образу и подобію міра дѣйствительнаго. Этотъ міръ есть міръ мнимый, и, чтобы свести его къ реальнымъ представленіямъ и опредѣлить его генезисъ, требуется особая спеціальная наука, которой можно придать общее названіе „науки о мнимомъ“, въ частности—миѳологіи.

ПИСЬМО II.

Охарактеризовавъ въ предшествовавшемъ письмѣ различіе обыденнаго мышленія отъ научнаго, я попытаюсь теперь указать вамъ на самое основаніе этого различія, на противопоставленіе пониманія и знанія.

Для этой цѣли возвратимся еще разъ къ „закону трехъ состояній“ Ог. Конта и постараемся воспользоваться имъ для рѣшенія нашего вопроса. Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что основоначальное различіе между двумя первыми опредѣляемыми закономъ Конта фазисами умственнаго состоянія и послѣднимъ заключается въ противоположности характера образованія мистико-метафизическихъ понятій характеру образованія понятій научныхъ. Мистико-метафизическія понятія образуются не изъ данныхъ воспріятія, и содержаніе ихъ по этой причинѣ не коренится въ томъ, что дано непосредственно прямымъ опытомъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ понятіяхъ научныхъ, но вырабатывается путемъ отторженнаго отъ опыта умозрѣнія. Такимъ образомъ, результаты мистико-метафизической работы мысли различаются очень рѣзко и рѣшительно отъ результатовъ научнаго мышленія, они имѣютъ значеніе пониманія, а не значеніе знанія. Это послѣднее значеніе принадлежитъ только результатамъ мышленія, руководимаго научнымъ методомъ, т.-е. собственно результатамъ познаванія. Но что же значитъ понять

какое нибудь явленіе или, разсматривая процессъ этотъ съ активной его стороны, объяснить какое нибудь явленіе? Понять какое-нибудь явленіе—значитъ находить его вразумительнымъ, яснымъ, понятнымъ; точно также какъ объяснить явленіе—значитъ сдѣлать его вразумительнымъ, яснымъ, понятнымъ. Всѣ эти термины соотвѣтствуютъ тому моменту мышленія, когда данное явленіе сводится къ его причинѣ. Когда эта причина считается извѣстною, и явленіе считается объясненнымъ, понятнымъ, хотя бы предположенная причина была реальнымъ же явленіемъ или только продуктомъ воображенія — все равно. Напротивъ того, неясно, непонятно то, причина чего считается неоткрытою, неизвѣстною. Такъ, когда мы говоримъ, что „есть въ мірѣ много необъяснимаго“, то слова эти могутъ означать только, что есть много явленій, причины которыхъ намъ неизвѣстны, т.-е. или не открыты, или еще не измышлены. Тщетно напрягаясь въ ихъ измышленіи, и восклицаютъ Фамусовы: „пофилософствуй—умъ вскружится!“—тогда какъ Амосы Ѳедоровичи легко и скоро до всего доходятъ „собственнымъ умомъ“. Очевидно, однако-же, что принципіальной разницы между ними никакой нѣтъ. Характерно у обыденнаго мышленія то, что оно становится въ тупикъ не передъ фактами, трудно объяснимыми, но просто-на-просто лишь передъ фактами необычными. Никакой грибоѣдовскій или гоголевскій герой изъ той массы, среди которой мы еще и теперь живемъ, ни на минуту не задается вопросомъ, почему, напримѣръ, онъ мыслитъ или, говоря обыденнымъ языкомъ, думаетъ. Думаетъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ, и фактъ этотъ не требуетъ для него никакого объясненія; если же иному и взбредетъ какъ-нибудь на умъ такой вопросъ, то онъ тотчасъ же удовлетворяется тѣмъ соображеніемъ, что всѣ-де люди думаютъ. Вообще говоря, объясненіе требуется всего чаще для явленій новыхъ; старое же считается естественнымъ и представляется необходимымъ. Только съ переходомъ къ сравнительно высшей стадіи умственнаго развитія являются вопросы о причинахъ такихъ обычныхъ явленій, какъ день, ночь, погода и т. д., чѣмъ и оправдывается мнѣніе Ог. Конта, что только научная философія признаетъ повседневные факты важнѣйшими и считаетъ преобладаніе вниманія къ необыкновеннымъ

явленіямъ весьма недвусмысленнымъ признакомъ отсталости взгляда. Кругъ наблюденій, такимъ образомъ, расширяется: съ расширеніемъ его расширяется приложеніе понятія причины и является необходимость отчета въ значеніи самаго этого понятія, какъ понятія о причинѣ вообще или понятія причинности. Извѣстно, что терминъ „причинность“ служилъ первоначально къ обозначенію той составной части причины, которая будто-бы придаетъ ей способность производить дѣйствіе: съ этой точки зрѣнія, причинность является силою, при посредствѣ которой причина получаетъ возможность проявляться какъ таковая. Такое значеніе понятія причинности представляется намъ совершенно естественнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что понятіе это могло быть образовано всего вѣроятнѣе изъ представленій, доставляемыхъ нашей собственной дѣятельностью, и затѣмъ уже было перенесено на явленія внѣшняго міра. Можно утверждать, что идея причинной связи явленій была возбуждена въ человѣческой мысли не наблюденіемъ надъ измѣняемостью всего насъ окружающаго, но сознаніемъ нашей способности вызывать измѣненія соотвѣтственно тѣмъ цѣлямъ, которые мы сами же ставимъ. Первоначальнѣйшее понятіе о причинности есть понятіе цѣли, такъ что понятіе конечной причины, согласно этому первоначальному его опредѣленію, охватываетъ и понятіе причины дѣйствующей. Такой антропоморфическій смыслъ понятія причинности до того живучъ, что остатки его существуютъ еще и по настоящее время. Кромѣ того надо замѣтить, что навязываніе понятія причинности идеѣ цѣли совершается обыденнымъ мышленіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обобщается понятіе безсознательной воли, необходимости и т. п. Изъ всего этого видно, что понятіе причинности всегда казалось основаннымъ на опытѣ; этимъ и объясняется прочность его метафизическаго истолкованія. Психологически—образованіе его является необходимымъ; критически же — его нельзя не признать очень неудовлетворительнымъ.

Неудовлетворительность обыденнаго и метафизическаго понятія причинности ясно обнаружится предъ вами, когда вы обратитесь къ указанному выше различію представленій отъ понятій и

къ ихъ взаимнымъ соотношеніямъ. Очевидно, что причинность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объектомъ представленія или представленій, но есть понятіе, построенное черезъ обобщеніе представленій и относящееся къ объектамъ черезъ посредство этихъ представленій. Слѣдовательно, когда мы мыслимъ причинность, то представленія наши сняты не съ причинности какъ таковой, но съ причины и дѣйствія, т.-е. съ двухъ явленій, одно за другимъ слѣдующихъ или сосуществующихъ. Если мы полагаемъ, что второе изъ этихъ явленій существуетъ только потому, что существуетъ первое, то этимъ опредѣленіемъ отношеній между ними мы устанавливаемъ связывающую ихъ причинность и, согласно этому понятію, разсматриваемъ первое явленіе какъ причину, второе—какъ его дѣйствіе.

При такомъ взглядѣ на соотношеніе причины и дѣйствія совершенно устраняется всякій антропоморфизмъ; но это отсутствіе антропоморфизма въ научномъ воззрѣніи на связь причины и дѣйствія не исчерпываетъ еще собою различія научнаго отъ обыденнаго взгляда на причинность. Чтобы ясно видѣть еще и другую характеристическую черту этого различія, припомните сдѣланное выше указаніе на отношеніе обыденнаго мышленія ко всему обыкновенному, повседневному, часто повторяющемуся. Обыденное мышленіе скользитъ надъ всѣми такого рода явленіями, не останавливаясь надъ вопросомъ причинности; явленіе считается понятнымъ ради своей обычности и представляется не требующимъ никакихъ объясненій. Такимъ образомъ, обыденное мышленіе располагаетъ цѣлымъ обширнымъ запасомъ фактовъ, произвольно-допущенная понятность которыхъ даетъ ему возможность брать эти факты для объясненія другихъ, неповседневныхъ, необыкновенныхъ, рѣдкихъ. Сводя такимъ путемъ необыкновенное на обыкновенное, обыденное мышленіе предполагаетъ, что сводитъ неизвѣстное на извѣстное и, слѣдовательно, объясняетъ первое, дѣлаетъ его понятнымъ. При этомъ въ объясненіе часто впутывается ассоціація идей, берущая начало въ словесномъ обозначеніи понятій: часто-повторяемыя слова начинаютъ казаться годными для объясненія, такъ что въ запасъ представленій проникаютъ понятія, которыя при критическомъ

ихъ изслѣдованіи оказываются пустыми и, слѣдовательно, прикрывающими призраки. Вы видите изъ этого, что сведеніе неизвѣстнаго на мнимо-извѣстное представляетъ въ обыденномъ мышленіи такое объясненіе, которое можетъ вести очень часто въ сторону, противоположную отъ истины. Такое уклоненіе отъ истины обозначается внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что обыденное мышленіе обыкновенно даетъ для одного и того же факта множество различныхъ объясненій, т.-е. множество сведеній его къ различнымъ повседневнымъ явленіямъ. Указаніе на связь причины и слѣдствія становится, такимъ образомъ, крайне шаткимъ и противорѣчивымъ, и вмѣсто объясненія создаетъ только путаницу. Само собою разумѣется, что такое объясненіе лишено всякой объективной принудительности, и каждый отдѣльный субъектъ подсовываетъ всегда тѣ факты, которые обычны для него, считаются извѣстными ему, безъ постановки вопроса объ извѣстности и обычности этихъ фактовъ для другихъ людей. Для васъ ясно теперь, что весь строй обыденнаго объясненія явленій, т.-е. обыденнаго воззрѣнія на связь причинъ и дѣйствій, открываетъ просторъ фантазіи въ такой мѣрѣ, что общая совокупность понятій обыденнаго мышленія не можетъ не представляться для научнаго мышленія иначе, какъ міромъ призраковъ.

Научному изслѣдованію понятія причинности обязаны мы разсѣяніемъ этихъ призраковъ и установленіемъ новаго воззрѣнія на связь причины и дѣйствія,—связь, имѣющую объективныя основанія. Воззрѣніе это отвергаетъ не только будто-бы присущее одному объекту или явленію свойство производить другой объектъ или другое явленіе, но не допускаетъ даже считать причиною одинъ только послѣдній объектъ или послѣднее явленіе въ ряду тѣхъ, которые предшествовали новому объекту или новому явленію, принимаемому какъ дѣйствіе. Такимъ образомъ, наука—какъ то и развилъ превосходно Ст. Миль въ своей „Системѣ логики“—можетъ вести рѣчь только о причинахъ, но никогда не о причинѣ. Причины по отношенію къ ихъ дѣйствію она всегда разсматриваетъ какъ факторы по отношенію къ произведенію, или какъ элементы по отношенію къ цѣлому. Такимъ образомъ,

опредѣленіе причинъ даннаго дѣйствія является актомъ, аналогическимъ разложенію произведенія на его множителей или данной величины на элементы. Наблюдая порядокъ въ послѣдовательно возникающихъ явленіяхъ и замѣтивъ въ порядкѣ этомъ извѣстное постоянство, наука получаетъ возможность опредѣлить сказанную соотносительность причинъ и дѣйствій во всѣхъ подлежащихъ наблюденію явленіяхъ. Причинность въ качествѣ какого-то мистическаго начала, долженствующаго быть открытымъ въ явленіяхъ и объектахъ, устраняется разъ навсегда, и на ея мѣсто ставятся одинъ только отдѣльныя причины, опредѣленіе которыхъ и есть дѣло научнаго метода. Самая же причинность, освобождаясь отъ всѣхъ затемнявшихъ ее мистико-метафизическихъ свойствъ, получаетъ значеніе понятія, соотвѣтствующаго той соотносительности причины и дѣйствія, которая одна только и можетъ имѣть въ научной философіи опредѣленное значеніе.

Изъ предыдущаго не трудно будетъ вамъ усмотрѣть, куда можетъ завести мистико-метафизическое конструированіе понятія причинности и какое значеніе можно признать за умозрительною погонею за первыми причинами Устраненіе трудностей, представлявшихся для научной философіи, пока самое понятіе принималось такимъ, какимъ установили его мистика и метафизика, не достигалось устраненіемъ самаго понятія. Провозглашеніе Ог. Контомъ недоступности понятія этого для разума только напрасно принижало разумъ и отодвигало затрудненія, не преодолѣвая ихъ. Предстояло, очевидно, не эскамотировать понятіе, а подвергнуть его критическому изслѣдованію, т.-е. прорвать желѣзное кольцо схемы и создать внѣ ея такую область изслѣдованія, содержаніе которой не могло войти ни въ одну изъ частныхъ областей схемы, ни въ одну изъ спеціальныхъ наукъ. На дѣло это, хотя и ясно намѣченное Ог. Контомъ, не хватило у эпигоновъ его ни силъ, ни умѣнья. Самъ Литтре, почтенный ученый, но слабый философъ, могъ придумать только какую-то „appendice de la philosophie positive“, а нѣкій россійскій позитивистъ низвелъ эту „appendice“ просто-на-просто до роли „сборной команды человѣческаго знанія“. Позитивизмъ на этомъ пунктѣ замеръ и утра-

тилъ оттого преобладающее вліяніе въ ходѣ развитія научной философіи.

Возвращаясь къ „закону трехъ состояній“ Ог. Конта, я могу указать вамъ теперь на отношеніе его къ изложенному выше критическому изслѣдованію понятія причинности. Основа закона трехъ состояній заключается въ установленіи различія знанія и обыденнаго пониманія. Изъ двухъ моментовъ, на которые распадается понятіе причинности — причины и дѣйствія—о дѣйствіи мы имѣемъ представленіе, знаемъ его непосредственно, о причинѣ же заключаемъ, строимъ о ней гипотезу и при ея помощи устанавливаемъ пониманіе явленія, принимаемаго какъ дѣйствіе. Если понятіе, составленное нами о причинѣ, можетъ быть сведено къ представленіямъ, если объекты послѣднихъ могутъ быть указаны, и связь ихъ съ явленіемъ, принимаемымъ какъ дѣйствіе, можетъ быть подтверждена a posteriori, то пониманіе получаетъ научный характеръ и теряетъ всякое существенное различіе отъ знанія, такъ какъ научное знаніе необходимо предполагаетъ связность; если же долженствующая удовлетворить насъ гипотеза метафизична и не можетъ получить устойчивости a posteriori, то обусловленное ею пониманіе есть пониманіе обыденное, т.-е. сведеніе извѣстнаго къ неизвѣстному, и лишено по отношенію къ знанію всякаго значенія. Чтобы избѣжать ошибокъ, проистекающихъ отъ смѣшенія двухъ охарактеризованныхъ выше принципіально-различныхъ результатовъ мышленія—знанія и обыденнаго пониманія—слѣдуетъ прежде всего не смѣшивать ихъ самихъ, какъ это часто дѣлается, но различать всегда съ полною опредѣленностью. Знаніе и пониманіе представляютъ наивысшія отвлеченія въ процессѣ познаванія и встрѣчаются поэтому постоянно во всякой умственной работѣ и, очевидно, не совмѣстно, но по одиночкѣ, либо то, либо другое. Въ знаніи или въ пониманіи непремѣнно заключается отвѣтъ на оба наивысшихъ и наиболѣе общихъ вопроса: „что это такое?“, т.-е. вопросъ бытія, и „откуда это взялось?“, т.-е. вопросъ возникновенія или происхожденія. Само собою разумѣется, что о пониманіи можетъ идти рѣчь только тогда, когда что-нибудь уже извѣстно, и что, слѣдовательно, знаніе всегда должно пред-

шествовать пониманію. Безъ такого сохраненія за знаніемъ полной независимости отъ пониманія, въ отношеніе между ними могутъ всегда вкрасться ошибки, устранить которыя—если онѣ не предотвращены—невозможно.

Я обратилъ уже выше вниманіе ваше на то, что пониманіе есть сведеніе даннаго явленія къ его причинѣ, т.-е. къ гипотезѣ объ его происхожденіи. Такой смыслъ пониманія указываетъ на неизбѣжность зависимости пониманія отъ субъективныхъ условій и, слѣдовательно, на различіе пониманія у различныхъ лицъ. Повседневный опытъ дѣйствительно научаетъ насъ, что понятное и ясное для одного нерѣдко представляется для другаго совершенно непонятнымъ и неяснымъ. Съ особенною яркостью выступаетъ впередъ субъективный элементъ пониманія при сужденіи о дѣйствіяхъ постороннихъ людей, причемъ, согласно поговоркѣ, всякій умѣетъ мѣрить только на свой аршинъ. Все это весьма рѣшительно характеризуетъ роль пониманія въ обыденномъ мышленіи и ясно указываетъ на тѣ ошибки, которыя легко могутъ произойти и дѣйствительно происходятъ какъ въ житейской смышлености, такъ и въ философіи, при замѣнѣ знанія обыденнымъ пониманіемъ, замѣнѣ—какъ то можетъ видѣть всякій—самой обычной.

Изложенные здѣсь мотивы приводятъ представителей критико-реалистической школы къ такому рѣшенію разсматриваемаго теперь вопроса, которое хотя и заключено уже принципіально въ законѣ Ог. Конта, но ясно высказывается и опредѣленно формулируется только критическимъ реализмомъ. Такъ, Авенаріусъ устанавливаетъ „научное пониманіе“ и обусловленными имъ „чистый опытъ“, Виндельбандъ—„имманетное или позитивное пониманіе“, а Карлъ Гёрингъ, опираясь на тождество научнаго пониманія и знанія, требуетъ совершеннаго устраненія пониманія какъ принципа теоріи познаванія и указываетъ возможность допущенія его только съ его субъективной стороны какъ условія мышленія.

Но пока за пониманіемъ удерживается его объективное значеніе, т.-е. значеніе знанія, до тѣхъ поръ невозможно избѣжать постояннаго столкновенія его съ знаніемъ; у обоихъ ихъ

одинъ и тотъ же объектъ, и различаются они только своими пріемами, такъ какъ пониманіе строитъ свои понятія a priori, знаніе же—a posteriori, или, первое—чисто субъективно, чрезъ посредство мышленія, второе — объективно, помощью познаванія. Нельзя пройти молчаніемъ однако-же, что пониманіе находитъ себѣ кажущуюся опору, какъ въ отношеніяхъ субъекта къ объектамъ, такъ и въ соотношеніяхъ этихъ послѣднихъ между собою. Всего прежде надо принять во вниманіе постоянство воспроизведенія извѣстнаго содержанія въ актѣ пониманія, затѣмъ, имѣетъ мѣсто также и повтореніе воспріятій при множествѣ одинаковыхъ и сходныхъ между собою объектахъ и процессахъ. Все это дѣлаетъ возможнымъ своего рода апріорное знаніе, или, выражаясь точнѣе, допускаетъ извѣстную антиципацію знанія, сходственную съ апріорностью, именно: очень часто представляется возможнымъ, минуя прямой опытъ, переносить знаніе, установленное по отношенію къ однимъ объектамъ и процессамъ, на другіе, одинаковые съ ними, не впадая при этомъ въ ошибку. Такая антиципація знанія есть ни что иное, какъ то предвидѣніе, на которое указывалъ Ог. Контъ въ своемъ курсѣ позитивной философіи, поставивъ его основною задачею науки (voir pour prévoir). Наука разсматриваетъ такое предвидѣніе, или антиципированное знаніе, или, пожалуй, такое a priori, какъ знаніе гипотетическое, фактическая вѣрность котораго никогда не перестаетъ оставаться въ зависимости отъ прямаго опыта. Изъ этого видно, что даже и въ то время, пока научное знаніе имѣетъ еще характеръ гипотетическій, оно весьма рѣзко отличается отъ мнимаго знанія, пріобрѣтаемаго чрезъ обыденное мышленіе, такъ какъ научныя гипотезы всегда могутъ быть подтверждены a posteriori и перейти въ достовѣрное знаніе. Научныя гипотезы, такимъ образомъ, отличаются отъ обыденныхъ предположеній и догадокъ тѣмъ, что онѣ никогда не выходятъ за предѣлы „возможнаго опыта“, никогда не переносятъ гипотетическаго факта въ область „трансцендентную“. Этою характеристическою чертою и завершаю я отличительные признаки научнаго пониманія, и вы видите, что ею создается воз-

можность дѣйствительнаго предвидѣнія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ научной точности.

Еслибъ философія не возникла ранѣе знанія, то не случилось бы и того, что, подъ вліяніемъ непосредственныхъ стремленій человѣческой природы, возможно стало возвести гипотезы, служившія для одного только пониманія, на степень абсолютнаго знанія, а опытное знаніе, въ противоположность этому мнимо-абсолютному, низвести на уровень гипотетическаго и даже совсѣмъ лишить значенія знанія. Но если такое воззрѣніе могло возникнуть и удержаться до возникновенія научнаго знанія, то въ настоящее время оно должно уступить мѣсто воззрѣнію прямо противоположному, и знанію опытному, достовѣрному должно быть разъ навсегда отведено то мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву. Когда обыденное мышленіе будетъ, такимъ образомъ, устранено изъ науки, тогда возведеніе гипотезъ на высоту достовѣрнаго знанія окончательно изъ нея исчезнетъ, повтореніе въ апріорной формѣ того, что было установлено опытомъ, будетъ признано излишнимъ и вреднымъ, и предвидѣніе станетъ опираться исключительно на прямой опытъ,—тогда для науки настанетъ пора развитія, вполнѣ свободнаго отъ преградъ и помѣхъ, такъ долго представлявшихся традиціями тѣхъ міроразумѣній, которыя она пережила и преодолѣла.

ПИСЬМО III.

Характеризуя мышленіе, я сказалъ, что оно начинается съ представленій, матеріалъ которыхъ дается воспріятіями, обусловливаемыми ощущеніями. Такимъ образомъ, я представилъ вамъ мышленіе коренящимся въ опытѣ и лишеннымъ возможности существовать внѣ его. Спѣшу оговориться, что подъ опытомъ я разумѣю пока отношеніе мыслящаго субъекта къ мыслимымъ объектамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ,—то отношеніе, которое выражается въ возможности сведенія процесса мысли къ воспріятіямъ и которое, слѣдовательно, предполагаетъ извѣстную связь этого процесса съ реальнымъ міромъ объектовъ. О той роли опыта въ мышленіи, которая даетъ возможность мышленію переходить въ познаваніе, рѣчь еще впереди. Теперь я слѣжу за мышленіемъ только какъ за психологическимъ процессомъ, какъ за установленіемъ связи, различенія и соотношенія между какими бы то ни было элементами внѣшняго и внутренняго воспріятія или какъ за соединеніемъ однихъ только словъ или отвлеченныхъ понятій. Изъ этого видно, что я разсматриваю мышленіе не только безотносительно къ познаванію, но еще и какъ процессъ, чуждый сознанія различія между этими двумя моментами своего развитія,—процессъ, совершающійся слѣпо и дающій результаты чисто призрачные.

Чтобы представить вамъ такой ходъ мышленія и характеристическіе результаты его достаточно рельефно и ярко, я не

пройду молчаніемъ самой низшей, самой первобытной ступени его, а начну именно съ нея. Потомъ, я охарактеризую вамъ и тѣ его фазисы которые представляютъ контуры болѣе смягченные, краски не столь густыя, и которыя, благодаря этому отсутствію рѣзкости, обладаютъ чрезвычайною живучестью: проникаютъ въ философію, въ науку, и даже въ настоящее время далеко не могутъ еще считаться окончательно изгнанными изъ той и другой.

Если вы сравните міръ мысли жителя, положимъ, Архангельска съ міромъ мысли жителя Калькутты, то замѣтите между ними тѣмъ болѣе сходства, чѣмъ выше стоятъ избранные вами субъекты по образованію, чѣмъ ближе они подходятъ подъ типъ личностей, мыслящихъ критически: и наоборотъ—между избранными вами для сравненія мірами мысли найдете вы тѣмъ менѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ невѣжественнѣе, чѣмъ первобытнѣе сопоставляемыя личности, такъ что между совокупностью представленій и понятій самоѣда, съ одной стороны, и индуса, съ другой, вы ужъ найдете крайне мало общаго. Этотъ первый итогъ сравненія даетъ вамъ многозначительное указаніе на роль воспріятій въ мышленіи: представленія самоѣда и представленія индуса, въ силу непосредственности ихъ воспріятій, имѣютъ мѣстный характеръ, и потому такъ же различны, какъ различны соотвѣтственныя географическія мѣстности; представленія же людей образованныхъ, выработанныя посредствомъ далеко выходящаго за предѣлы конкретнаго мѣстнаго кругозора научнаго метода, дѣлаютъ область опыта болѣе или менѣе общей для жителя Архангельска и жителя Калькутты и, вслѣдствіе того, уравниваютъ между собою и ихъ понятія. Различіе міра мысли личностей образованныхъ отъ міра мысли людей первобытныхъ находится, какъ можно видѣть изъ этого, въ прямомъ соотношеніи съ объемами этихъ міровъ, точнѣе, съ численностью представленій каждаго изъ нихъ. Разумъ человѣка несомнѣнно растетъ пропорціонально этой численности.

Итакъ, высокая степень умственнаго развитія неизбѣжно охватываетъ большое число представленій, т.-е. неизбѣжно относится къ большому числу объектовъ. Но, чтобы охватывать

мыслью представленія большаго числа объектовъ, необходимо отчетливо различать ихъ другъ отъ друга. Если различеніе не отчетливо или если оно совсѣмъ отсутствуетъ, то границы представленій одного объекта сливаются съ границами представленія другаго, и число представленій необходимо уменьшается. Только явственное, опредѣленное, отчетливое различеніе объектовъ допускаетъ возможность не смѣшивать представленій и охватывать объекты въ большомъ числѣ. А такъ какъ вспомогательныя средства науки даютъ возможность различать тысячи объектовъ, сливающихся для обыденнаго мышленія, то и возможно. по числу объектовъ, различаемыхъ мыслящимъ субъектомъ, судить о высотѣ его умственнаго развитія.

Вы видите изъ этого, что высокая степень умственнаго развитія характеризуется обиліемъ представленій, отчетливо между собою различаемыхъ. Чѣмъ ниже будемъ мы спускаться отъ одной степени развитія къ другой, тѣмъ скуднѣе будетъ число встрѣчаемыхъ нами объектовъ и тѣмъ болѣе будутъ сливаться представленія и становиться расплывчатыми ихъ границы. Самая низшая ступень умственнаго развитія, наконецъ, будетъ и самою бѣдною представленіями, и самою неспособною къ различеніямъ. На этой ступени не только не различаются представленія отъ понятій и, слѣдовательно, не только смѣшиваются объекты реальные съ объектами мнимыми, но безпрестанно смѣшиваются даже и представленія; такъ, звукъ грома смѣшивается съ голосомъ человѣка или мычаньемъ коровъ; свѣтлая полоса молніи слабо различается или даже вовсе не различается отъ стрѣлы или дерева; полетъ метеора смѣшивается со змѣемъ или дракономъ, небесныя свѣтила съ земными огоньками и т. д. Вообще говоря, неразличеніе, которое мы можемъ констатировать у первобытнаго человѣка, даетъ право утверждать, безъ малѣйшей боязни преувеличенія, что не только ходъ мышленія у такого человѣка несостоятеленъ, но даже глаза и уши его не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями.

Численность представленій, низведенная до чрезвычайной скудости неспособностью различать объекты и явленія, ограничивается еще, какъ то и было уже замѣчено, узкостью кругозора

первобытнаго человѣка, ничего не знающаго о томъ, что существуетъ за предѣлами, достижимыми для его непосредственнаго воспринимания. Что видитъ и слышитъ, напримѣръ, самоѣдъ? А самоѣдъ не стоитъ еще у предѣла невыгодныхъ условій въ этомъ отношеніи: эскимосъ, чукча, бушменъ, ботокудъ осуждены на еще болѣе скудныя и однообразныя впечатлѣнія. Численность представленій ихъ поэтому крайне ничтожна, внутренній міръ бѣденъ до крайности, умственная дѣятельность, не имѣющая пищи, лишенная возможности развиваться посредствомъ упражненія, чрезвычайно слаба и рѣдко восходитъ до понятій, оставляя пріобрѣтенный матеріалъ въ сыромъ, необработанномъ состояніи. Языкъ, какъ выраженіе такого умственнаго состоянія, также бѣденъ и приспособленъ только для выраженія представленій и элементарнѣйшихъ понятій, и потому не годенъ для передачи понятій народовъ, стоящихъ на сравнительно высшей степени интеллектуальнаго развитія. Умственное состояніе первобытнѣйшаго фазиса мышленія таково, что для постановки вопроса о соотвѣтствіи этого мышленія дѣйствительности не существуетъ никакой почвы: ложныя представленія, едва-едва соединенныя случайно въ кое-какія понятія и большею частью остающіяся въ розни между собою, представляютъ картину столь тусклую и неопредѣленную, до такой степени лишенную элементарныхъ границъ и первоосновныхъ контуровъ, что нѣтъ никакой возможности уловить между нею и картиною реальнаго міра самомалѣйшую черту сходства. Это—грубая и аляповатая фантастика съ одного края до другаго; это—своеобразный міръ, всякій отдѣльный элементъ котораго, насколько онъ выдѣлимъ, не носитъ на себѣ ни малѣйшаго признака связи съ дѣйствительностью, и потому представляетъ собою актъ мысли, лишенный содержанія; а, въ цѣломъ, вся совокупность этихъ пустыхъ образовъ не можетъ не являться для нашего глаза иначе какъ призрачною.

Я не желаю, однако-же, остаться при этой слишкомъ еще общей характеристикѣ и попрошу васъ позволить мнѣ взглянуть на очерченный мною процессъ образованія призраковъ нѣсколько ближе, отмѣтить въ немъ тѣ важнѣйшія различенія, которыя въ

немъ есть и очертить его хотя самыми главными конкретными и индивидуальными штрихами, его характеризующими.

Вы уже обратили вниманіе на то, что большая численность представленій, находящихся въ распоряженіи мыслящаго лица, предполагаетъ и большое развитіе способности различенія у этого лица. Чѣмъ способность эта развитѣе, тѣмъ представленія опредѣленнѣе и тѣмъ вѣрнѣе могутъ они соотвѣтствовать объектамъ; вѣрность же соотвѣтствія объектамъ идетъ рука объ руку съ оцѣнкою знанія самыхъ объектовъ. Чѣмъ многочисленнѣе объекты и чѣмъ обстоятельнѣе различаются между собою представленія ихъ у данной личности, тѣмъ вѣрнѣе можетъ личность эта опредѣлить то значеніе, которое имѣютъ для нея эти объекты. Изъ этого видно, что опредѣленіе значенія объектовъ для каждаго отдѣльнаго лица должно измѣняться при возростаніи численности представленій у этого лица, т-е. при расширеніи умственнаго его кругозора. Но такъ какъ объекты существуютъ не разрозненно, а въ общей связи, то только-что указанное измѣненіе въ оцѣнкѣ ихъ значенія для оцѣнивающаго лица должно имѣть мѣсто и при оцѣнкѣ того значенія, которое они имѣютъ одинъ по отношенію къ другому. И въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ первомъ, численность объектовъ и предполагаемая ею различаемость ихъ представленій оказываютъ рѣшающее вліяніе: чѣмъ скуднѣе данная совокупность представленій, тѣмъ далѣе отъ соотвѣтствія дѣйствительности будетъ опредѣленіе значенія объектовъ этихъ представленій; и наоборотъ—чѣмъ общая совокупность представленій богаче, полнѣе, тѣмъ опредѣленіе значенія объектовъ точнѣе и вѣрнѣе.

Итакъ, личность съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, бѣдная представленіями, неизбѣжно иначе опредѣляетъ субъективную и объективную цѣнность предметовъ и явленій, чѣмъ личность, охватывающая широкій кругозоръ и располагающая большою численностью тѣхъ и другихъ. Остается опредѣлить, въ чемъ именно заключается здѣсь различіе.

Ограниченный кругозоръ, охватывающій незначительное число представленій и, вслѣдствіе того, какъ вы уже знаете, неизбѣжно слабо-различающій, подверженъ по отношенію къ оцѣнкѣ

значенія извѣстныхъ ему объектовъ двоякаго рода опасности: или преувеличить это значеніе, или, бросясь въ другую крайность, чрезмѣрно умалить его. Такъ какъ оцѣнивать возможно значеніе только извѣстныхъ объектовъ, а ихъ въ данномъ случаѣ мало, то это малое число ихъ въ силу отсутствія сравненія съ остальною массою, находящеюся внѣ кругозора бѣднаго представленіями лица, неизбѣжно получитъ значеніе, превышающее его настоящую стоимость, выростетъ въ глазахъ нашего наблюдателя. При этомъ значеніе каждаго отдѣльно взятаго объекта данной группы, сравнительно съ остальными объектами этой группы и безотносительно къ остальнымъ однороднымъ объектамъ неизвѣстнымъ и только предполагаемымъ, опредѣлится тоже неправильно: объекты, не производящіе рѣзкаго впечатлѣнія и требующіе для опредѣленія ихъ значенія особенныхъ пріемовъ изслѣдованія, будутъ оцѣнены ниже ихъ дѣйствительной стоимости, умалены сравнительно съ объектами яркими, бросающимися въ глаза. Такая ошибочность опредѣленія цѣнности объектовъ становится, вообще говоря, тѣмъ болѣе грубою и рѣзкою, чѣмъ слабѣе примѣняется способность различенія. Такъ, напримѣръ, гдѣ какому-нибудь десятку признанныхъ полезными растеній противополагаются, какъ негодныя, всѣ остальныя, тамъ вырываютъ и бросаютъ въ огонь, какъ бурьянъ, многое полезное гораздо болѣе того, что самымъ тщательнымъ образомъ оберегается. Припомните только, что́ говоритъ Дарвинъ, напримѣръ, о шмеляхъ и т. п., и вы увидите, какъ далеко можетъ простираться вліяніе различенія, основаннаго на изученіи того обилія объектовъ, которое охватывается наукою. Противопоставляя этому обилію крайнюю скудость объектовъ первобытнаго человѣка или даже и принимая во вниманіе обусловленную этою скудостью слабость его способности различенія, вы вспомните, конечно, все то, что разсказывается путешественниками и что, быть можетъ, и самимъ вамъ не разъ приходилось наблюдать,— и найдете во всемъ этомъ, какъ я надѣюсь, несомнѣнное подтвержденіе того взгляда на ошибочное опредѣленіе значенія объектовъ, который былъ мною только-что изложенъ. Подтверждая взглядъ этотъ, вы еще разъ подтвердите и тотъ, который

былъ высказанъ выше, а именно, что обыденное мышленіе въ своемъ первобытнѣйшемъ фазисѣ неизбѣжно заводитъ въ міръ призраковъ.

Чтобы закончить характеристику этого первобытнѣйшаго фазиса, мнѣ предстоитъ еще разсмотрѣть самые призраки, что я и постараюсь исполнить въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО IV.

Область опыта первобытнаго человѣка ограничена, число его представленій ничтожно, оцѣнка значенія извѣстныхъ ему объектовъ ошибочна и не имѣетъ ничего общаго съ нашею; но на этомъ не оканчивается, однако-же, различіе его мышленія отъ нашего, такъ какъ и пониманіе его также неизбѣжно своеобразно и рѣзко различается отъ нашего.

Такъ какъ мысленный кругозоръ первобытнаго человѣка узокъ и число объектовъ, на приложеніи къ которымъ онъ могъ бы упражнять свою способность различенія, очень не велико, то и способность эта, какъ я то и имѣлъ уже случай замѣтить, развита крайне слабо. При слабости же развитія этой способности, первобытный человѣкъ не можетъ различать себя отъ окружающей его природы такъ, какъ различаемъ мы, и, вообще, явленія, измѣненія, движеніе, жизнь, предполагающая сознаніе, не различаются имъ отъ явленій, измѣненій, движенія и жизни безсознательной. Вся природа не можетъ не представляться ему несравненно болѣе однообразною, чѣмъ намъ; объясненіе ея должно быть у него не только немногосложно, но можетъ даже ограничиваться сведеніемъ всего извѣстнаго къ одной какой-нибудь причинѣ, предполагаемой имъ самою доступнѣйшею для него и самою извѣстною.

Въ этомъ пунктѣ сливается первобытное объясненіе явленій съ возникновеніемъ самой идеи причинности, такъ какъ идея

эта всего вѣроятнѣе могла быть образована изъ представленій, доставляемыхъ нашею собственною дѣятельностью и затѣмъ уже была перенесена на явленія внѣшняго міра. Говоря о такомъ способѣ возникновенія идеи причинности въ моемъ второмъ письмѣ, я замѣтилъ, что возникновеніе идеи причинности въ человѣческой мысли можно приписать не наблюденію надъ измѣненіями во внѣшней природѣ, но сознанію способности вызывать измѣненія сообразно съ поставленными человѣкомъ цѣлями. При слабомъ различеніи сознательной дѣятельности отъ безсознательной, эта, повидимому, столь близко извѣстная человѣку способность или сила легко могла быть предположена какъ сила, дѣйствующая при каждомъ измѣненіи, при каждомъ движеніи, при каждомъ проявленіи жизни и, слѣдовательно, какъ сила, присущая каждому или почти каждому объекту. Въ этомъ послѣднемъ актѣ первобытно-мыслящаго субъекта, въ этомъ широкомъ и безконтрольномъ приложеніи аналогіи, міръ призраковъ получаетъ окончательно свой опредѣленный обликъ: призраки получаютъ свойства человѣческія и становятся фетишами, а вѣрованіе въ нихъ складывается какъ своеобразная система, извѣстная подъ названіемъ фетишизма или, согласно мысли Тэйлора, анимизма.

„Понятіе о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ—говоритъ Тэйлоръ—можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, по своей природѣ нѣчто въ родѣ пара, воздуха или тѣни; она составляетъ причину жизни и мысли въ томъ существѣ, которое она одушевляетъ; она обладаетъ нераздѣльно личнымъ сознаніемъ и волею своего тѣлеснаго обладателя въ прошломъ и настоящемъ; она способна покидать тѣло и переноситься незримо съ мѣста на мѣсто; большею частью неосязаемая и невидимая, она обнаруживаетъ также физическую силу и является людямъ спящимъ и бдящимъ, преимущественно какъ фантасмъ, отдѣленный отъ тѣла, но сходный съ нимъ; она способна входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, имѣть ихъ въ своей власти и дѣйствовать въ нихъ. Хотя это опредѣленіе не можетъ имѣть всеобщаго примѣненія, оно во всякомъ случаѣ довольно

широко, чтобы быть принятымъ за норму, измѣненную бо́льшимъ или меньшимъ различіемъ между отдѣльными народами. Хотя эти всемірныя воззрѣнія далеко не составляютъ произвольныхъ или условныхъ продуктовъ сознанія, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно смотрѣть на ихъ однообразіе у различныхъ расъ, какъ на доказательство какой бы то ни было связи между ними. Они представляютъ ученіе, наиболѣе отвѣчающее непосредственной очевидности человѣческихъ чувствъ, выясненное возможно положительно и раціонально первобытной философіей (т.-е., согласно излагаемому мною взгляду, вполнѣ удовлетворяющее пониманію). И въ самомъ дѣлѣ, эта теорія настолько удовлетворительно объясняетъ факты (замѣчаетъ Тэйлоръ), что она удержала свое мѣсто даже въ высшихъ слояхъ культуры. Хотя классическая и средневѣковая философія во многомъ измѣнила ее, а современная философія обошлась съ ней крайне безпощаднымъ образомъ, она настолько сохранила слѣды своего первоначальнаго характера, что въ существующей теперь психологіи цивилизованнаго міра видны еще слѣды наслѣдства отъ первобытныхъ временъ“ [1]).

Очерченный въ этихъ строкахъ Тэйлора анимизмъ и представляется въ первобытнѣйшемъ фазисѣ культуры, проникающемъ всѣ подпадающіе подъ воспріятіе человѣка объекты. Объекты эти являются, такимъ образомъ, человѣку не съ ихъ физическими и химическими свойствами, а какъ призраки, одаренные человѣческими свойствами, или, точнѣе, свойствами того человѣка, который прилагаетъ къ нимъ охарактеризованную выше аналогію, который переноситъ на нихъ свои собственныя свойства. Фетиши, какъ видно изъ этого, носятъ на себѣ точный отпечатокъ тѣхъ людей, въ мысли которыхъ они возникли, и представленіе о фетишахъ измѣняется въ связи съ измѣненіями ихъ поклонниковъ. Это—міръ призраковъ, живой и подвижный, испытывающій отъ дня своего возникновенія до дня конечнаго исчезновенія непрерывныя измѣненія, какъ и та жизнь, отраженіе которой онъ представляетъ.

---

[1]) Эд. Тэйлоръ. Первобытная культура. 1872, т. I, ч. II, стр. 11—12.

Воззрѣнія первобытнаго человѣка или дикаря представляютъ собою, какъ можно замѣтить изъ предшествовавшаго, нѣчто въ родѣ примитивнаго монизма, который существенно различается отъ монизма научнаго тѣмъ, что послѣдній есть результатъ сведенныхъ къ единству различій, тогда какъ фетишистскій монизмъ есть единство безразличія. Такой характеръ фетишизма, очерченный уже предшествовавшими указаніями, можетъ быть подкрѣпленъ еще однимъ соображеніемъ, на которое я имѣю въ виду обратить ваше вниманіе, если только у васъ остались еще какія-нибудь сомнѣнія относительно характера мышленія, свойственнаго первобытному человѣку. Разсматривая всѣ представляющіяся ему явленія безъ различенія не только мелкихъ и тонкихъ ихъ особенностей, но даже и самыхъ рѣзкихъ и крупныхъ, первобытный человѣкъ, разъ попавъ на мысль о причинѣ и дѣйствіи, не можетъ свести понятіе причины на такое представленіе, котораго у него еще нѣтъ, а неизбѣжно сводитъ на то, которымъ располагаетъ, на единственное извѣстное ему представленіе своего собственнаго существа, какимъ онъ его знаетъ и понимаетъ. Перенося, такимъ образомъ, представленіе о самомъ себѣ на внѣшнія явленія и объекты, онъ совсѣмъ не знаетъ того, что дѣлаетъ, не знаетъ, что въ данномъ случаѣ могло бы имѣть мѣсто другое какое-нибудь представленіе, такъ какъ никакаго другаго представленія у него нѣтъ, и даже нѣтъ данныхъ для допущенія самой его возможности. Ему, слѣдовательно, нѣтъ выбора, для него нѣтъ происходящаго отсюда колебанія, нѣтъ сомнѣнія. Онъ прилагаетъ аналогію зря, дѣлаетъ свое заключеніе твердо, самоувѣренно, рѣшительно. Условія, въ которыя поставлено его мышленіе, влекутъ его къ конечному результату его міроразумѣнія роковымъ образомъ, и онъ подчиняется имъ тѣмъ болѣе слѣпо, чѣмъ безсознательнѣе его рѣшеніе.

Вотъ вамъ очеркъ характера первобытнаго мышленія, какимъ изображаютъ его Фрицъ Шульце и Эдуардъ Тэйлоръ [1]). Писа-

[1]) Fritz Schultze. Der Fetischismus 1871. Эдуардъ Б. Тэйлоръ, соч. указанное выше.

тели эти, какъ то и видно было изъ вышеприведеннаго изложенія, не упускаютъ изъ виду значенія субъективныхъ требованій, оказывающихъ столь рѣшительное вліяніе на весь строй мысли фетишиста. Они показываютъ намъ, какъ глубоко лежатъ въ природѣ человѣка эти требованія и съ какимъ трудомъ преодолѣваются они накопленіемъ вліянія условій объективныхъ, т.-е. вліянія опыта. Такъ, напримѣръ, Тэйлоръ говоритъ, что „даже въ цивилизованныхъ странахъ анимизмъ появляется въ раннихъ понятіяхъ ребенка о внѣшнемъ мірѣ, и мы не можемъ не видѣть какъ это происходитъ. Первыя существа, доступныя пониманію дѣтей, бываютъ существа человѣческія, и по преимуществу они сами; и первое объясненіе всего происходящаго кругомъ будетъ объясненіе съ человѣческой точки зрѣнія, какъ будто стулья, палки и деревянныя лошади приводятся въ дѣйствіе такою же личною волею, которая управляетъ дѣйствіями пянекъ, дѣтей и котятъ. Такимъ образомъ, ребенокъ дѣлаетъ первый шагъ въ миѳологіи, стараясь, подобно Козеттѣ съ ея куклою, „представить себѣ, что нѣчто есть нѣкто“ (se figurer que quelque chose est quelqu'un), и самый путь, которымъ мы, во время своего воспитанія, отучаемся отъ этой дѣтской теоріи, показываетъ всю степень ея первобытности. Даже у взрослыхъ цивилизованныхъ европейцевъ, какъ весьма справедливо замѣчаетъ Гротъ, „сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть вкоренившуюся привычку, и даже развитый человѣкъ въ минуту жестокой боли способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль“. Въ такихъ случаяхъ умъ дикаря служитъ полнымъ представителемъ состоянія дѣтскаго ума. Дикій туземецъ Бразиліи готовъ укусить камень, на который споткнулся, или стрѣлу, которая его поранила. Такое умственное состояніе можно прослѣдить по всему протяженію исторіи не только въ видѣ импульсивной привычки, но и въ формально установленныхъ законахъ. Грубые куки южной Азіи весьма добросовѣстно исполняли свой несложный законъ мести—жизнь за жизнь; если тигръ разрывалъ какого-нибудь куки, семейство его считалось отверженнымъ, пока имъ не удавалось отмстить, убивая и съѣдая этого самаго или другаго

тигра: мало того, если человѣкъ погибалъ отъ паденія съ дерева, родственники его, въ видѣ возмездія, срубали дерево и раскалывали его въ щепки. Въ Кохинхинѣ, одинъ изъ царей новѣйшаго времени выставлялъ къ позорному столбу, какъ и всякаго другаго преступника, корабль, который неудачно исполнилъ свое назначеніе. И въ классической древности бывали случаи такого рода, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ бичеваніе Геллеспонта Ксерксомъ и отведеніе Инда Киромъ. Но еще замѣчательнѣе правильный судебный процессъ, совершавшійся въ Аѳинахъ. Въ Пританеѣ собиралось судилище для суда надъ каждымъ неодушевленнымъ предметомъ, напримѣръ, топоромъ, кускомъ дерева или камнемъ, который причинилъ кому нибудь смерть, безъ доказаннаго участія человѣка, и если этотъ камень или кусокъ дерева подвергался осужденію, онъ торжественно выбрасывался за предѣлы города, и т. п.“ (Т. I, стр. 263—264).

Не стану продолжать характеристики первобытнѣйшаго мышленія, полагая, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы сдѣлать для васъ очевидною основную черту этого мышленія — пониманіе. Вы видѣли, что пониманіе, т.-е. сведеніе даннаго, разсматриваемаго объекта или явленія къ другому объекту или явленію, предполагаемому и принимаемому за причину даннаго, коренится непосредственно въ почвѣ психологической и безсознательно распространяется на внѣшній міръ, по мѣрѣ подпаденія его подъ воспріятія субъекта. Пониманіемъ и опредѣляется, какъ видно изъ этого, существеннѣйшій моментъ естественнаго хода мышленія, а дѣятельность, образующая понятія, является моментомъ вторичнымъ, подчиненнымъ акту пониманія, дающимъ средства для достиженія ставимыхъ имъ цѣлей. Это іерархическое первенство пониманія не указываетъ нисколько, конечно, на генетическое его первенство, такъ какъ понятія, въ смыслѣ обобщеній, образуются и независимо отъ потребности пониманія, только какъ акты мысли, освобождающіе мышленіе отъ гнета условій пространства и времени и, слѣдовательно, могущіе существовать отрозненно отъ акта пониманія; но, надо замѣтить, въ этой отрозненности они имѣютъ и особый характеръ, въ общихъ чертахъ сохраняющійся и при переходѣ мышленія

въ познаваніе, которое также идетъ процессомъ образованія понятій, тогда какъ пониманіе, въ качествѣ познавательнаго принципа, совсѣмъ теряетъ всякое значеніе и сохраняется только какъ субъективное условіе мышленія, что еще разъ доказываетъ вѣрность изложеннаго выше взгляда на пониманіе, какъ на основную характеристическую черту мыслительнаго процесса.

Я ничего не говорю о роли побужденій и элемента воли вообще въ ходѣ умственнаго развитія, такъ какъ это пока не входитъ въ рамки моей задачи, но не могу не указать теперь, хоть мимоходомъ, на то, что первобытное пониманіе обращено исключительно на объекты и явленія, служащія къ удовлетворенію самыхъ элементарныхъ потребностей, и не касается тѣхъ, которые чужды удовлетворенію этихъ потребностей или кажутся такими. Такіе объекты и явленія или вовсе не замѣчаются, или считаются столь малозначущими, что вопросъ о происхожденіи ихъ вовсе не подымается. Въ процессѣ образованія понятій они также еще не выдѣляются въ особые группы даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ замѣчаютъ, такъ какъ, вслѣдствіе слабаго развитія способности различенія, ихъ вводятъ обыкновенно въ группы, не имѣющія съ ними ничего общаго. Такимъ образомъ, развитіе пониманія идетъ рука объ руку съ ходомъ формированія понятій и постепенностью возникновенія и удовлетворенія побужденій; три эти момента, взаимно дѣйствуя другъ на друга, приводятъ человѣка мало-по-малу къ приложенію пониманія къ болѣе обширной области явленій, къ образованію болѣе общихъ понятій и къ сознанію сравнительно высшихъ побужденій. Если въ эпоху первобытнѣйшаго фетишизма человѣкъ имѣлъ въ виду понять явленія, ближайшія къ нему, непосредственно его касающіяся: камни, ручьи, нѣкоторыя растенія и животныя, то и обобщенія его не шли далѣе этихъ предметовъ, и наблюденія не стояли выше того уровня элементарныхъ инстинктовъ, для удовлетворенія которыхъ вполнѣ достаточны эти немногіе предметы. Впослѣдствіи, по мѣрѣ изощренія способности различенія, міръ объектовъ расширялся, обобщеніе разросталось, побужденія слагались въ новыя, высшія формы, и для пониманія открывались новые обширные горизонты. Дойдя, напримѣръ, до различенія

сознательной дѣятельности отъ безсознательной, образовавъ неизвѣстное до того времени понятіе мышленія, человѣкъ сталъ искать не только удовлетворенія вновь сознанной потребности мыслить, но и старался понять это явленіе, т.-е. старался свести его къ предполагаемой причинѣ, и, олицетворяя эту причину, въ силу сохраняемаго еще первобытнаго значенія аналогіи, сталъ олицетворять уже не окружающіе его предметы и явленія, но продукты самаго мышленія — понятія. Такимъ образомъ олицетворились понятія силы, красоты, правосудія, любви, мудрости и т. д.: такимъ образомъ возникли Праклъ, Афродита, Ѳемида, Эросъ, Паллада и другія олицетворенія. Всякій, знакомый съ характеристиками ихъ, ясно видитъ, что всѣ они возникли какъ результатъ стремленія къ пониманію и именно къ пониманію явленій, лежащихъ выше уровня умственнаго развитія фетишиста. Сказаннаго было, какъ я думаю, для васъ достаточно, и я не стану долѣе слѣдить за развитіемъ мышленія въ указанномъ направленіи. Вы сами можете сдѣлать это и безъ всякой помощи съ моей стороны.

Предположивъ, что вы возстановили въ вашей мысли ту долгую цѣпь развитія пониманія, когда гипотеза, къ которой сводилось данное явленіе, олицетворялась, я неизбѣжно предполагаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что передъ вами вполнѣ развернулась громадная картина, проникнутая характеромъ этого фазиса умственнаго развитія, и что вы, слѣдовательно, не могли не задаться вопросомъ о значеніи въ исторіи человѣчества и о средствахъ современной науки для опредѣленія этого значенія. Первымъ шагомъ къ выполненію такой задачи современною наукою должна быть, какъ то само собою и очевидно, работа, діаметрально противоположная той, которою были созданы всѣ донынѣ извѣстныя намъ олицетворенія. Если эта послѣдняя заключалась въ пониманіи явленій и объектовъ, дававшихъ матеріалъ мысленному кругозору человѣка того времени, то наукѣ нашего времени приходится путемъ изученія всего, связаннаго съ возстановленіемъ даннаго олицетворенія, опредѣлить тѣ объекты и явленія, которыя послужили для него матеріаломъ, и возстановить тотъ психологическій процессъ, которымъ былъ переработанъ этотъ ма-

теріалъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ этой науки должно быть, конечно, сравненіе, такъ какъ окончательно опредѣлить конкретныя и индивидуальныя факты придется только при его посредствѣ, но самое сравненіе предполагаетъ уже другой, высшій принципъ, послѣдствіемъ котораго оно и является, а именно принципъ научнаго познаванія, не совмѣщающійся, какъ то было уже доказано, съ принципомъ пониманія.

Заговоривъ объ отношеніи современной науки къ тому ряду ступеней, которое проходило умственное развитіе отъ первобытнѣйшей эпохи до той поры, пока оно оставалось вѣрнымъ началу антропопатизма, я сдѣлалъ это только затѣмъ, чтобы показать вамъ связь ея задачи съ тѣмъ вопросомъ, который я назвалъ первымъ шагомъ ея къ разрѣшенію этой задачи, съ вопросомъ о возстановленіи реальнаго содержанія олицетвореній, или, что то же, съ вопросомъ о сведеніи этихъ олицетвореній къ тѣмъ объектамъ и явленіямъ, которые нѣкогда дали матеріалъ для образованія понятій, олицетворявшихся въ самый моментъ ихъ возникновенія. Объ этомъ только вопросѣ я и имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онъ дастъ намъ случай еще разъ пройти только-что сдѣланный путь обратно, а именно, не отъ представленій къ понятіямъ, а отъ понятій къ представленіямъ, и такимъ образомъ еще лучше ознакомиться съ основными чертами характера разсматриваемаго фазиса мышленія.

Наука, разрабатывающая только-что поставленный вопросъ, носитъ обыкновенно названіе „сравнительной миѳологіи“, но я замѣтилъ уже выше, что пріемъ сравненія не составляетъ и не можетъ составлять ея основнаго пріема, такъ какъ сравненіе есть вторичный моментъ ея метода. Въ самомъ дѣлѣ, приступая къ рѣшенію своей задачи, „наука о миѳахъ“ должна всего прежде сознать себя наукой и, какъ таковая, не смѣшивать познаванія и пониманія, не принимать послѣдняго за познавательный принципъ; и это значитъ, что она не должна начинать съ установленія понятій, которыя, при такомъ условіи, могутъ быть только понятіями апріорными, а класть во главу угла изслѣдованіе всей совокупности матеріала, входившаго въ черту круго-

зора людей данной эпохи. Такимъ образомъ, брать исходной точкой какую-нибудь апріорно-опредѣленную область—астрономическую, метеорологическую, лингвистическую, антропологическую и т. д.—какъ область исключительно вмѣщающую корни миѳовъ, или того или другаго миѳа, было бы несогласно съ требованіями научнаго метода, ошибочно. Опредѣленіе границъ области, объекты и явленія которой дали матеріалъ для образованія миѳа, должно явиться послѣднимъ результатомъ изысканія и одновременно опредѣлить и характеръ этой области, и реальныя данныя разсматриваемаго миѳа. При такомъ порядкѣ изслѣдованія, ходъ его и пріемы очертятся во всей ихъ яркой противоположности по отношенію къ первобытной умственной работѣ, создавшей миѳъ; результатъ изслѣдованія установится на прочной почвѣ и, со стороны методологической, различіе знанія отъ пониманія предстанетъ во всей своей принципіальной опредѣленности.

Позвольте мнѣ привести небольшой примѣръ въ подтвержденіе только-что высказанной мысли; примѣромъ этимъ снабдитъ насъ сочиненіе Эмиля Бюрнуфа „La légende athénienne. Etude de mythologie comparée“. Здѣсь рѣчь идетъ о происхожденіи миѳа Паллады-Аѳины и съ методологической стороны представляетъ весьма много поучительнаго.

Приступая къ изслѣдованію миѳа Аѳины, Бюрнуфъ обращаетъ вниманіе прежде всего на то, что научный характеръ такого рода изслѣдованій сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, какъ ученымъ стали доступны гимны Ригъ-Веды. Въ каждомъ изъ этихъ гимновъ значеніе миѳической личности раскрыто, такъ какъ если одинъ стихъ называетъ личность эту по имени, то почти всегда другой стихъ описываетъ явленіе, представляемое этою личностью. При этомъ всѣ имена миѳическихъ личностей даны на языкѣ санскритскомъ и сами по себѣ имѣютъ значеніе именъ нарицательныхъ или же прилагательныхъ. Наконецъ, миѳическія эти личности не только названы и истолкованы, но даже ихъ дѣйствія и нравы очерчены, ихъ убранство и аттрибуты описаны.

Изъ этихъ словъ Бюрнуфа вы можете видѣть сразу все то богатство представленій, указанія на которыя давались болѣе или

менѣе прямо Ригъ-Ведою: но для Бюрнуфа—какъ вы, навѣрно, догадываетесь — указанія эти давали только точку исхода: вѣдь приходилось изслѣдовать не первообразъ Аѳины въ Ведахъ (Ahâna), но самую Аѳину, и, слѣдовательно, надо было обратить вниманіе на мѣстныя условія, на ходъ локализаціи миѳа. Изученіе этихъ мѣстныхъ условій произведено было Бюрнуфомъ на самомъ мѣстѣ—въ Акрополисѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Разсмотрите топографическіе планы этой мѣстности, приложенные къ сочиненію Бюрнуфа, прочтите комментарій къ нимъ, вникните въ условія положенія Парѳенона, статуи и алтаря богини, разберите сдѣланныя Бюрнуфомъ измѣренія, служащія къ ихъ ориентировкѣ, присоедините сюда богатство его историческихъ, географическихъ и филологическихъ указаній, и вы убѣдитесь, что ученый авторъ изслѣдованія о миѳѣ Аѳины обшарилъ всѣ уголки, въ которыхъ только возможно было ожидать встрѣтить данныя для рѣшенія его задачи. Вся его книга свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ ни на минуту не допускалъ апріорной мысли объ исключеніи того или иного факта, который могъ послужить реальною основою миѳа. Возсозданіе основы миѳа у него такъ же широко и разнообразно, какъ та живая дѣйствительность, на почвѣ которой миѳъ возросъ и сложился. Въ этомъ отношеніи я и цѣню его трудъ съ методологической его стороны, не узурпируя у спеціалистовъ оцѣнки его въ другихъ отношеніяхъ.

Повторю еще разъ въ заключеніе, что миѳъ, созданный потребностью пониманія, изслѣдованъ у Бюрнуфа одними только средствами знанія; поэтому я и разсматриваю указанное мною сочиненіе его какъ иллюстрацію, годную для моей темы и способную при внимательномъ чтеніи, дополнить то, что, частью намѣренно, частью непроизвольно, не досказано мною въ настоящемъ очеркѣ

ПИСЬМО V.

Говоря въ предшествовавшемъ письмѣ объ измѣненіяхъ характера пониманія въ связи съ измѣненіями другихъ условій мышленія—изощреніемъ способности различенія, расширеніемъ мысленнаго кругозора, возростаніемъ обобщеній и возвышеніемъ качественнаго уровня побужденій—я обратилъ ваше вниманіе на тотъ моментъ этихъ измѣненій, которымъ обозначается переходъ отъ объясненія предметовъ, удовлетворяющихъ элементарнѣйшимъ побужденіямъ, къ объясненію предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ побужденіямъ сравнительно высшимъ. Я указалъ при этомъ на соотвѣтствіе этого перехода измѣненію въ характерѣ олицетвореній, которыя также переживаютъ кризисъ и изъ непосредственныхъ олицетвореній ближайшихъ человѣку предметовъ становятся олицетвореніями продуктовъ мышленія—понятій. Вы не пропустили, конечно, безъ вниманія того, что вмѣстѣ съ олицетвореніемъ понятій и паденіемъ антропоморфизированія предметовъ и явленій, характеризующаго періодъ фетишизма, снята была съ этихъ предметовъ и явленій та грубая призрачность, которая дѣлала ихъ совершенно негодными для объективнаго разсматриванія, и совокупность представленій о нихъ обращала въ міръ призраковъ, недоступный никакому проблеску знанія. Отмѣтивъ освобожденіе окружающихъ человѣка предметовъ и явленій отъ фетишистской призрачности, вы замѣтили, конечно,

еще и то, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этой призрачности возникъ несуществовавшій прежде вопросъ объ отношеніи антропоморфизированныхъ понятій къ предметамъ и явленіямъ, получившимъ впервые, такъ-сказать, заурядное значеніе. Вопросъ этотъ тѣмъ, главнымъ образомъ, и былъ новъ, что охватывалъ предметы зауряднаго значенія и стимулировалъ ознакомленіе съ ними; но разрѣшеніе его, само собою и разумѣется, не могло еще выдти на путь знанія и шло, по прежнему, путемъ пониманія. Разрѣшеніе это осуществилось въ космогоніяхъ: космогоніи впервые свели существованіе и происхожденіе реальныхъ объектовъ и явленій къ причинамъ не атропоморфизированнымъ и, слѣдовательно, заключали въ себѣ первые зародыши того фазиса пониманія, которое впослѣдствіи стало широко и разнообразно пользоваться для своихъ цѣлей безличными началами и, совершенно отрѣшась отъ наивнаго пошиба первобытнаго мышленія, многоразлично систематизировалось въ ученія, обыкновенно называющіяся метафизическими.

Просматривая космогоніи разныхъ народовъ мы можемъ прослѣдить за различными степенями самостоятельности въ постановкѣ освобожденныхъ отъ антропоморфизма понятій. У египтянъ понятіе вещества сводится еще къ олицетвореннымъ началамъ, такъ какъ вещество считается продуктомъ дыханія Хнубиса; у вавилонянъ и финикіянъ вещество является уже первобытнымъ, оно составляетъ, по идеѣ космогоній этихъ народовъ, содержаніе мірового яйца, которое только раздвояется Бэлемъ, образующимъ посредствомъ такого раздвоенія небо и землю. Въ Ведахъ безличный характеръ понятій, долженствующихъ объяснить существующее, выставленъ еще опредѣленнѣе: „Первоначально ничего не существовало—говорится въ одномъ изъ гимновъ—ни бытія, ни небытія, ни міра, ни воздуха, ни чего либо поверхъ того; не было нигдѣ ничего въ блаженствѣ кого бы то ни было сокрытаго или блаженство это скрывающее. Смерть не существовала еще, не существовало тогда и безсмертія; не было и различія дня отъ ночи. Но все дышало безъ дуновенія съ однимъ только самоустановленіемъ, которое въ немъ содержалось. Кромѣ его не было ничего позднѣйшаго. Была тьма и

все было покрыто мракомъ и неразличаемою водою. Кама (любовь) возникла въ духѣ его прежде всего и содѣлалась первымъ творящимъ сѣменемъ, которое мудрецы чрезъ размышленіе признали въ сердцѣ своемъ и въ небытіи прозрѣли основу бытія“ [1]). Очень близки къ этимъ усиліямъ найти разгадку бытія тѣ воззрѣнія, содержаніе которыхъ классическая древность приписывала Гезіоду: „Первоначально былъ хаосъ, потомъ родились изъ тьмы: земля съ обширными нѣдрами, неколебимое основаніе всѣхъ существъ, темный тартаръ въ глубинѣ ея безднъ и Эросъ (любовь), прекраснѣйшій изъ всѣхъ боговъ безсмертныхъ“ и т. д.

Очевидно, что идея первобытнаго мирового яйца, первоначальной тьмы, хаоса, неопредѣленнаго нѣчто, содержащаго въ себѣ основоначало всего и т. п., имѣетъ уже въ большей или меньшей мѣрѣ характеръ метафизическій и представляетъ первую ступень пониманія въ его новомъ фазисѣ — чистомъ умозрѣніи, освобожденномъ отъ антропоморфизма.

Вся исторія чистаго умозрѣнія или метафизики представляетъ подтвержденіе указываемой мною связи ея съ первобытнѣйшими фазисами обыденнаго мышленія. Связь эта ускользаетъ отъ насъ только тогда, когда мы, наблюдая высшія формы метафизическаго мышленія, не прослѣживаемъ постепеннаго развитія этихъ формъ и теряемъ изъ виду исходную точку этого развитія. Возстановивъ этотъ пробѣлъ, вамъ не трудно будетъ убѣдиться, что пониманіе, служащее основою указанной связи, тянется затѣмъ

---

[1]) Приведенный отрывокъ взятъ мною у Лассена (Chr. Lassen: Indische Alterthumskunde. I B., S. 915). Ленорманъ же передаетъ его такъ: „Первоначально ничего не существовало, ни бытія, ни небытія, ни неба, ни небосклона. Что же покрывало все? Что было вмѣстилищемъ всего? Была ли то вода, глубокая бездна? Смерть не существовала тогда, какъ и безсмертіе. День не свѣтился въ ночи. Только единый воздыхалъ самъ въ себѣ безъ дуновенія, и ничего не существовало внѣ его. Тьма господствовала первоначально, все покрывая мракомъ, подобно темному океану. Зародышъ, скрытый въ ея нѣдрахъ, вышелъ самъ собою одною силою теплоты. Желаніе (Кама) возникло прежде всего и стало первымъ сѣменемъ духа. Такова связь, которую мудрые, размышляя, въ сердцѣ своемъ признали существующею между бытіемъ и небытіемъ“ (F. Lenormant. Manuel d'histoire ancienne. t. III. p. 618.)

какъ основной принципъ всего дальнѣйшаго хода развитія метафизики. Въ „System der Kritischen Philosophie“ К. Геринга вы найдете общій очеркъ исторіи метафизики, вполнѣ соотвѣтственный только-что высказанному взгляду. Теперь же, имѣя въ виду только общую характеристику метафизическаго мышленія, подтверждающую его правильность, я заимствую у Геринга лишь такіе примѣры, которые не требуютъ длинныхъ разъясненій и потому не задержатъ насъ долго на исторической экскурсіи, а между тѣмъ, благодаря сравнительной простотѣ своей, будутъ служить къ достаточному уясненію разсматриваемаго тезиса.

Я останавливаюсь на греческой философіи и беру сперва изъ до-Сократовскаго періода ея тѣ два момента, которые отвѣчаютъ сосредоточенію умозрѣнія, во-первыхъ, на понятіи бытія, во-вторыхъ, на понятіи происхожденія. Сосредоточеніе умозрѣнія на понятіи бытія равнозначуще сосредоточенію его на разрѣшеніи вопроса „что это такое?“, приложеннаго ко всей совокупности явленій, разсматриваемыхъ какъ единое цѣлое. Такъ какъ въ періодъ, предшествующій различенію пониманія отъ знанія, побужденіе къ пониманію слѣпо и требуетъ абсолютнаго удовлетворенія, и такъ какъ въ то же время существованіе вещей, представляющихся измѣнчивыми, конкретными единицами, не въ состояніи дать такого удовлетворенія, то и является одинъ только выходъ, а именно: утвержденіе, что бытіе отдѣльныхъ вещей преходяще, что оно исходитъ отъ вѣчнаго и постояннаго бытія, въ которое потомъ и возвращается, такъ что это послѣднее представляетъ собою такое состояніе, въ которомъ все приводится къ единству. Отсюда получаютъ начало ученія о первичной матеріи, изъ которой все получило начало и въ которой все опять растворится. Естественно, что идея этой первичной матеріи образуется изъ элементовъ, доставляемыхъ чувственнымъ опытомъ; иначе и выработаться она, само собою разумѣется, не можетъ. Имѣя идею эту въ своемъ распоряженіи, пониманіе получаетъ возможность не затрудняться ни передъ какою частностью: оно объясняетъ все. Постоянное же упражненіе надъ установленіемъ и приложеніемъ этой идеи ведетъ къ тому, что она становится для субъекта обыденною, и, какъ все обыденное, на-

чинаетъ представляться извѣстною. Поэтому-то и господствуетъ неограниченно въ первомъ періодѣ развитія греческой философіи принципіальное объясненіе единичнаго посредствомъ всеобщаго или цѣлаго, всеединаго, и господствуетъ въ томъ наивномъ складѣ, по смыслу котораго единичное мыслится первоначально содержащимся во всеобщемъ, а затѣмъ уже представляется выдѣляющимся изъ него, исходящимъ изъ него. Процессъ происхожденія какъ таковой и понятіе измѣненія не становятся вообще предметомъ изслѣдованія. Это послѣднее понятіе выступаетъ на первый планъ только вмѣстѣ съ Гераклитомъ, представляющимъ своими воззрѣніями исходный пунктъ того направленія греческой философіи, которое сосредоточивалось на понятіи происхожденія и растворило неизмѣнно-пребывавшее бытіе перваго періода въ непрерывный потокъ измѣненій. Можно было бы ожидать, конечно, что воззрѣнія Гераклита вмѣстѣ съ установленіемъ новаго понятія проложатъ себѣ и пути новые; но однако-же и этотъ философъ остается при прежнемъ способѣ объясненія; сдѣланный имъ шагъ впередъ заключается лишь въ томъ, что онъ устанавливаетъ принципъ не для одного бытія какъ его предшественники, но для бытія и происхожденія. И у Гераклита также характеръ философіи опредѣляется вполнѣ пониманіемъ, т.-е. онъ остается всецѣло метафизическимъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ метафизическихъ понятій Платона и Аристотеля, которыя имѣли наибольшее вліяніе на новѣйшую философію, и которыя поэтому заслуживаютъ въ особенности нашего вниманія. Остановимся прежде всего на увѣренности, съ которою Платонъ опредѣляетъ сущность опыта и знанія ранѣе всякаго опыта и всякаго знанія. Онъ разсматриваетъ тѣ требованія, которыя произвольно предъявлялъ знанію, какъ факты, которые должны заключаться въ знаніи, и по нимъ строитъ понятіе знанія, вмѣсто того, чтобы, испытавъ фактическое знаніе въ его составныхъ частяхъ, установить, такимъ образомъ, на твердомъ основаніи понятіе знанія. Такъ какъ ему, какъ догматику, объективность всякаго знанія представлялась предустановленною, то онъ и строилъ на фундаментѣ своего мнимаго знанія идеальное бытіе, которое и должно стать

объектомъ этого знанія. Разсматривая построенное имъ знаніе какъ единственное, онъ и возведенное на немъ, какъ на основаніи, бытіе въ силу послѣдовательности считаетъ единственнымъ бытіемъ, бытіемъ въ строгомъ смыслѣ. Имѣя же въ виду, что относительное бытіе, бытіе наблюдаемое въ непосредственномъ опытѣ, такъ же какъ и отвѣчающее ему знаніе, должно было получить какое-нибудь объясненіе (должно было какъ нибудь быть понято). Платонъ свелъ его къ абсолютному бытію, къ абсолютному знанію. А такъ какъ средства познаванія, которыми охватывается относительное бытіе, по его мысли, не достигаютъ знанія, то средства эти и считаются имъ недостаточными для такой цѣли и даже разсматриваются какъ препятствія къ ея достиженію Чтобы достичь знанія остается, такимъ образомъ, измыслить новыя средства познаванія, и поэтому теорія познаванія строится, такъ сказать, обратнымъ порядкомъ: она основывается на идеѣ абсолютнаго бытія и развивается по направленію, противоположному тому, которое опредѣляется ходомъ познаванія, опирающагося на опытъ.

Этотъ основной метафизическій тезисъ неизбѣжно влечетъ вслѣдъ за собою цѣлый рядъ отдѣльныхъ, вытекающихъ изъ него, другихъ метафизическихъ тезисовъ. Построенное Платономъ бытіе надѣляется имъ такими опредѣленіями, которые несвойственны бытію непосредственно познаваемому: всеобщностью, вѣчностью, неизмѣняемостью. Потребность пониманія приводитъ оба понятія бытія въ связь и, вслѣдствіе этого, построяется такое понятіе причинности, которое становится источникомъ безчисленныхъ заблужденій. Причина является у Платона какъ реальность въ собственномъ смыслѣ (Ursache als Ur-Sache), какъ чистое бытіе, существовавшее ранѣе бытія, открывающагося въ явленіяхъ и разсматриваемаго какъ его дѣйствіе, и, очевидно, вполнѣ отъ бытія этого независимое. Отсюда извѣстные постулаты знанія, отсюда и ученіе объ идеяхъ.

Перейдемъ теперь къ Аристотелю. Обратите вниманіе на то, что посредство, которое старался установить этотъ мыслитель между двумя взаимно противопоставленными частями Платоновой системы, было весьма недостаточно; возстановивъ реальность міра

явленіи, онъ не могъ однако-же перенести центръ тяжести своеи философіи на изслѣдованіе бытія какъ таковаго, т.-е. на знаніе, и не могъ потому, что всецѣло принялъ трансцендентную теорію познаванія Платона Отодвинувъ познаваніе на второй планъ, Аристотель сосредоточилъ свое вниманіе опять-таки на пониманіи, т.-е. на происхожденіи бытія. Оставаясь въ зависимости отъ Платона, онъ, несмотря на противорѣчіе ему по отношенію къ ученію объ идеяхъ, могъ только перенести идеи со всѣми ихъ трансцендентными свойствами изъ того міра въ этотъ, превративъ ихъ въ сверхчувственные элементы, изъ которыхъ, по его мысли, состоитъ бытіе, познаваемое въ явленіяхъ Такимъ образомъ, онъ, съ одной стороны, отнималъ у идеи ихъ трансцендентную реальность, съ другой—не давалъ имъ реальности чувственной, и поэтому поставилъ ихъ посредствующимъ звеномъ между бытіемъ и не-бытіемъ, превратилъ ихъ въ „возможности“, въ „потенціи“, которыя согласно природѣ вещей опять превращались въ дѣйствительное, хотя и второстепенное по значенію бытіе.

Такъ какъ у Аристотеля дѣло шло главнымъ образомъ объ объясненіи бытія (о пониманіи его), и онъ хотѣлъ установить это объясненіе посредствомъ сведенія сложныхъ субстанцій къ составнымъ ихъ элементамъ или причинамъ, то понятіе причины и выступило у него на первый планъ и неизбѣжно связалось со всѣми тѣми особенностями, которыми Платонъ надѣлилъ свои „идеи“. Подобно идеямъ у Платона, „причины“ у Аристотеля представлялись основами знанія; и такъ какъ онѣ служили къ объясненію относительнаго бытія (явленій), то знаніе причины получило у Аристотеля, сравнительно съ знаніемъ фактовъ, значеніе знанія достовѣрнѣйшаго, т.-е., переводя мысль эту на языкъ научной философіи, служащія къ объясненію явленій гипотезы получили у Аристотеля, сравнительно съ знаніемъ подлежащихъ объясненію фактовъ, значеніе знанія достовѣрнѣйшаго, и, слѣдовательно, взаимное отношеніе между знаніемъ и пониманіемъ совершенно извратилось.

Вслѣдствіе только-что указаннаго извращенія естественнаго отношенія между фактомъ и гипотезою былъ значительно по-

трясенъ дальнѣйшимъ успѣхъ развитія индуктивно-дедуктивнаго метода, значеніе котораго въ истинномъ свѣтѣ представлялось Сократу. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аристотель не умѣлъ цѣнить значенія основныхъ пунктовъ этого метода; такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ его положеніи, утверждающемъ, что можно знать извѣстное свойство угловъ всѣхъ треугольниковъ, не зная этого однако-же о каждомъ треугольникѣ, взятомъ отдѣльно, доказываетъ смѣшеніе опыта обыденнаго съ опытомъ научнымъ такъ какъ только обыденное мышленіе употребляетъ терминъ всѣ и т. п. обозначающіе обобщенія термины, безъ всякаго вниманія къ ихъ дѣйствительному значенію.

У Аристотеля, пріемы индуктивно-дедуктивные отчасти выѣсняются уже тѣмъ ложнымъ воззрѣніемъ, что возможно дѣлать дедукціи безъ всякой предварительной индукціи. Ошибочное это воззрѣніе пріобрѣло тѣмъ большую прочность въ умахъ, что оно кажется пригоднымъ для генетическаго объясненія, а между тѣмъ, вопреки истинному генетическому методу, оно способно только приводить туда, куда напередъ рѣшено попасть, такъ какъ предустановленный результатъ берется за послѣдній пунктъ „апріорной“ дедукціи.

Указанное выше преобладаніе гипотезы надъ фактомъ и основанное на немъ пониманіе и послужило къ возвеличенію платоно-аристотелевской философіи въ средніе вѣка, всецѣло удовлетворявшейся однимъ пониманіемъ и очень слабо и медленно подвигавшейся по пути знанія. Сознательное отношеніе къ этому послѣднему начинаетъ появляться у философовъ только урывками; постепенное его вторженіе въ ихъ системы и постепенное возрастаніе раздвоенія, вносимое имъ въ эти системы, могутъ быть прослѣжены только критической исторіей философіи, на задачу которой въ этомъ отношеніи я могу указать вамъ только попутно.

Если мнѣ удалось съ достаточною опредѣленностью и ясностью раскрыть передъ вами связь метафизическаго мышленія съ обыденнымъ и охарактеризовать основное свойство метафизики, то вы замѣтили, конечно, что я ставлю понятіе метафизики въ зависимость отъ метода философствованія. Хотя въ самомъ опре-

дѣленіи характера метафизическаго метода я и не слѣдую Ог. Конту, такъ какъ, вмѣстѣ съ представителями научной философіи, ищу основаній для этого метода путемъ критики, и не полагаю ихъ догматически, но во взглядѣ на только-что указанную зависимость понятія метафизики отъ извѣстнымъ образомъ опредѣленнаго метода я отдѣляюсь отъ ново-критической нѣмецкой школы и слѣдую Ог. Конту. Поступая такимъ образомъ я надѣюсь избѣжать смѣшенія понятій, нерѣдко возникающаго вслѣдствіе приложенія названія метафизики къ той части философіи, которая занимается установленіемъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій. Позитивистамъ, отвергающимъ такую кульминационную точку философствованія, слѣдовало бы, очевидно, особенно твердо держаться въ настоящемъ случаѣ воззрѣнія Ог. Конта, такъ какъ въ ихъ системѣ терминъ „метафизика“ вовсе и не можетъ имѣть никакаго инаго значенія какъ только названія философіи извѣстнаго пошиба. „Научная“ метафизика должна представляться ортодоксальному позитивисту безсмыслицей, путаницей понятій, которая можетъ возникнуть только изъ неразумѣнія основныхъ воззрѣній Ог. Конта. Льюисъ отрекшись отъ этихъ воззрѣній повелъ рѣчь о метафизикѣ въ томъ смыслѣ, допущеніе котораго отнимаетъ у позитивизма самый raison d'être и противъ котораго ортодоксальные позитивисты и не перестаютъ ополчаться. Нашлись однако нѣкоторые позитивисты, которые проглядѣли значеніе идеи Льюиса и года три тому назадъ прекомично отпраздновали нарожденіе научной метафизики. Многіе замѣчали тогда, что ликованіе позитивистовъ совершается только блаженнаго невѣдѣнія ради, и что ликованіе это скрываетъ собою безсознательное отпѣваніе позитивизма усердствующими не по разуму.

О позитивистахъ до другаго раза, а теперь позвольте мнѣ еще поудержать нѣкоторое время вниманіе ваше на метафизическомъ характерѣ мышленія и указать на роль его при переходѣ отъ пониманія къ знанію въ частныхъ областяхъ положительнаго изслѣдованія. И здѣсь также пониманіе преобладаетъ надъ знаніемъ, т.-е. это послѣднее подчиняется первому и придаетъ наукѣ метафизическій характеръ до тѣхъ поръ, пока на-

копленные факты не становятся, наконецъ, въ явное противорѣчіе съ предустановленными понятіями и не подымается опредѣленно и прямо вопросъ объ образованіи новыхъ понятій изъ представленій, доставляемыхъ новымъ матеріаломъ. Такъ, во весь древній и средневѣковой періоды однообразность вращенія небесныхъ тѣлъ и круглая форма ихъ орбита сохраняется астрономіею, какъ руководящее понятіе. Невозможность точнаго различенія препятствовала признанію неравномѣрности вращенія, а затѣмъ, въ силу логической послѣдовательности, приходилось утверждать и тождество орбиты съ правильною окружностью. Самъ Коперникъ не могъ еще освободиться изъ подъ гнета этихъ понятій, и Кеплеру, разрушившему, наконецъ, этотъ пагубный гнетъ, пришлось — какъ замѣчаетъ Біо — сдѣлать большое усиліе надъ самимъ собою, чтобы примирить добытое имъ знаніе съ потребностью пониманія, лишавшей его умъ покоя. Только благодаря счастливому приливу новыхъ знаній, источникомъ которыхъ были наблюденія Гильберта, сдѣланныя девятью годами ранѣе, возможно было привести всю совокупность новыхъ научныхъ понятій въ стройную связь и освободиться, наконецъ, окончательно отъ предвзятыхъ гипотезъ. „Гипотезы эти—говоритъ Біо—не могли болѣе удерживаться въ виду реальныхъ фактовъ; самый механизмъ движенія небесныхъ тѣлъ представлялся наглядно. Оставалось только изучать подробности“ [1]). Такимъ образомъ, знаніе преодолѣло пониманіе въ области астрономіи и открыло наукѣ этой новые пути къ развитію. Съ этого времени возможно было коснѣть въ старыхъ астрономическихъ воззрѣніяхъ только подъ условіемъ той фанатической послѣдовательности въ приложеніи метафизическихъ понятій, которая сознательно отворачивается отъ фактовъ, отказывается признавать самое ихъ существованіе. Такую рѣдкую послѣдовательность въ предпочтеніи пониманія знанію обнаружилъ, напримѣръ, Кремонини, не желавшій смотрѣть въ телескопъ для того, чтобы не видѣть явленій, отвергавшихъ теорію Аристотеля [2]).

[1]) J. B. Biot. Etudes sur l'astronomie indienne et chinoise. 1862, p. 58—60.

[2]) E. Renan. Averroès et l'averroïsme. 1867, p. 325.

Исторія наукъ можетъ представить вамъ длинный рядъ фактовъ, служащихъ такимъ же подтвержденіемъ высказаннаго мною взгляда на роль пониманія въ наукѣ, какъ и только-что приведенный фактъ изъ исторіи астрономіи. Вспомните, напримѣръ, что алхимики искали начала металличности и что даже самъ Лавуазье въ поискахъ своихъ имѣлъ въ виду открытіе начала кислотности. Обратите затѣмъ вниманіе на то, что явленіе теплоты, ранѣе сведенія его къ механическому эквиваленту (т.-е. до работъ Р. Майера и Джуля, 1842 и 43 г.), принималось также за особое начало и даже, какъ бы въ параллель кислороду и водороду, носило названіе теплорода. „Теплородъ“ этотъ до такой степени втемяшился въ нѣкоторыя головы, что даже позитивистъ, г. де-Роберти, въ своихъ „Пол.-экон. этюдахъ“, обезсмертивъ себя открытіемъ навѣки прославившей его истины, что „бѣдность есть ни что иное, какъ скрытое богатство“, запечатлѣлъ это великое открытіе возведеніемъ бѣдности на степень „скрытаго теплорода экономическаго міра“ (стр. 98). Теперь другому россійскому позитивисту, г. де-ла-Сердѣ, только и осталось, что провозгласить невѣжество скрытымъ знаніемъ, а глупость скрытымъ умомъ и возвести затѣмъ невѣжество и глупость на степень скрытаго теплорода интеллектуальнаго міра.

Но возвратимся къ нашимъ примѣрамъ. Вспомните начало вулканизма, какъ его понималъ Гюттонъ, или начало нептунизма, какъ оно представлялось Вернеру, и вы увидите, что и геологія не обошлась безъ подчиненія себя метафизикѣ. Вспомните еще объ идеѣ тѣхъ, „нынѣ уже не-дѣйствующихъ силъ“, которыя предполагались причиною переворотовъ, измѣнявшихъ весь характеръ жизни на землѣ; идея этихъ силъ, очевидно, вносила метафизическое начало не только въ геологію, но и въ палеонтологію, а черезъ нее и въ біологію. Приведите только себѣ на память значеніе заслугъ Ламарка, Ляйэлля, Дарвина и Гэкеля—и вамъ ясно представится метафизическій характеръ, царившій въ тѣхъ научныхъ областяхъ, въ которыя работы этихъ ученыхъ внесли рѣшительный переворотъ и полное обновленіе.

Но если метафизическія воззрѣнія вытѣснены, наконецъ, изъ бо́льшей части отдѣльныхъ наукъ, то въ наукѣ всеобщей, въ

философіи, они продолжаютъ занимать еще, повидимому, крѣпкія позиціи. Задача научной философіи и заключается въ преодолѣніи сопротивленія, оказываемаго еще этими только наружно грозными крѣпостями и въ установленіи общихъ понятій такъ же незыблимо, какъ уже установлены понятія частныхъ наукъ. Какимъ образомъ разрѣшается эта задача научной философіи, о томъ и намѣренъ я говорить въ слѣдующихъ моихъ письмахъ, а потому мнѣ и предстоитъ теперь перейти къ характеристикѣ развитія научнаго мышленія или познаванія.

ПИСЬМО VI.

Итакъ, что такое познаваніе?

Отвѣтить на этотъ вопросъ одною всеисчерпывающею формулою, быть можетъ, и возможно, но цѣлямъ моимъ не соотвѣтствуетъ. Мой отвѣтъ будетъ длиненъ, пожалуй слишкомъ длиненъ; въ немъ я переберу одну за другою основныя черты, характеризующія познаваніе, буду постепенно переходить къ завершенію общаго опредѣленія этого понятія, но за то, если вы только будете имѣть терпѣніе слѣдовать за мной до конца, я надѣюсь разрѣшить поставленный выше вопросъ настолько удовлетворительно, насколько разрѣшаетъ его научная философія, одного изъ первыхъ представителей которой я избралъ въ настоящемъ случаѣ моимъ руководителемъ. Начну съ черты, которая съ перваго взгляда можетъ показаться вамъ банальной, но внимательное отношеніе къ которой не замедлитъ, какъ я думаю, раскрыть вамъ ея значеніе, а именно: я хочу обратить вниманіе ваше сначала на то, что познаваніе непремѣнно предполагаетъ что либо познаваемое. Это положеніе не можетъ быть оспариваемо ни скептицизмомъ, ни кантовскимъ критицизмомъ, ни идеализмомъ, потому что можно отвергать существованіе познаваемаго и вмѣстѣ съ нимъ и самый фактъ познанія, но нельзя отвергать высказаннаго выше положенія, утверждающаго только ихъ связь. Остается вполнѣ несомнѣннымъ, что вы-

сказанное выше положеніе предполагаетъ существованіе и объекта и субъекта, субъектъ познаетъ, т.-е. идеально овладѣваетъ объектомъ. дѣластъ внѣшній объектъ объектомъ своей мысли. Замѣтивъ это положеніе, обратите затѣмъ вниманіе, что фактъ познаванія предполагаетъ еще и другой тезисъ, а именно: что объекты, идеально перешедшіе въ субъектъ, мыслятся всегда въ точности соотвѣтственными объектамъ реальнымъ [1]). Самый фактъ познаванія, какъ я только-что сказалъ, предполагаетъ эти положенія; и если фактъ этотъ долженъ осуществиться, если что либо должно быть познано. то они никакъ не могутъ быть обойдены. Вытекая изъ самой природы познаванія, положенія эти суть положенія, основанныя на многократно повторенномъ опытѣ,—положенія, которыя будутъ подтверждаться тѣмъ же путемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано существованіе такого познанія, которое предшествуетъ познаванію, или такого познавательнаго принципа, который не предполагался бы свойствами, неотъемлемо-присущими самому познаванію.

Если познанные объекты должны въ точности соотвѣтствовать объектамъ реальнымъ, то познающій субъектъ долженъ прежде всего предостеречь себя отъ всякаго произвольнаго извращенія дѣйствительности, или, что то же, долженъ строго подчиниться принудительной силѣ объективнаго порядка вещей и. вслѣдствіе этого подчиненія, придать результату своей дѣятельности—познанію—характеръ общности (Allgemeinheit), который неизмѣнно присущъ всякому достовѣрному знанію.

Подъ общностью я разумѣю здѣсь не общепризнанность того или другого положенія, но то свойство этого положенія, которое является результатомъ методическаго его построенія, — свойство приложимости его ко всѣмъ вообще соотносящимся фактамъ и явленіямъ Для бо́льшей ясности напомню вамъ, что вопросъ объ общности въ примитивной его формѣ въ сред-

---

[1]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что соотвѣтствіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не предполагаетъ между представленіями и ихъ объектами никакаго сходства, допускаемаго однимъ только наивнымъ реализмомъ.

нія вѣка служилъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій яблокомъ раздора для схоластическихъ партій. Тогда дѣло шло о томъ, существуютъ ли общія понятія (universalia) отдѣльно и независимо отъ вещей, какъ реальныя сущности, или они обрѣтаются только въ нашей мысли; и если существуютъ отдѣльно отъ вещей, то возникли ли они ранѣе вещей или послѣ нихъ? Тѣ, которые отстаивали отдѣльное и независимое отъ вещей реальное существованіе понятій, назывались реалистами: тѣ же, которые считали ихъ только именами вещей,—номиналистами. Споръ, какъ видите, шелъ собственно о томъ: объективную или субъективную общность слѣдуетъ считать истинною?

Я сказалъ выше, что объективная принудительность, или, что то же, обусловливающая познаніе необходимость (Nothwendigkeit) и неразрывно связанная съ нею общность представляются такими чертами познаванія, которыя по самой природѣ его ему присущи. Нельзя не остановиться надъ ними поэтому нѣсколько дольше и сосредоточить на нихъ все наше вниманіе.

Обыденное мышленіе принимаетъ обыкновенно понятіе необходимости въ двухъ значеніяхъ—въ субъективномъ и объективномъ; первое указываетъ на необходимость извѣстныхъ средствъ для достиженія поставленныхъ субъектомъ цѣлей, второе — на независимое отъ субъекта и неизмѣнное сцѣпленіе явленій. Хотя относительное значеніе необходимости, обусловливаемой цѣлями субъекта, и очевидно, такъ какъ съ устраненіемъ этихъ цѣлей падаетъ и самое понятіе необходимости, но обыденное мышленіе тѣмъ не менѣе обыкновенно принимаетъ ее какъ необходимость абсолютную и усиливается подчинить ей, насколько можетъ, объективное теченіе событій. Усиліе это очень ярко обозначается въ мистическихъ міровоззрѣніяхъ пользованіемъ воображаемою силою призраковъ для пріобрѣтенія полной власти надъ природою. Въ этомъ практическомъ приложеніи понятія субъективной необходимости сказалось какъ нельзя ярче то пренебреженіе къ дѣйствительности, которое всегда было и есть присуще всѣмъ видамъ обыденнаго мышленія. Пренебреженіе это, вполнѣ раздѣляемое и метафизикою, выразилось въ стремленіи ея подчинить дѣйствительность мышленію. Такимъ образомъ,

метафизики считали себя вправѣ извращать дѣйствительность, насколько считали то нужнымъ. Со времени же роковаго примѣра Канта, провозгласившаго, подобно новому Копернику философіи подчиненіе объектовъ субъекту, метафизическое возведеніе субъекта на степень „законодателя, всего охватываемаго сознаніемъ", стало общимъ мѣстомъ метафизической теоріи познаванія, и значеніе субъективной необходимости въ метафизической философіи вполнѣ охарактеризовалось.

Объективная необходимость, или присущая объектамъ по отношенію къ субъекту принудительность, всегда обрѣталась не въ авантажѣ у обыденнаго мышленія и у метафизики. Вдохновляясь идеей самобытности разума, самополагающаго себя я и т. п., метафизики всегда стремились къ полному пожертвованію объективной необходимости въ пользу необходимости субъективной. Эта послѣдняя является однако-же въ сопоставленіи съ объективною необходимостью произволомъ и подрываетъ самую возможность познавания. Упорство въ ея удержаніи можетъ доказывать только присутствіе цѣлей, чуждыхъ познанію. Сталкиваясь съ такимъ упорствомъ, поборникъ знанія не въ состояніи найти возможность для какого бы то ни было пренія или спора, такъ какъ ему представляется прежде всего отсутствіе единства взгляда на первоосновные недоказуемые тезисы и, слѣдовательно, отсутствіе общей почвы. Желающій познать дѣйствительность обязанъ подчиниться той необходимости, которую она налагаетъ на всякаго нормально-организованнаго субъекта. Безъ этого условія познаваніе не можетъ осуществиться и цѣль его—познаніе—останется недостижимою.

Понятіе общности всегда связывалось съ понятіемъ необходимости; и дѣйствительно, связь эта обусловлена объективно, но понятіе о ней было такъ извращено метафизикой, что и до сихъ поръ продолжаетъ еще путать очень многихъ.

Метафизики, продолжая придерживаться воззрѣнія Аристотеля на исключительное для науки значеніе общихъ понятій, присоединяютъ къ этому ложному воззрѣнію обычное смѣшеніе представленій и понятій, переносятъ понятіе общности изъ области мысли въ область дѣйствительности и по образу и подобію об-

щихъ понятій измышляютъ общіе факты. Ошибка эта занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ исторіи философіи, и потому нельзя не обратить особеннаго вниманія на необходимость ея устраненія. Начиная съ крайней формулировки средневѣковаго „реализма", она встрѣчается въ разныхъ оттѣнкахъ до нашего времени. Даже основатель позивитизма не могъ вполнѣ избѣжать ея, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія критическаго обоснованія своей системы, онъ впалъ въ догматизмъ, вредное вліяніе котораго и указано уже мною въ моемъ „Опытѣ изслѣдованія основоначалъ позитивизма". Въ разсматриваемомъ теперь вопросѣ догматизмъ Ог. Конта обнаруживается въ допущеніи общихъ фактовъ, въ указаніи на подчиненіе естественныхъ явленій законамъ, въ употребленіи такихъ выраженій какъ открытіе закона и въ тому подобныхъ некритическихъ воззрѣніяхъ, безсознательно, тѣмъ не менѣе слишкомъ явно смѣшивающихъ міръ мысли и міръ объектовъ и неминуемо предполагающихъ метафизическую перестройку предметовъ по объектамъ, даваемымъ мышленіемъ.

Въ настоящее время указываютъ обыкновенно на математику, какъ на основу всеобщности въ объективномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщность математическихъ понятій остается внѣ всякихъ сомнѣній; всякая математическая фигура можетъ разсматриваться какъ платоновскій „архитипъ" своего рода. Но, замѣтить надо, особенности свойствъ математическаго познанія не дозволяютъ переносить добытыхъ въ области его результатовъ на другія отрасли знанія. Математика имѣетъ дѣло не съ предметами, дѣйствительно существующими, но съ комбинаціями творческой фантазіи. Ея объекты, хотя и образуются изъ элементовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, но не представляютъ собою объектовъ реальныхъ, а суть объекты, идеально построенные, и занимаютъ поэтому исключительное мѣсто среди объектовъ всѣхъ остальныхъ наукъ. Математика стоитъ на вполнѣ заслуженномъ ею почетномъ мѣстѣ въ ряду другихъ наукъ только благодаря въ высшей степени плодотворному приложенію ея къ другимъ наукамъ, только благодаря великому значенію ея при изслѣдованіи дѣйствительности. Она является, такимъ образомъ, только какъ средство познающей науки, и въ этомъ смыслѣ и

оправдываетъ то, съ перваго раза кажущееся парадоксальнымъ, положеніе, которое отнимаетъ у нея значеніе науки въ томъ смыслѣ, въ которомъ терминъ этотъ прилагается къ изученію реальнаго міра.

Принимая во вниманіе, что математическимъ объектамъ свойственъ идеальный характеръ, выражающійся въ недоступности этихъ объектовъ для представленія и въ неизбѣжности мыслить ихъ только какъ понятія, нельзя не видѣть различія математики отъ другихъ наукъ и нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе тѣхъ, которыя видятъ въ ней образецъ для всѣхъ другихъ наукъ и считаютъ ее наукою по преимуществу. Понятіе общности, какимъ оно является въ математикѣ, не можетъ быть распространено, какъ видно изъ этого, на другія науки и, тѣмъ болѣе, не можетъ быть принимаемо какъ понятіе, обоснованное на всей совокупности научнаго знанія.

Для подтвержденія этого заключенія позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи Юма, который усматриваетъ превосходство математическихъ наукъ надъ науками нравственными въ томъ, что представленія первыхъ непосредственно связаны съ чувственными воспріятіями и обладаютъ поэтому ясностью и отчетливостью. Слова, по идеѣ Юма, въ математикѣ прочно связаны съ соотвѣтствующими имъ представленіями: всякое слово всегда вызываетъ неизмѣнно то же представленіе, такъ какъ подстановка представленій на мѣсто словъ совершается безъ малѣйшаго усилія, сама собою. Въ мнѣніи этомъ вѣрно только то, что недисциплинированное наукою мышленіе обыкновенно вращается только среди представленій и комбинацій представленій и неспособно восходить выше ихъ уровня, въ область отвлеченій. Понятія поэтому и могутъ имѣть для такого мышленія одно значеніе пустыхъ звуковъ. Такое значеніе дѣйствительно имѣютъ для обыденныхъ умовъ понятія такъ называемыхъ нравственныхъ наукъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что и математическія понятія имъ такъ же недоступны. Такъ, напримѣръ, математическое понятіе точки усвояется обыкновенно съ нѣкоторымъ усиліемъ; и помѣхой скорости и легкости усвоенія является только чувственное представленіе, всегда подвертывающееся вмѣсто поня-

тія. Изъ этого видно, что примѣненіе наглядныхъ способовъ обученія, которымъ думаютъ иногда помочь усвоенію математическихъ понятій, не приближаетъ къ цѣли, а удаляетъ отъ нея обучающагося. Въ математикѣ слѣдуетъ поступать совершенно обратно, слѣдуетъ возводить наглядность объектовъ къ чистотѣ и строгости понятій, если только имѣется въ виду достиженіе знанія въ духѣ строго-математическомъ. Свойство математическихъ объектовъ и опредѣляетъ то высокое значеніе математики въ ряду наукъ, на которое было уже указано выше Понятія всѣхъ остальныхъ наукъ являются необходимымъ и неизбѣжнымъ зломъ, потому что захватываютъ только одну часть объекта, игнорируя другую; математическія же понятія исчерпываютъ свои объекты въ той мѣрѣ, какая требуется для цѣлей математики. При этомъ, впрочемъ, остается нетронутою величина объектовъ, но остатокъ этотъ лишенъ всякаго значенія, такъ какъ математика занимается только отношеніями между величинами, а не отдѣльными величинами самими по себѣ. Чисто идеальный характеръ математики усматривается изъ этого вполнѣ ясно, и необходимость исключенія всякой аналогіи между нею и другими науками ставится внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, подтверждается еще разъ, что понятіе общности, какъ оно установлено въ математикѣ, не можетъ быть приложено ни къ какой другой наукѣ.

Отнявъ у математики значеніе опоры ложно опредѣляемаго понятія общности, я устранилъ тѣ сомнѣнія, которые могли возникнуть у васъ по поводу указаннаго выше смысла этого понятія, такъ часто переносимаго изъ области мысли и навязываемаго предметамъ. Теперь для васъ ясно, конечно, что общихъ фактовъ не существуетъ, и что объективная общность можетъ быть принимаема только какъ обобщеніе частностей и индивидуальностей. Такъ, если я говорю, что „Марсъ, Юпитеръ и т. д. движутся по эллиптическимъ орбитамъ“, или „всѣ папы до Пія IX царствовали менѣе 25 лѣтъ“, то это можетъ значить только то, что значило бы перечисленіе собственныхъ именъ съ присоединеніемъ къ каждому изъ нихъ высказанныхъ выше положеній. Словомъ, общность есть ни что иное какъ по-

стоянная фактичность; всякій же фактъ самъ по себѣ индивидуаленъ, и общность, если только она не призрачна, есть мысленное обобщеніе индивидуальностей. Въ этомъ смыслѣ и должна разсматриваться индивидуальность какъ основаніе общности, т.-е., точнѣе, какъ основаніе ея допущенія. Такимъ образомъ, общее должно являться въ мышленіи нашемъ послѣ единичнаго, и оно дѣйствительно является послѣ,—въ наукѣ; обыденное же мышленіе, образующее понятія безсознательно, обыкновенно возводитъ единичное на степень общаго и, нарушая такимъ образомъ правильный порядокъ въ образованіи общихъ понятій, вводитъ въ мышленіе еще одну путаницу, которую и слѣдуетъ присоединить къ числу тѣхъ, которыя были указаны выше. Вращаясь среди представленій, и не будучи способно подняться до дѣйствительныхъ обобщеній, обыденное мышленіе принимаетъ однако-же представленія за понятія, т.-е. за обобщенія и, встрѣчая новыя единичные факты, подводитъ ихъ подъ эти мнимыя обобщенія. Для обыденнаго мышленія, какъ видно изъ этого, общее является какъ предшествующее единичному, и по обычному правилу обыденнаго мышленія—post hoc, ergo propter hoc—является вмѣстѣ съ тѣмъ его причиной, а единичное—дѣйствіемъ этой причины. Такъ какъ философія бо́льшею частью вырабатывалась независимо отъ научнаго знанія, то въ нее, какъ я не разъ уже указывалъ вамъ, проникло не мало положеній обыденнаго мышленія. Однимъ изъ такихъ положеній было и только-что указанное отношеніе общаго къ единичному; разсматривать общее какъ основаніе единичнаго, считать науку знаніемъ общаго, считать истиннымъ знаніемъ знаніе причинъ и тому подобныя формулированія тезиса, упомянутаго выше, стало въ метафизикѣ до того общимъ мѣстомъ, что ни одна метафизическая система не могла его избѣгнуть. Даже анти-метафизическій позитивизмъ преодолѣлъ этотъ метафизическій недугъ не принципіально, но путемъ регламентаціи, провозгласивъ невозможность познанія причины и устранивъ этотъ терминъ. Поэтому-то позитивизмъ никогда и не могъ вполнѣ избѣжать обвиненія въ произвольности ограниченія области познаванія и всегда обрѣтался въ нѣсколько наивномъ заблужденіи, что можно

освободиться посредствомъ ампутации отъ такой метафизической язвы, которая коренится въ общихъ условіяхъ всего организма не-критическаго мышленія и отъ которой можно избавиться только радикальнымъ измѣненіемъ этихъ условій.

Итакъ, вы видите, конечно, что объективная общность есть метафизическая иллюзія, отъ которой научное знаніе непремѣнно должно освободиться, а также должно быть для васъ несомнѣнно и то, что одна только субъективная общность можетъ сдѣлаться цѣлью научнаго изслѣдованія. Такая общность предполагаетъ, конечно, существованіе необходимости, имѣющей для всѣхъ принудительное и обязательное значеніе и въ этомъ смыслѣ могущей назваться абсолютною въ противоположность условной необходимости, имѣющей, какъ мы уже видѣли, субъективный характеръ. Абсолютною необходимостью, такимъ образомъ принимаемою, можетъ быть только объективная необходимость, т.-е. внѣшняя принудительность объектовъ, обязательная для всѣхъ нормально организованныхъ субъектовъ и имѣющая поэтому общее значеніе.

Придавая научное значеніе только субъективной общности и объективной необходимости и ставя ихъ въ вышеуказанную связь, мы тѣмъ самымъ сводимъ внѣшнюю принудительность объектовъ на ощущенія. Теперь спрашивается: имѣютъ ли ощущенія характеръ необходимости, а, слѣдовательно, и общности? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы уяснимъ себѣ одно изъ главнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ осуществленіе познанія и подвинемъ еще далѣе изслѣдованіе нашего вопроса.

Всѣ люди, и въ особенности тѣ, въ жизни которыхъ умственная дѣятельность занимаетъ болѣе или менѣе видное мѣсто, хорошо знаютъ, въ какой мѣрѣ работа мысли можетъ разстроиваться ощущеніями. Бываютъ минуты, когда хотѣлось бы не видѣть и не слышать, когда внѣшнія впечатлѣнія раздражаютъ. Хотѣнія наши и наше раздраженіе ни мало не измѣняютъ, само собою разумѣется, дѣйствительнаго порядка вещей; ощущенія вторгаются въ сознаніе какъ тѣхъ, которые охотно воспринимаютъ внѣшнія вліянія, такъ и тѣхъ, которыя раздражаются ими. Пока органы наши находятся въ нормальномъ со-

стояніи. до тѣхъ поръ натискъ ощущеній остается совершенно для насъ неотразимымъ и мы подчиняемся ему невольно.

Такъ какъ представленія суть воспроизведенія воспріятій, то принудительный характеръ ощущеній оказывается и въ возникновеніи представленій, и въ ихъ образованіи. Мысль о возможности господства надъ возникновеніемъ и образованіемъ представленій исчезаетъ какъ иллюзія послѣ сколько-нибудь внимательнаго изслѣдованія этого процесса. Нисколько не парадоксально поэтому утверждать, что человѣкъ не можетъ мыслить то, что онъ хочетъ, но что и въ этомъ актѣ онъ подчиненъ вполнѣ принудительной силѣ условій, объективной необходимости. Фактъ этотъ былъ затемненъ метафизикою, но, разсматривая его безъ всякихъ предвзятій, не трудно, я думаю, убѣдиться въ совершенной его несомнѣнности.

Необходимость, связанная съ ощущеніями, какъ источникомъ представленій, и общность ея для всѣхъ нормально организованныхъ субъектовъ, составляютъ, очевидно, весьма прочное основаніе для осуществленія познанія, но еще не осуществляютъ его: всякому извѣстны необходимыя и всеобщія заблужденія,—заблужденія, неизбѣжно свойственныя всѣмъ людямъ и могущія быть устраненными не конкретно, но лишь абстрактно, при посредствѣ опыта и науки. Это наблюденіе сдѣлано было очень рано и повело сперва къ справедливому недовѣрію къ истинѣ чувственныхъ воспріятій, а потомъ, подъ вліяніемъ другихъ причинъ, къ полному устраненію чувствъ, какъ источника познанія. Вмѣстѣ съ устраненіемъ этимъ была потеряна объективная необходимость, а съ нею и тотъ коррективъ, который только и могъ обуздать произволъ фантастики. Только критическая проницательность Канта возвратила философіи научное основаніе, остававшееся чуждымъ ей — за рѣдкими исключеніями— въ теченіи двухъ тысячелѣтій. Для Канта не было сомнѣнія въ томъ, что догматическая философія не въ состояніи была выработать знаніе, и онъ не разъ пользовался случаемъ для осмѣянія „всезнайства метафизиковъ, ощупью ищущихъ чего-то въ потемкахъ“. Но кантовская реформа метафизики, какъ онъ и самъ это замѣчалъ, имѣла характеръ переворота, который снесъ вмѣстѣ съ

тѣмъ, что бы то достойно низверженія, и то, что имѣло право на существованіе. Если догматизмъ посредствомъ чистаго умозрѣнія и не достигъ знанія, то цѣль догматизма тѣмъ не менѣе была намѣчена правильно. Кантъ упустилъ изъ виду эту цѣль, возстановивъ метафизику въ формальномъ отношеніи (въ „Критикѣ чистаго разума“) и обойдя содержаніе знанія, эту основную цѣль философіи. Его такъ-называемое коперниковское открытіе было въ сущности возстановленіемъ догматическаго пріема, затѣмъ ложная психологія привела его и къ ложной теоріи познанія, и великая задача, имъ поставленная, самимъ имъ была рѣшена ложно [1]). Научная философія нашего времени, вос-

[1]) Основная ошибка Канта заключается въ томъ, что онъ разсматривалъ воспріятіе, представленіе и понятіе какъ одинаково элементарныя психическія функціи; вслѣдствіе такой ошибки онъ пришелъ къ ложному взгляду на происхожденіе мышленія и сужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что *мы* мыслимъ при посредствѣ понятій, подводя подлежащее подъ понятіе сказуемаго и такимъ образомъ устанавливемъ отношеніе понятія къ представленію. Но такъ мыслимъ мы, дисциплинировавшіе мышленіе наше посредствомъ науки; что же касается обыденнаго мышленія, то оно ассоціируетъ одни только представленія и никогда не возвышается до понятія въ логическомъ значеніи этого термина. Но такъ какъ естественное, обыденное мышленіе предшествуетъ мышленію логическому, то и сужденія свои оно строитъ безъ помощи понятій и вырабатываетъ безъ нихъ и свои знанія. Кантъ, упустивъ изъ виду различіе обыденнаго мышленія отъ научнаго, расчленилъ логическое сужденіе и, найдя содержавшееся въ немъ подведеніе подлежащаго подъ понятіе сказуемаго, заключилъ, что такъ какъ о п ы т ъ возможенъ только при помощи сужденія, то, слѣдовательно, основаніемъ ему могутъ служить только п о н я т і я. Въ продуктѣ же опыта, въ эмпирическомъ познаніи, открылъ онъ составныя части, которыя, по его мнѣнію, не могли быть произведены опытомъ; таковыми онъ призналъ формы познанія,—формы, предшествующія всякому опыту,—формы априорныя. Такъ и совершилось открытіе a priori, открытіе, которому самъ онъ придавалъ значеніе „коперниковскаго открытія“. „Доселѣ принималось—говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію „Критики чистаго разума“—что всѣ наши познанія должны быть соображаемы съ внѣшними предметами. Но такое предположеніе уничтожаетъ всѣ попытки сдѣлать что-нибудь по отношенію къ нимъ a priori, чѣмъ единственно могло бы быть расширено наше познаніе. Слѣдуетъ посему попытаться: не сдѣлаемъ ли чего-нибудь лучшаго для метафизическихъ задачъ, если мы допустимъ, что, наоборотъ, самые предметы должны направляться сообразно съ нашими познаніями. Предположеніе это подтверждаетъ возможность познаванія ихъ a priori, ибо задача послѣдняго

пользовавшись успѣхами вступившей въ новый фазисъ развитія психологіи взялась вновь за задачу Канта и перерѣшила ее совершенно за-ново.

Слѣдя за разрѣшеніемъ основныхъ вопросовъ теоріи познанія ново-критическимъ направленіемъ научной философіи, я представилъ вамъ общую характеристику условій, опредѣляющихъ осуществленіе познанія; теперь я перейду къ разсмотрѣнію средствъ, служащихъ для достиженія этой цѣли.

Чувственныя воспріятія—за несуществованіемъ другаго предмета въ дѣятельности психическаго механизма—разсматриваются

и состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать нѣчто о предметахъ прежде, нежели они даны будутъ намъ въ опытѣ Здѣсь повторяется нѣчто подобное мысли Коперника послѣ того какъ гипотеза движенія свѣтилъ около земли оказалась неудобной для объясненія небесныхъ явленій, онъ пытался объяснить ихъ другимъ предположеніемъ—покоя самихъ свѣтилъ, но движенія самого наблюдателя. И въ метафизикѣ можно подобнымъ образомъ пытаться объяснить все касающееся чувственнаго усмотрѣнія предметовъ. Если послѣднее должно направляться сообразно съ свойствомъ предметовъ, то какъ же, спрашивается, можно знать о нихъ что-нибудь а priori; но если внѣшній предметъ (какъ предметъ чувствъ) направляется сообразно съ свойствомъ самой способности усмотрѣнія, то понятна возможность такого знанія. И такъ какъ я не могу довольствоваться чувственными представленіями, но, если хочу переработать въ познанія, долженъ относить ихъ, какъ представленія чего-то, къ какому нибудь предмету и послѣдній опредѣлять первыми, то мнѣ остается предположить одно изъ двухъ: или понятія, посредствомъ которыхъ происходитъ это опредѣленіе, построяются сообразно съ внѣшнимъ предметомъ, тогда возникаетъ опять затрудненіе, какъ же можно знать о немъ что нибудь а priori, или же предметы, иначе опытъ, изъ котораго единственно они (въ качествѣ данныхъ предметовъ) познаются, направляется сообразно съ понятіями; тогда все становится яснымъ. Самъ опытъ есть ни что иное, какъ родъ познаній, образуемый разсудкомъ по правиламъ, существующимъ во мнѣ прежде всякихъ внѣшнихъ предметовъ, слѣдовательно, а priori, и эти правила выражаются въ понятіяхъ a priori, которымъ необходимо должны подчиняться и сообразоваться всѣ предметы опыта Что касается до тѣхъ сторонъ предметовъ, которыя необходимо мыслятся однимъ разумомъ и не могутъ быть даны въ опытѣ (по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ мыслитъ ихъ разумъ), то попытка мысленно углубиться въ нихъ должна дать намъ прекрасный случай провѣрить такой измѣненный методъ мышленія, — именно: что познавать a priori въ вещахъ можно только то, что мы сами влагаемъ въ нихъ.“ („Критика чистаго разума“, перев. М. Владиславлева, стр. XVII—XVIII.)

нами какъ начальные элементы мышленія. Доставляемый ими матеріалъ сопряженъ съ наивысшею степенью субъективной достовѣрности и всегда разсматривается поэтому обыденнымъ мышленіемъ, какъ знаніе. Но еслибы мы обладали только этимъ знаніемъ, то намъ пришлось бы идти рука объ руку съ обыденнымъ мышленіемъ, ибо и у насъ не могло бы явиться сознаніе ошибки, и мы также не имѣли бы никакого основанія для рѣшенія вопроса о правильности или неправильности того или другаго представленія. Итакъ, не первичный моментъ знанія — знаніе непосредственное, но лишь вторичный моментъ — знаніе посредственное,—знаніе, слагающееся изъ методически выработанныхъ понятій, даетъ возможность различать истину отъ заблужденія.

Я имѣлъ уже случай обратить вниманіе ваше на значеніе понятій, и указалъ на нихъ какъ на средство, при помощи котораго мы до извѣстной степени можемъ переходить черезъ границы, налагаемыя нашему мышленію временемъ и пространствомъ. Одни понятія даютъ возможность существовать не только наукѣ, т.-е. системѣ единичныхъ знаній, но и самимъ этимъ единичнымъ знаніямъ. Идеалъ знанія могъ бы быть достигнутъ единичными знаніями, еслибы возростаніе единичныхъ представленій не встрѣчало необоримой преграды въ ограниченности мыслительной способности человѣка, и Кирхманъ (Kirchmann. Die Philosophie des Wissens. 1864) вполнѣ правъ, утверждая въ разрѣзъ воззрѣніямъ идеалистовъ, что высшія, идеальныя существа могли бы обладать вполнѣ конкретнымъ знаніемъ: они выражали бы мысли свои при помощи однихъ именъ собственныхъ и ни мало не нуждались бы въ помощи понятій. Изъ этого видно, что понятія имѣютъ для насъ чисто относительное значеніе, и эту сторону ихъ характера слѣдуетъ прежде всего принять во вниманіе при разсмотрѣніи роли ихъ въ образованіи знанія.

Чувственныя воспріятія оставляютъ впечатлѣнія, которыя, повторяясь, рано или поздно возбуждаютъ сознаніе того, что воспріятіе имѣетъ мѣсто не въ первый разъ, и что, слѣдовательно, воспріятіе это относится къ одному и тому же объекту. Это со-

знаніе и есть такая психологическая функція, которая заходитъ за предѣлы непосредственности: она имѣетъ значеніе заключенія, такъ какъ изъ двухъ данныхъ представленій она извлекаетъ третье, не содержащееся ни въ одномъ изъ двухъ первыхъ.

Эта первобытная форма заключенія есть основаніе всякаго сужденія и всякаго опытнаго знанія; она неизбѣжно должна существовать ранѣе, чѣмъ начнется образованіе понятій. Ранѣе, чѣмъ дитя при появленіи отца, произнесетъ слово „папа", необходимо, чтобы его чувственное воспріятіе въ данную минуту было тождественно съ опредѣленнымъ представленіемъ, сохраненнымъ его памятью. Только смѣшеніе обыденнаго и логическаго мышленія могло извратить этотъ порядокъ, могло пытаться придать понятіямъ значеніе источника знанія или, что то же, поставить непосредственное знаніе (представленія) въ зависимость отъ знанія посредственнаго (отъ понятій), и совершить мнимое „открытіе a priori".

Наивный реализмъ обыденнаго мышленія мнитъ себя непосредственнымъ обладателемъ внѣшнихъ объектовъ и на нихъ провѣряетъ вѣрность своихъ представленій. Провѣрка эта возможна однако-же только при посредствѣ опыта, т.-е. посредственнаго, основаннаго на понятіяхъ знанія. Наивный реализмъ считаетъ возможнымъ сравненіе представленій съ предметами, и потому опредѣляетъ истину какъ сходство представленія съ его предметомъ. Научная философія не допускаетъ такого сходства, такъ какъ предметы доступны только непосредственному сознанію, какъ впечатлѣнія органовъ чувствъ. Она дозволяетъ сравнивать не представленія съ предметами, но только представленія съ представленіями, и этимъ путемъ открываетъ возможность пользоваться опытомъ для выработки такого критерія, руководствуясь которымъ мы могли бы имѣть убѣжденіе въ безошибочномъ различеніи не-критическаго, обыденнаго мышленія отъ знанія и въ полной основательности признаванія нами объективности существованія представляемаго.

Опытъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что психологическая необходимость, ощущаемая нами въ тѣхъ случаяхъ, когда аффек-

тируются наши органы чувствъ, никакъ не является достаточнымъ основаніемъ для увѣренности въ существованіи чувственно-воспринятаго: обманы чувствъ, галлюцинаціи, видѣнія, сопровождаются высочайшею степенью субъективной достовѣрности Такимъ образомъ, для объективированія чувственнаго воспріятія вовсе не существуетъ прямаго критерія: все, что утверждалось въ этомъ отношеніи въ древнія и новыя времена, оказывается несостоятельнымъ. Только тогда стало возможнымъ рѣшить достовѣрно, гдѣ источникъ впечатлѣній нашихъ органовъ чувствъ—внѣшній міръ или собственное наше тѣло—когда было обращено вниманіе и на другіе моменты процесса познаванія. Познающій долженъ находиться въ томъ нормальномъ физическомъ и психическомъ состояніи, которое дѣлаетъ возможнымъ безпристрастное сужденіе о непосредственномъ сознаніи. Самое это сужденіе предполагаетъ въ свою очередь значительное накопленіе результатовъ опыта по отношенію къ указаннымъ выше обманамъ и ошибкамъ; только отвлеченное знаніе, слѣдовательно, и можетъ познать заблужденія въ образованіи конкретныхъ представленій и преодолѣть ихъ. Говоря словами Канта, невѣжда не вѣдаетъ и того, что онъ невѣжда. „Только противопоставляя невѣжество знанію и возможно представить себѣ свое собственное невѣжество, точно также какъ слѣпой до тѣхъ поръ не можетъ представить себѣ темноты, пока не прозрѣетъ“. Такимъ слѣпымъ и является обыденное мышленіе, считающее свои ошибки общеобязательнымъ знаніемъ.

Когда, такимъ образомъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы найти достаточное основаніе для допущенія объективности существованія представляемаго, то можно вообще сказать, что всякое чувственное воспріятіе опытнаго субъекта, находящагося въ нормальномъ состояніи, можетъ считаться такимъ достаточнымъ основаніемъ. Отсюда является возможность дѣлать заключеніе о правильности воспріятій другихъ лицъ: опытъ научаетъ опредѣлять случаи, въ которыхъ чувственныя воспріятія могутъ и должны разсматриваться какъ благонадежныя.

Вслѣдъ за образованіемъ правильныхъ понятій выступаетъ

въ процессѣ познаванія вопросъ о правильномъ комбинированіи ихъ. Только тогда, когда оба эти момента свободны отъ неправильностей, можетъ быть достигнута цѣль познаванія — знаніе.

Общія начала, руководящія при образованіи представленій и комбинированіи ихъ, вырабатываются, какъ это можно видѣть изъ всего предшествовавшаго изложенія, путемъ опыта, а именно: всякая возникающая наука экспериментируетъ сперва посредствомъ своихъ собственныхъ средствъ и пріемовъ, посредствомъ своего собственнаго метода, и заключаетъ потомъ о годности его по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя ею получаются. Затѣмъ, когда совершится установленіе нѣсколькихъ наукъ и, слѣдовательно, нѣсколькихъ методовъ, является возможность выработать путемъ отвлеченія и общій научный методъ. Единственнымъ критеріемъ этого метода служитъ, такимъ образомъ, то, что при его посредствѣ произошли и установились науки; дальнѣйшее же приложеніе метода даетъ все бо́льшую и бо́льшую устойчивость его правильности и, наконецъ, сообщаетъ ту степень достовѣрности, какая только возможна при условіяхъ мышленія, охарактеризованныхъ выше

Я сказалъ только-что объ общемъ научномъ методѣ, что онъ вырабатывается путемъ отвлеченія послѣ того, какъ совершилось уже установленіе нѣсколькихъ наукъ. Вы можете видѣть изъ этого, что общимъ научнымъ методомъ я считаю совокупность положеній, общихъ для методовъ отдѣльныхъ наукъ, и нисколько не имѣю въ виду призрачнаго всеобщаго метода, такого метода, который можно съ одинаковымъ правомъ прилагать къ различнымъ отраслямъ знанія и имѣть основаніе разсчитывать на одинаково достовѣрные результаты. Такой методъ есть иллюзія и о немъ рѣчи у насъ быть не можетъ.

Потребность въ методѣ является тогда, когда прекращается прямая принудительность непосредственнаго воспріятія и начинается посредственное или логическое мышленіе. Еще Аристотель считалъ чувственныя воспріятія легкими, а мышленіе труднымъ. Вторую половину этого утвержденія можно считать вѣрною только въ томъ случаѣ, когда подъ мышленіемъ мы разумѣемъ не безсознательное и произвольное связываніе представ-

леній, но сознательное логическое мышленіе, обставленное условіями, указанными выше Тутъ-то и нуженъ для науки методъ, который бы могъ предотвратить субъективное и произвольное связываніе представленій: онъ можетъ, какъ это вамъ, конечно ясно, возникнуть не тогда, когда умственная дѣятельность обусловлена объективною необходимостью, какъ это имѣетъ мѣсто въ непосредственномъ знаніи, а только тогда, когда имѣется въ виду возможность управлять дѣятельностью мысли и исправлять ея погрѣшности Цѣль метода заключается, впрочемъ, не въ одной только формальной правильности мышленія, т.-е. не въ обезпеченіи вѣрности при установленіи соотношеній между представленіями, но еще и въ томъ, чтобы пріобрѣсти средство достигать истины независимо отъ непосредственнаго воспріятія. Приложеніе метода съ этою послѣднею цѣлью примѣняется прежде всего при формулированіи тѣхъ понятій, данныя для которыхъ доставляются свойствами предметовъ, воспринимаемыми нами непосредственно. Предметы эти измѣняются и исчезаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и исчезаетъ и возможность непосредственнаго познаванія ихъ, что и давало не разъ поводъ отрицать всякое значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Между тѣмъ, на мѣсто предметовъ, которые оказывались изъятыми изъ числа воспринимаемыхъ непосредственно, возникали немедленно же или черезъ извѣстный промежутокъ времени другіе, обладающіе такими же свойствами, какъ и исчезнувшіе, и такимъ образомъ являлась возможность сравнивать эти новые предметы съ прежними и при посредствѣ памяти образовывать изъ общей совокупности пріобрѣтенныхъ представленій одно общее понятіе. Имѣя въ виду самые предметы, мы образуемъ родовыя и видовыя обобщенія; имѣя же въ виду только фактъ возникновенія этихъ предметовъ, мы вырабатываемъ такое обобщеніе, которое на языкѣ науки носитъ названіе закона [1]). Обра-

[1]) Ср. Гельмгольца, который въ статьѣ „О соотношеніи между общею совокупностью наукъ и естествознаніемъ“ говоритъ: „Логическая обработка даннаго матеріала заключается прежде всего въ томъ, что мы соединяемъ сходственное и образуемъ общее понятіе, охватывающее все, что было нами соединено. Такое понятіе, какъ видно изъ этого, обнимаетъ собою множество

зованіе понятій и законовъ есть послѣдняя цѣль науки, насколько она держится въ предѣлахъ знанія и не переходитъ въ область объясненій. Вы знаете, однако-же, что и объясненіе можетъ имѣть научный характеръ, если оно не предшествуетъ знанію и основывается на немъ, и если выставляемыя имъ гипотезы не предполагаются въ области, недоступной познанію (трансцендентной), а строятся на той же почвѣ, какъ и это послѣднее, т.-е. на почвѣ опыта. Къ этому-то, отличающемуся отъ обыденнаго объясненія объясненію научному и приводитъ путь метода, на общее значеніе котораго я могу указать теперь только попутно и заняться которымъ я могу только въ другомъ рядѣ писемъ, пока мною еще только предполагаемомъ.

Ростъ и развѣтвленіе нашихъ понятій уподобляется, такимъ образомъ, скажу я вслѣдъ за Кастеляромъ, дереву, превращающему въ цвѣты и ароматъ соки, получаемые корнями его изъ нѣдръ матери-земли [1]).

Все, только-что сказанное мною, наводитъ меня еще разъ на вопросъ, о которомъ я сказалъ уже нѣсколько словъ въ моемъ „Опытѣ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивизма“, а именно, на вопросъ о той цѣнности, которую могутъ имѣть факты, разсматриваемые съ научной точки зрѣнія. Цѣнность эта, какъ вы могли видѣть, есть нѣчто совершенно относительное, и если я предостерегаю васъ отъ метафизическаго презрѣнія къ фактамъ, то я не менѣе предостерегаю васъ и отъ буквоѣднаго пристрастія къ нимъ, отъ гелертеровскаго нагроможденія факта на фактъ и охраненія нагроможденной кучи отъ какихъ бы то ни было обобщеній. Ог. Контъ, Гельмгольцъ, Вундтъ, Дюрингъ, Гэккель, Герингъ и вся критическая школа единодушно

единичныхъ предметовъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ нашемъ мышленіи. Когда понятіе охватываетъ совокупность существующихъ предметовъ, мы называемъ его родовымъ понятіемъ; когда же оно охватываетъ рядъ событій или происшествій, то мы даемъ ему названіе закона.“ (H. Helmholtz. Populare wissenschaftliche Vortrage. I Heft 1865. S. 13).

[1]) Em. Castelar. Las transformaciones (Revista contemporanea. 1877. № 27, p. 41).

протестуютъ противъ такого извращенія значенія науки. Вы видѣли уже изъ предшествовавшаго изложенія, что если наука и можетъ осуществиться только при томъ условіи, что основою ея будетъ непосредственное знаніе, то вы видѣли также, что наука осуществляется только путемъ образованія понятій. Воздѣйствіе понятій на представленія стало вамъ, конечно, очевиднымъ: значеніе представленій опредѣляется несомнѣнно только при помощи понятій и, слѣдовательно, ими же и опредѣляется цѣнность фактовъ. Очень ошибутся тѣ, которые вообразятъ себѣ, что наука и основывающаяся на ней философія могутъ считать фактъ крупнымъ или мелкимъ въ томъ же смыслѣ, въ которомъ дѣлаетъ это обыденное мышленіе. Не объемъ предмета, не пространственная мѣра явленія опредѣляетъ цѣнность факта для науки; цѣнность эта для нея опредѣляется тѣмъ вліяніемъ, которое можетъ имѣть фактъ на образованіе понятія или измѣненіе образованнаго ранѣе. Буквоѣды именно и не хотятъ понять того, что накопленіе фактовъ можетъ идти безъ конца, но что если накопленіе это не обусловлено цѣлями, ставимыми наукою, то толку изъ работы, посвященной накопленію, не выйдетъ никакого. Они не хотятъ понять, что труженикъ, безсмысленно накопляющій факты до избытка, можетъ, наконецъ, уподобиться крыловской обезьянѣ, до изнеможенія силъ таскающей по полю, въ подражаніе пахарю, не соху, а бревно. Очевидно, что какой нибудь едва уловимый микроскопомъ признакъ, какое-нибудь истолкованіе одного слова въ памятникѣ старины, какая-нибудь мельчайшая черта нравовъ, обычаевъ, языка, можетъ производить цѣлые перевороты въ наукѣ и, слѣдовательно, можетъ имѣть для науки громадную цѣнность, тогда какъ описаніе цѣлаго музея ковчежцевъ и разной утвари, во всемъ однородныхъ тысячѣ уже описанныхъ и потому ровно ничего не вносящихъ въ образованное или образующееся понятіе объ этихъ предметахъ, есть плодъ бездѣльнаго недосуга, пустое дѣло, могущее занимать только людей очень ужъ обиженныхъ природою. Вы можете убѣдиться изъ всего этого, что мыслящему ученому, представителю живой науки часто приходится тщательно отмѣчать букашекъ и проходить мимо слоновъ, не боясь погрѣшить противъ требованій

науки. и. напротивъ того. можно писать монографіи о слонахъ. не внося въ науку ровно ничего и только удивляя простодушныхъ выставкою пустаго многознанія. которое и сходитъ часто за „ученость".

Но если значеніе и цѣнность фактовъ опредѣляется тѣмъ понятіемъ. образованію котораго они служатъ, и если безъ усвоенія этого понятія невозможно и говорить о цѣнности фактовъ. то ясно. до какой степени осторожно слѣдуетъ обходиться съ фактами до какой степени обдуманно слѣдуетъ доводить ихъ до свѣдѣнія публики. такъ легко строющей на нихъ свои собственныя ничего общаго съ наукою не имѣющія понятія. Пока факты не констатированы. пока они не сведены къ понятіямъ, пока они не объяснены научно. до тѣхъ поръ обыденное мышленіе можетъ легко пользоваться ими для произвольныхъ гипотезъ и для удовлетворенія вѣчно присущей ему склонности къ мистицизму. Объ этомъ забываютъ иногда ученые. съ неумѣренною ревностью повѣствующіе о такъ называемыхъ медіумическихъ явленіяхъ, и популяризующіе ихъ при помощи печати, да еще съ явно ненаучными гипотезами въ придачу. Не слѣдуетъ, я думаю, забывать, что въ свѣтѣ науки мы очень еще нуждаемся, но въ мистицизмѣ—всего менѣе.

Но возвратимся къ научному методу, о которомъ, или, точнѣе, по поводу котораго я желаю еще сказать нѣсколько словъ въ заключеніе этого письма. Вы обратили вниманіе, конечно, на то, что научная философія принимаетъ достовѣрность знанія только условно. Условность эта представляетъ собою камень преткновенія какъ для низшей стадіи обыденнаго мышленія, такъ и для высшей: первая безсознательно, а вторая сознательно признаютъ только знаніе абсолютное. Обыденное мышленіе вообще и метафизика въ частности выставляютъ поэтому свои собственныя средства и пріемы, которыми, по ихъ мнѣнію, достигается это вожделенное абсолютное знаніе, вполнѣ удовлетворяющее ихъ. Такъ какъ средства эти и пріемы своею не-критичностью и наивностью стоятъ въ яркой противоположности со средствами и пріемами научными, то послѣдовательные поборники обыденнаго мышленія и метафизики и отвергаютъ, во имя

ихъ, самыя основанія научнаго метода и установляютъ исходную точку свою не въ опытѣ и доставляемыхъ имъ представленіяхъ, но въ яко-бы предшествующихъ опыту понятіяхъ, характеръ и значеніе которыхъ различными мистиками и метафизиками опредѣляется столь различно, что мистическая и метафизическая философія давно уже были уподобляемы гидрѣ, каждая изъ головъ которой говоритъ на своемъ особомъ языкѣ. Языкъ этотъ, очевидно, можетъ представлять только своего рода тарабарщину, построенную на основаніяхъ совершенно произвольныхъ, но развиваемую изъ этихъ основаній, какъ я только-что замѣтилъ, съ опредѣленною послѣдовательностью. Послѣдовательность эта оказывала по временамъ на умы значительное обаяніе, но мистико-метафизической философіи не спасла, такъ какъ философія эта, подъ вліяніемъ неизбѣжнаго въ ней смѣшенія языковъ, пошла въ разбродъ и, шаря въ потемкахъ, все чего-то искала, пока наука, постепенно крѣпчая и ширясь, не отодвинула ее на задній планъ той сцены, на которой такъ долго идетъ борьба за обладаніе истиной. Успѣхъ науки не остался безъ вліянія и на самихъ представителей мистико-метафизическаго хаоса, и, какъ знаменіе времени, явились такіе мистики и метафизики, которые не въ силахъ уже были устоять на столь цѣнимой прежде послѣдовательности и, ударясь въ двойственность, сами изъ себя изобразили двуязычныхъ монстровъ, способныхъ производить не обаяніе, а развѣ недоумѣніе, изумленіе или сожалѣніе. Западная Европа довольно богата такими половинчатыми философами; нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже эфемерный успѣхъ; но ни одинъ изъ нихъ не представляетъ типа столь простаго и элементарнаго, какъ нашъ г. В. Соловьевъ, который бредитъ о соединеніи данныхъ современной положительной науки съ созерцаніями древняго Востока, или какъ г. Н. Страховъ, который „первымъ источникомъ своихъ взглядовъ считаетъ науку“, а „вторымъ—методъ Гегеля“, и самъ о томъ не безъ нѣкотораго самодовольствія объявляетъ [1]). Въ этихъ рѣ-

[1]) В. Соловьевъ. Кризисъ западной философіи. 1874. стр. 124.—Н. Страховъ. Міръ какъ цѣлое. 1872. стр. V и VI.

чахъ такъ и слышится отзвукъ того мнѣнія, что хорошая, молъ, вещь локомотивъ, а все же, если къ поѣзду припречь тройку бойкихъ лошадокъ, куда бы лучше вышло. Еще бы! вѣдь и предки наши ѣздили на тройкахъ и всегда куда нибудь да пріѣзжали...

ПИСЬМО VII.

Характеризуя въ предшествовавшемъ письмѣ познаваніе, я указалъ вамъ на различіе непосредственнаго знанія, доставляемаго представленіями, отъ посредственнаго, совершающагося при помощи понятій. Для упрощенія вопроса я предполагалъ до сихъ поръ, что понятія образуются прямо изъ представленій, иначе говоря, могутъ разлагаться на представленія, которыя были ассоціированы для ихъ образованія; но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Понятія, образованныя изъ представленій и разлагаемыя на представленія, сохраняютъ еще такъ много индивидуальныхъ чертъ представленій, что является возможность отбросить нѣкоторыя изъ нихъ, т.-е. отвлечь понятія отъ этихъ остатковъ конкретной дѣйствительности и, соединяя ихъ, образовать новыя, болѣе отвлеченныя понятія, которыя, въ свою очередь, могутъ быть подвергнуты такой же обработкѣ, и т. д. Такимъ образомъ, можетъ получиться цѣлая цѣпь понятій, одинъ конецъ которой соединяется посредствомъ представленій съ конкретною и индивидуальною дѣйствительностью, а другой является самымъ общимъ и отвлеченнымъ понятіемъ, какое только возможно было образовать, не обрывая связи съ реальною основою, къ которой прикрѣпляется начальный край цѣпи. Такъ, напримѣръ, я вижу траву, листья, рѣшетку сада и, отвлекая отъ нихъ все сходное, говорю, что всѣ они з е л е н ы е; это—первое отвлеченіе, образо-

ванное прямо изъ представленій. Затѣмъ я вижу другіе предметы, синіе, красные, бѣлые и т. д., и, говоря, что все это цвѣта, перехожу къ высшему отвлеченію; отъ него я перехожу къ свойствамъ предметовъ, т.-е. еще къ высшему отвлеченію, и т. д. Изъ этого видно, что отвлеченіе, подобно числу, имѣетъ свои степени, какъ весьма удачно замѣтилъ Рибо [1]), обратившій при этомъ вниманіе на ту пользу, которую могла бы извлечь философія изъ обозначенія этихъ степеней восходящаго отвлеченія. Рибо справедливо полагаетъ, что при помощи такихъ обозначеній высшія отвлеченія могли бы сводиться на низшія и эти послѣднія на конкретности, и, такимъ образомъ, явилась бы возможность устранить многіе пустые вопросы и искусственныя трудности.

Изъ вышесказаннаго вы можете заключить, что познаванію приходится ориентироваться среди весьма сложныхъ условій. Избѣжавъ основной ошибки обыденнаго мышленія—смѣшенія представленій и понятій, познаваніе должно постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы нити, идущія отъ представленій къ понятіямъ низшихъ степеней и отъ нихъ къ высшимъ, не спутались, чтобы всегда возможно было безпрепятственно восходить отъ представленій къ самымъ высшимъ отвлеченіямъ и отъ этихъ послѣднихъ нисходить къ представленіямъ. Въ процессѣ образованія отвлеченныхъ понятій необходимо, какъ видно изъ этого, различать нити, ведущія къ высшимъ понятіямъ, и никогда не обрывать связи ихъ съ реальною почвою, къ которой онѣ прикрѣплены. Не дѣлая такого различенія, мы затемняемъ понятія, дѣлаемъ ихъ неопредѣленными; утрачивая связь ихъ съ представленіями, мы оставляемъ ихъ безъ содержанія, превращаемъ въ пустыя понятія, въ фикціи, въ призраки.

Положимъ, намъ дано понятіе „природа“ и, согласно вышесказанному, требуется обозначить тотъ процессъ образованія и тѣ основы, которые дѣлаютъ его опредѣленнымъ и содержательнымъ. Слѣдуя за Ст. Миллемъ, обстоятельно и подробно про-

[1]) Th. Ribot. La psychologie anglaise contemporaine. 1875, p. 79

слѣдившимъ рѣшеніе этой задачи [1]), постепенно нисходя отъ отвлеченія до представленій, мы замѣтимъ, что въ двухъ различныхъ значеніяхъ, обыкновенно придаваемымъ этому понятію, реальныя явленія и предметы хотя и образуютъ основу, съ которой начинаются отвлеченія, но берутся они для образованія понятія не всегда во всей ихъ совокупности, почему и понятія, изъ нихъ образованныя, различны между собою по своему характеру. Въ первомъ случаѣ, когда для образованія понятія берется вся совокупность предметовъ и явленій, понятіе природы не предполагаетъ возможности противопоставленія ему какого либо другаго однороднаго понятія, и понятія законовъ природы, слѣдующія за нимъ въ нисходящемъ порядкѣ отвлеченія, имѣютъ значеніе понятій всеобщихъ. Во второмъ же случаѣ, когда изъ общей совокупности предметовъ и явленій предварительно исключается человѣческая дѣятельность и ея результаты, и съ остающихся затѣмъ данныхъ снимаются представленія, изъ которыхъ строится понятіе природы, понятіе это въ этомъ случаѣ противопоставляется понятію искусства и, слѣдовательно, противорѣчіе и противоположность допускаются, чего въ первомъ случаѣ нѣтъ. Невниманіе къ этому различенію обращаетъ понятіе природы въ неопредѣленное или пустое и порождаетъ въ употребленіи его недоразумѣнія и несообразности, для ознакомленія съ которыми трактатъ Милля можетъ доставить вамъ всѣ необходимыя данныя.

Приведенный примѣръ показываетъ вамъ, что, слѣдя за ходомъ образованія понятія и не теряя изъ виду его исходной точки въ представленіяхъ, мы всегда можемъ сохранить научный характеръ этого понятія — содержательность и точность — какъ бы самое понятіе ни было обще и отвлеченно. Изъ этого видно, что цѣпь понятій, примыкающая однимъ краемъ къ представленіямъ и состоящая изъ все болѣе и болѣе восходящихъ отвлеченій, не можетъ быть оборвана произвольно, гдѣ попало, но должна тянуться до тѣхъ поръ, пока возможно восхожденіе при указанныхъ выше условіяхъ, т.-е. пока возможно удержи-

[1]) J. St. Mill. Ueber Religion. Deutsch von Emil Lehmann. 1875. S. 2—55.

вать связь съ реальною основою и всегда имѣть передъ глазами послѣдовательность и неразрывность восходящаго отвлеченія и обобщенія. Предметомъ такого восхожденія можетъ, слѣдовательно, быть то самое общее и отвлеченное понятіе, которое будетъ идеально соотвѣтствовать всецѣлой совокупности представленій, т.-е. понятіе о мірѣ, какъ о цѣломъ. Обыкновенно принято понятія низшихъ степеней отвлеченія считать содержаніемъ отдѣльныхъ наукъ, а самое высшее и общее отвлеченіе—содержаніемъ философіи. Возражать противъ правильности этихъ терминовъ нѣтъ надобности и мы ихъ оставимъ; замѣтимъ только, что при указанной постановкѣ вопроса не существуетъ и не можетъ существовать качественнаго различія между наукою и философіею, такъ какъ все различіе между ними исчерпывается различіемъ въ степени отвлеченности и общности. Содержаніе науки такъ же, какъ и содержаніе философіи, слагается изъ понятій, т.-е. содержаніе это въ обоихъ случаяхъ имѣетъ общій и отвлеченный характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ философія и наука одинаково имѣютъ корни свои въ одной общей почвѣ—реальной дѣйствительности. Изъ этого видно, что весь строй научнаго знанія представляетъ нѣчто цѣлое, общее, единство котораго допускаетъ только относительное различіе философіи и науки и вовсе отвергаетъ противопоставленіе одной изъ нихъ другой. Такое противопоставленіе можетъ предполагаться только при полномъ невѣдѣніи смысла и значенія научной философіи и продолжаетъ грезиться только тѣмъ, которые не вполнѣ освободились еще отъ вліянія метафизики и никакъ не могутъ усвоить поэтому новаго, діаметрально противоположнаго ей понятія. Всякому, кто не желаетъ вести борьбу съ призраками своего воображенія, съ мельницами, принимаемыми за гигантовъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду, что научная философія не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ поэзіи или грёзами мистика, но что она есть наука въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ другія науки—не болѣе и не иначе.

Lettor, tu vedi ben com' io innalzo
La mia materia,

приходится сказать мнѣ, подымаясь все выше отъ вопроса къ

вопросу; я готовъ былъ бы, признаюсь, пожалѣть о своей дерзости и остановиться передъ продолженіемъ:

— e però con più arte
Non te maravigliar s'io la rincalzo, —

еслибы я не видѣлъ возможности найти поддержку у людей болѣе меня компетентныхъ и искусныхъ. На этотъ разъ я найду эту поддержку у Авенаріуса.

Приступая къ изслѣдованію понятія о научной философіи, Авенаріусъ [1]) ставитъ вопросъ такъ: какимъ образомъ философія возможна какъ наука? или иначе: какимъ образомъ возможна научная философія?

Для установленія всякой науки—говоритъ онъ—необходимы два условія:

Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, чтобы матеріалъ наукъ представлялся какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, въ формѣ понятій. Случайныя и разсѣянныя свѣдѣнія могутъ заключать въ себѣ познанное нѣчто, т.-е. знаніе о чемъ-то, но установить науки они не могутъ. Наука не отмѣчаетъ всякій особенный признакъ каждаго отдѣльнаго предмета, но собираетъ только тѣ признаки, которые составляютъ общую принадлежность всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, которые, слѣдовательно, всеобщи и которые должны давать возможность опредѣлить, при новомъ появленіи предмета, тождество его съ разсматривавшимся прежде и, слѣдовательно, должны неизбѣжно сопровождать предметъ, т.-е. быть необходимыми для узнаванія его. Такъ, совокупность всеобщихъ и необходимыхъ признаковъ предмета и составляетъ научное понятіе о немъ, и только пріобрѣтеніе такого понятія о предметѣ даетъ научное знаніе этого предмета.

Охвативъ матеріалъ посредствомъ понятій, мы затѣмъ устанавливаемъ разъясненіе этихъ понятій черезъ образованіе высшихъ понятій изъ низшихъ. Организованная, такимъ образомъ, система понятій завершается высшимъ понятіемъ, которое и ста-

[1]) Vierteljahrsschrift etc. 1877.

новится во главѣ всѣхъ низшихъ понятій, расположенныхъ сообразно ихъ соотвѣтственнымъ степенямъ.

Недисциплинированное знаніе можетъ, такимъ образомъ, имѣть общее съ наукою содержаніе, его понятія могутъ даже совпадать съ понятіями науки, но послѣдняя всегда будетъ отличаться отъ него формально тѣмъ, что она располагаетъ содержаніе свое въ разъясненной системѣ родственныхъ, одно изъ другаго выработанныхъ понятій.

Изъ такого образованія понятій и такой ихъ организаціи вытекаетъ для мышленія очень важная выгода, понятіе, содержащее все, что есть общаго въ отдѣльномъ предметѣ, является какъ единство этого отдѣльнаго предмета: все же общее въ мышленіи субъекта является какъ единство различныхъ мыслимыхъ объектовъ. Такимъ образомъ, наука, удовлетворяя стремленію человѣка къ знанію, удовлетворитъ и стремленію человѣческаго разума къ единству. Въ этомъ и заключается преимущество науки надъ простымъ знаніемъ, на этомъ же основывается и сознаніе наукою ея значенія. Понятно, что простое знаніе можетъ быть предпочтено наукѣ только чуждыми этой послѣдней индивидуальными и практическими интересами. Само собою разумѣется и то, что сознаніе собственнаго значенія въ наукѣ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяется ею потребность обобщенія знанія, потребность выработки высшихъ понятій и — въ послѣдней инстанціи—самого наивысшаго. Сознаніе собственнаго значенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно интенсивно по той причинѣ, что удовлетвореніе потребности разума въ единствѣ и происходящее отъ того удовольствіе достигаютъ наивысшаго своего развитія.

Изъ вышесказаннаго можно сдѣлать два заключенія. Первое, что всякой наукѣ, въ силу самыхъ условій ея установленія, должно быть присуще стремленіе къ полному объединенію охватываемаго ею знанія, т-е. къ завершенію образованія входящихъ въ нее понятій однимъ высшимъ понятіемъ. Только оно одно завершаетъ установленіе науки. Стремленіе къ этому завершенію составляетъ для науки не только логическую, но и психологическую необходимость. Второе заключеніе относится

къ тому основанію, на которое опирались въ прежнее время при оцѣнкѣ значенія умозрительной философіи. Основаніе это, заключающееся въ удовлетвореніи потребности разума въ единствѣ, есть, очевидно, основаніе формальной стороны философіи. Но такъ какъ эта сторона составляетъ только одно изъ условій установленія науки, то возможность установленія умозрительной философіи доказывала, слѣдовательно, только то, что философія—какъ формальная наука—возможна.

Обращаясь затѣмъ ко второму условію, необходимому для установленія науки, Авенаріусъ останавливается прежде всего на выясненіи вопроса о томъ, почему умозрительная философія, получивъ значеніе въ одномъ отношеніи, потеряла его въ другомъ? „Потому—отвѣчаетъ онъ—что умозрительная философія была научною только по отношенію къ формѣ, а не по отношенію къ содержанію". Предстоитъ доказать, что философія можетъ возвратить себѣ это значеніе, ставъ наукою и по содержанію, т.-е. такою философіею, которую мы называемъ научною. Надо начать, слѣдовательно, съ рѣшенія вопроса объ опредѣленіи тѣхъ условій, удовлетворить которымъ должно содержаніе понятій, для того чтобы изъ понятій этихъ возможно было строить науку.

Мысль эту очень удобно пояснить примѣрами отрицательнаго характера; для бо́льшей ясности примѣры берутся рѣзкіе. — Первый примѣръ. Положимъ, что кто нибудь принимаетъ свои галлюцинаціи за объективныя явленія дѣйствительнаго міра, какъ это и случалось при низкомъ уровнѣ общественнаго развитія; положимъ далѣе, что нашъ галлюцинантъ есть личность даровитая, способная подвести мнимые объекты свои подъ отвлеченныя понятія и затѣмъ свести такія понятія въ систему. Система эта, конечно, не можетъ имѣть научнаго значенія, такъ какъ она удовлетворяетъ однимъ только формальнымъ условіямъ, требуемымъ наукою; условія же, опредѣляющія значеніе содержанія науки, были бы выполнены только въ такомъ случаѣ, еслибы галлюцинаціи принимались не за внѣшнія явленія, а за явленія внутреннія, субъективныя, и въ этомъ смыслѣ служили матеріаломъ для образованія о нихъ

понятіи. — Второи примѣръ. Положимъ, что грохотъ камней, набросанныхъ въ сосудъ, принимается за проявленіе мысли фетиша, какъ то дѣйствительно и имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ племенъ въ Бразиліи; положимъ далѣе, что изреченія фетиша были собраны жрецами, сохранились въ ихъ потомствѣ и разработаны въ систему тогда уже, когда о чудѣ съ камнями не было и помину. Будетъ ли такая система научна? Формально—да: матеріально—нѣтъ, и опять таки потому, что происхожденіе понятій, изъ которыхъ построена система, не можетъ быть дано никакимъ опытомъ.

Выражая въ положительной формѣ заключеніе, выводимое изъ двухъ приведенныхъ отрицательныхъ примѣровъ, можно сказать, что объекты, долженствующіе сдѣлаться содержаніемъ науки, могутъ быть даны однимъ только опытомъ. Безъ соблюденія этого условія, содержаніемъ для устанавливаемой науки явятся мнимые объекты, и сама наука становится мнимою наукою. Такую науку необходимо, однако-же, отличать отъ науки о мнимомъ, т.-е. о психическомъ фактѣ, несомнѣнно существующемъ и могущемъ дать содержаніе для науки. Всякая наука, такимъ образомъ, имѣетъ основаніемъ только опытъ; внѣ опыта науки также строятся, какъ воздушные замки, и если ихъ признаютъ иногда науками, то это случается вслѣдствіе увлеченія формальною ихъ стороною.

Столь употребительное выраженіе „опытныя науки“ слѣдуетъ считать, какъ видно изъ этого, плеоназмомъ; но плеоназмъ этотъ находитъ себѣ оправданіе, пока смыслъ и значеніе понятія о наукѣ остается невыясненнымъ. Такимъ же плеоназмомъ слѣдуетъ считать и терминъ „научная философія“, и въ томъ же обстоятельствѣ видѣть и его временное оправданіе.

Это послѣднее замѣчаніе прямо ведетъ къ поставленному выше вопросу: возможна ли такая философія, которая и по содержанію была бы научною?

Разрѣшеніе этого вопроса много зависитъ отъ того, какъ представляется сопоставленіе опытныхъ наукъ и философіи. Еслибы философское знаніе и философскія задачи были чужды опыта, то между философіею и науками не могло бы быть ничего общаго

и философія неизбѣжно, по содержанію, существенно отличалась бы отъ наукъ. Но, въ дѣйствительности, факты показываютъ намъ, что науки, поднявшись надъ извѣстнымъ уровнемъ, непремѣнно стремятся къ завершенію своего развитія философскимъ понятіемъ, которое всегда неизбѣжно и всегда можетъ быть выработано, когда дѣло идетъ объ образованіи высшихъ научныхъ положеній. Основаніе къ такому стремленію очевидно. Опытныя науки суть спеціальныя науки, а для ихъ высшихъ конечныхъ понятій спеціальная точка зрѣнія не можетъ быть достаточна. Высшія понятія, по самой природѣ своей, не спеціальны, но общи, т.-е. они общи нѣсколькимъ спеціальнымъ областямъ, или иначе: предметъ спеціальныхъ наукъ можетъ быть изучаемъ въ различныхъ отношеніяхъ разными спеціальными науками. Всякая спеціальная наука поэтому, подходя къ выработкѣ своего высшаго понятія, должна войти въ соприкосновеніе съ другими науками, т.-е. въ этомъ отношеніи перестать быть спеціальною наукою. Такимъ образомъ, всѣ спеціальныя науки стремятся къ одному пункту, въ которомъ они сливаются въ одно общее понятіе, совершенно лишенное спеціальнаго характера.

Изъ этого видно, что опытныя науки противопоставляются философіи не съ точки зрѣнія опыта — общаго ихъ основанія, а только постольку, поскольку опытныя науки—науки спеціальныя, а философія — наука всеобщая, — наука, объединяющая понятія, выработанныя отдѣльными дисциплинами, и подводящая ихъ подъ высшее, общее понятіе.

Таковъ результатъ. Каковы же средства?

Такъ какъ всякая спеціальная наука вырабатываетъ только спеціальныя понятія, только тѣ понятія, которыя она можетъ выработать, не выходя изъ круга своей спеціальности, безъ вниманія къ нуждамъ другихъ спеціальныхъ наукъ, то задача выработки общихъ понятій изъ частныхъ понятій двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ должна представлять особенности и трудности, чуждыя кругу спеціальной науки. Ни одинъ изъ спеціальныхъ методовъ не можетъ быть годенъ самъ по себѣ для преодолѣнія этихъ трудностей; но для разрѣшенія задачи потребуется отча-

сти подвергнуть болѣе строгой логической обработкѣ односторонніе спеціальныя понятія, отчасти провѣрить прикладные методы посредствомъ методологическаго анализа и въ то же время изслѣдовать физіологическую и (въ широкомъ смыслѣ) психологическую сторону вліянія субъекта. Понятно, что общая совокупность частныхъ понятій спеціальныхъ наукъ наложитъ на умственную работу особый отпечатокъ: мышленіе опредѣлится всестороннѣе, станетъ шире, отвлеченнѣе въ отношеніи логическомъ, глубже—въ психологическомъ. Тутъ-то поэтому и лежитъ та граница, которую собственно-спеціальное мышленіе не осмѣливается переступать, та область, въ которой инстинктъ спеціалиста безошибочно чуетъ философію и куда поэтому не вступаетъ, предпочитая предоставить изслѣдованіе ея философу. Спеціалисты и не подымаютъ, впрочемъ, науки до ея заключительныхъ понятій: это дѣло остается принадлежностью умовъ, предрасположенныхъ къ обобщеніямъ.

Теперь мы стоимъ на порогѣ философіи, именно той научной философіи, возможность которой начинаетъ для насъ просвѣчивать.

Припомнимъ, что система понятій, заключающая въ себѣ знаніе какихъ-бы то ни было (опытомъ данныхъ) объектовъ, требуетъ для завершенія своего въ формальномъ отношеніи выработки послѣдняго высшаго понятія, которое, завершая систему, образуетъ изъ нихъ замкнутое цѣлое — науку. Это высшее понятіе не есть уже понятіе спеціально-научное, но общее понятіе, принявшее въ себя всѣ частныя понятія, изъ которыхъ состоитъ система, или, иначе говоря, абстрактно представляющее всю совокупность данныхъ объектовъ. Пока оно не можетъ удовлетворять такому требованію общности и не охватываетъ ряда или группы объектовъ, до тѣхъ поръ можетъ быть мыслимо такое понятіе, объемъ котораго еще общѣе, и самое общее понятіе остается невыработаннымъ.

Такимъ образомъ, всякой спеціальной наукѣ предстоитъ или остаться незаконченною, страдать отсутствіемъ заключительной идеи, или завершиться общимъ, высшимъ понятіемъ. Само собою разумѣется, что, при образованіи этого общаго, высшаго по-

нятія всѣхъ спеціальныхъ наукъ, безотносительно къ ихъ сродству, представляется несравненно болѣе сложная работа, чѣмъ при образованіи общихъ понятій для двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ. Однако-же, именно то, въ чемъ сосредоточивается здѣсь трудность, является побужденіемъ къ преодолѣнію ея; и побужденіе это бывало такъ интенсивно, что заставляло пытаться достигнуть указанной выше цѣли, безсознательно или сознательно обходя находящіяся на пути опытныя науки; попытка, успѣхъ которой могъ, очевидно, всегда быть только кажущимся. Такимъ образомъ, потребность единства неудержимо влечетъ къ выработкѣ единства всѣхъ наукъ и объектовъ ихъ,— къ выработкѣ единства, которое было бы, если то возможно, истинно высшимъ и послѣднимъ единствомъ данныхъ опытомъ объектовъ.

Разсмотримъ нѣсколько ближе это единство объектовъ, такъ какъ, согласно замѣчанію, сдѣланному выше, требованіе его установленія дѣлаетъ ощутимыми сопряженныя съ такимъ дѣломъ трудности и въ то же время влечетъ къ преодолѣнію ихъ. Трудности, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются въ томъ, что требуемое высшее единство понятій должно быть свободно отъ противорѣчій, а между тѣмъ, при историческомъ развитіи спеціальныхъ наукъ, не можетъ не соединять въ себѣ такихъ противополагающихъ признаковъ, которые дѣлаютъ его дуалистическимъ. Такъ какъ дуализмъ этотъ, повидимому, принципіаленъ и включеніе его въ научное понятіе, долженствующее имѣть характеръ единства, неизбѣжно дѣлаетъ понятіе это противорѣчивымъ, то возможность устраненія можетъ явиться только какъ результатъ цѣлаго ряда попытокъ подвергнуть изслѣдованію, путемъ изученія принциповъ познаванія, самые крайніе послѣдніе корни противорѣчія какъ на почвѣ объекта, такъ и на почвѣ субъекта. Это изслѣдованіе должно освѣтить упомянутыя трудности установленія самаго общаго понятія, какъ высшаго единства, и обнаружить ту многосложность вопросовъ, которые могутъ повести къ установленію особыхъ спеціальныхъ наукъ, а также выяснить, что всѣ спеціальныя науки должны быть разсматриваемы какъ спеціальныя по отношенію къ результату самаго изслѣдованія,

т.-е. по отношенію къ выработкѣ высшаго понятія. Это изслѣдованіе, наконецъ, приведетъ къ убѣжденію, что спеціально-научныя работы, какъ въ томъ случаѣ, когда онѣ сознательно задаются цѣлью выработки этого конечнаго результата, такъ и въ томъ, когда онѣ стремятся доказать невозможность этой выработки, могутъ быть сами разсматриваемы какъ работы, относящіяся къ области отдѣльной, самостоятельной науки—философіи.

Опредѣляя такимъ образомъ философію, мы имѣемъ въ виду то широкое понятіе, которое, съ одной стороны, охватываетъ спеціальныя и сложныя изслѣдованія, не могущія быть отнесенными ни къ одной изъ спеціальныхъ наукъ и имѣющія цѣлью возвести понятія низшихъ степеней обобщенія къ послѣднему, самому общему; съ другой стороны, философія обнимаетъ всю область спеціальныхъ наукъ, относящихся къ указанному выше изслѣдованію въ качествѣ наукъ вспомогательныхъ. Такимъ образомъ, всякая спеціальная наука, ведущая къ наивысшему общему (философскому) понятію, получаетъ значеніе философской, такъ какъ для завершенія своего она вводитъ свое относительно-общее понятіе въ связь съ такими же понятіями другихъ наукъ и сознательно служитъ, такимъ образомъ, выработкѣ наивысшаго понятія.

Чтобы по праву называться наукой и быть не только массой накопленнаго знанія, всякая наука должна необходимо завершиться послѣднимъ высшимъ понятіемъ. Удовлетвореніемъ этого требованія исполняется изложенное выше условіе формальной организаціи понятій. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая спеціальная наука, только благодаря философскому элементу, въ нее входящему, становится „наукою“. По этой-то причинѣ всякая достигшая высшей степени развитія спеціальная наука и стремится сперва инстинктивно, а потомъ сознательно къ проникновенію философіи въ ея понятія.

Послѣ всего сказаннаго, формулированный выше вопросъ: какимъ образомъ возможна научная философія? ставится такъ: возможно-ли существованіе науки безъ участія философіи?

Доведя разсужденіе до этого пункта, Авенаріусъ указываетъ на то, что онъ никогда не терялъ изъ виду того научно-фило-

софскаго понятія, которое должно выражать единство всѣхъ спеціально-научныхъ объектовъ. Этимъ понятіемъ спеціальныя науки завершаютъ выработку понятій о своихъ объектахъ и, какъ науки, завершаются сами. Такимъ образомъ, результатомъ выработки одного высшаго понятія объ объектахъ вообще является единство понятія обо всемъ, подлежащемъ научному изслѣдованію,— единство міроразумѣнія. Ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не можетъ считаться законченною, пока она не указала мѣста своего объекта въ мірѣ какъ цѣломъ; тѣ же науки, которыя указываютъ человѣческому разуму его мѣсто и стараются выработать о немъ самомъ научныя понятія, обыкновенно считаются философскими науками по преимуществу. Не останавливаясь долго надъ этою стороною вопроса, Авенаріусъ выставляетъ другую, главнѣйшую, заключающуюся въ томъ, что науки стремленіемъ своимъ стать философскими завершаются не только въ формальномъ отношеніи, но и по содержанію, даютъ онѣ своимъ работамъ законченность только тогда, когда провѣрятъ свои относительно-общія понятія высшимъ единымъ понятіемъ и, такимъ образомъ, окажутъ въ свою очередь содѣйствіе установленію единства міроразумѣнія. Такое проникнутое единствомъ міроразумѣніе и считаютъ обыкновенно задачею философіи, и считаютъ по праву, такъ какъ философія, въ послѣдней инстанціи, есть ни что иное, какъ результатъ слитія спеціальныхъ наукъ въ одно всеобщее понятіе.

Выяснивъ такое единство всѣхъ спеціальныхъ наукъ и философіи, можно сравнить это единство съ пирамидой, вершину которой занимаетъ философія, или съ окружностью, въ центрѣ которой стоитъ философія; такое сравненіе совершенно ясно выражаетъ идею значенія философіи, какъ науки. Относясь одинаково ко всѣмъ спеціальнымъ наукамъ, философія подымаетъ каждую изъ нихъ до значенія науки; въ то же время, давая всей совокупности ихъ единство, этому единству придаетъ значеніе науки.

Въ заключеніе, Авенаріусъ еще разъ видоизмѣняетъ постановку вопроса, и этимъ измѣненіемъ очень удачно даетъ своей мысли весьма характеристическую законченность. „Теперь—го-

воритъ онъ—вопросъ нашъ заключается не въ томъ, возможно-ли существованіе науки безъ философіи, и не въ томъ, какимъ образомъ возможна философія, которая не была бы наукой, но въ томъ, какимъ образомъ возможна наука, которая не была бы философіей?"

Вы видѣли изъ предшествовавшаго, какимъ образомъ возможно, опираясь на теорію познаванія, достичь прочно установленнаго понятія философіи, какъ науки. Не суммированіе отдѣльныхъ наукъ, не классификація ихъ, не схема принимается здѣсь вмѣсто искомаго понятія, какъ это было въ первоначальной попыткѣ обоснованія научной философіи; вопросъ разрѣшается принципіально указаніемъ путей, которыми можетъ идти далѣе развитіе научныхъ понятій до завершенія своего въ самомъ высшемъ и отвлеченномъ, отвѣчающемъ какъ единству объекта, такъ и потребности единства для субъекта. Такъ устанавливается цѣльность всего нашего знанія и устраняется вмѣстѣ съ тѣмъ произвольное ограниченіе его, причемъ удерживается, однако-же, его положительный характеръ и предотвращается всякая опасность извращенія его и порчи вліяніемъ спекулятивныхъ воззрѣній.

Разрѣшивъ вопросъ принципіально, Авенаріусъ ничего не сказалъ однако-же о нѣкоторыхъ сторонахъ его, такъ сказать, напрашивающихся на разсмотрѣніе. Поставивъ своею задачею ознакомленіе васъ съ современною научною философіею, я считаю себя обязаннымъ показать вамъ, что литература ея коснулась уже и этихъ сторонъ. Разсмотрѣніе ихъ тѣсно связано съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса и невольно становятся теперь передъ вашею мыслью. При томъ же требованіе полноты этого рѣшенія не дозволяетъ мнѣ обойти и эти стороны дѣла. На основаніи этихъ соображеній я передамъ вамъ теперь содержаніе другой статьи „Vierteljahrsschrift'a", а именно статьи Паульсена, которая, въ связи съ вопросомъ основнымъ, разсматриваетъ и вопросы побочные. Выясненіе этихъ послѣднихъ тѣмъ болѣе важно, что они именно и даютъ очень часто поводъ къ недоразумѣніямъ и представляютъ поэтому на пути развитія на-

учной философіи извѣстные камни преткновенія, которые необходимо устранить.

Паульсенъ поясняетъ въ началѣ своей статьи, что понятія, охватывающія содержаніе отдѣльныхъ наукъ, и всѣ вообще научныя понятія не должны быть смѣшиваемы съ представленіями, предметы которыхъ даны эмпирическою дѣйствительностью: научныя понятія суть задачи, разрѣшеніе которыхъ представляетъ безконечный или, по крайней мѣрѣ, еще не завершившійся процессъ. Научныя понятія соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, „идеямъ", по кантовскому словоупотребленію—„идеямъ, съ которыми не можетъ быть совмѣстимъ ни одинъ предметъ, данный чувствами". Это вѣрно по отношенію ко всѣмъ наукамъ: не существуетъ учебника химіи, геометріи или исторіи, который могъ бы указать на конкретный предметъ, адекватно представляющій химію, геометрію, исторію или какое либо изъ входящихъ въ науки эти понятій. Можетъ случиться, конечно, что въ томъ или другомъ изъ этихъ понятій воплощается все познанное въ настоящую минуту; но объемъ знанія даннаго времени не исчерпываетъ содержанія науки. Нѣтъ возможности также указать и человѣка, въ умѣ котораго, какъ въ умѣ обладателя или носителя науки, она имѣла бы значеніе эмпирической дѣйствительности. Изъ этого слѣдуетъ, что, по отношенію къ вопросу образованія и оцѣнки значенія научныхъ понятій, никогда не должно быть выставляемо требованія объ опредѣленіи соотвѣтствующаго имъ реальнаго объекта, такъ же какъ и не должно быть указываемаго иного пути къ нимъ отъ конкретной дѣйствительности, кромѣ пути абстракціи. Неустойчивость на этой точкѣ зрѣнія прямо ведетъ къ запутанности и превратности сужденія о наукѣ и философіи.

Пояснивъ, что съ древнѣйшихъ временъ понятіе о философіи соотвѣтствовало единству всей совокупности знанія, Паульсенъ обращаетъ особенное вниманіе на измѣненіе, внесенное въ это понятіе апріорными формами мышленія Канта. Уже прежде, Герингъ (System der kritischen Philosophie) и Авенаріусъ (Philosophie als Denken der Welt) показали, что апріорныя формы отнимаютъ у философіи Канта то научное значеніе, которое мыслитель этотъ имѣлъ въ виду установить, какъ основной прин-

цинъ своей системы, и я имѣлъ уже случай изложить съ нѣкоторою подробностью необходимость перерѣшенія кантовой задачи. — перерѣшенія, совершающагося въ настоящее время (см Опытъ критич. изслѣдов.", стр. 158 и слѣд.). Двойственность въ воззрѣніяхъ Канта выяснена теперь совершенно удовлетворительно, и невозможность для научной философіи руководствоваться его теоріею познаванія вполнѣ ясна, а потому врядъ ли можно спорить съ Паульсеномъ о томъ, что раздвоеніе, внесенное въ философію идеею апріорности и устраненное новою научно-философскою школою, представляетъ только эпизодъ въ общемъ ходѣ развитія понятія о философіи, вступившей въ наше время опять на путь единства. Извѣстно, однако-же, что роковое раздвоеніе знанія скоро дало свои монструозные плоды и что, вслѣдъ за принятіемъ апріорныхъ формъ Канта и забвеніемъ его критическихъ требованій, отношеніе отторгшагося отъ опыта умозрѣнія къ положительной наукѣ, развивавшейся на почвѣ опыта, стало до послѣдней степени безобразнымъ и достигло крайнихъ границъ безсмысленнѣйшаго высокомѣрія. Но именно тутъ-то и обнаружилось, что съ философіей случилось, какъ замѣчаетъ Паульсенъ, то же, что съ собакою въ баснѣ: она бросила опытное, научное знаніе и устремилась за какимъ-то знаніемъ высшимъ; когда же это высшее знаніе оказалось призракомъ, то философія осталась ни съ чѣмъ.

Съ этого времени идетъ начало такого же презрѣнія наукъ къ философіи, съ какимъ прежде философія относилась къ наукамъ. „Философія—не наука, стали говорить ученые въ одинъ голосъ, философское знаніе — призрачно; ея область есть область мнимая... За предѣлами эмпирическаго изслѣдованія точныхъ наукъ не существуетъ ничего болѣе. Не напрасно считаютъ метафизику ядромъ и главною частью философіи; самое названіе ея достопримѣчательно: она ищетъ того, что обрѣтается за физикой, за природой, за дѣйствительнымъ міромъ". Тѣ, которые выражали такое презрѣніе, допускали изрѣдка только, въ минуты благодушія, надежду на то, что безпорядочные скачки генія способны случайно привести къ такимъ воззрѣніямъ, которыя могутъ когда нибудь позже возникнуть и у солиднаго изслѣдователя.

Такимъ образомъ, философію допускали идти впереди науки только въ той роли, которую берутъ на себя на крайнемъ западѣ Америки разбойники и всякая презирающая порядокъ и трудъ сволочь, которые служатъ піонерами цивилизаціи и предшествуютъ земледѣльцамъ и основателямъ городовъ.

Какъ же, въ виду такихъ обвиненій, поступила философія? Ей предстояло, конечно, отречься отъ раздвоенія, внесеннаго въ нее ученіемъ объ апріорныхъ формахъ мышленія, и вновь возвратиться къ прежнему опредѣленію, разумѣвшему подъ философіею общую совокупность знанія. До настоящаго времени она не осмѣлилась еще сдѣлать этого по причинамъ, о которыхъ и предстоитъ сказать теперь нѣсколько словъ. Она исключила изъ своей области именно тѣ науки, которыя выработаны вполнѣ до научной точности, и сдѣлала затѣмъ попытку обозначить границы той области, которую собственно и считала своею. Границы этой области охватили, такимъ образомъ, науки не вполнѣ развившіяся, но и эти науки не выдѣлялись изъ философіи только до тѣхъ поръ, пока не достигали самостоятельности. Философія сдѣлалась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ питомника наукъ,— областью, къ которой относились всѣ науки, обрѣтавшіяся еще въ младенческомъ состояніи.

Понятіе о философіи, вытекающее изъ такого положенія вещей, опредѣляетъ философію, какъ науку основоначалъ (Wissenschaft von den Principien) или науку о всеобщемъ въ противоположность частному отдѣльныхъ наукъ, и затѣмъ приходилось считать частями этого цѣлаго тѣ науки, которыя, какъ это пояснено выше, включаются въ область философіи въ качествѣ наукъ, недостигшихъ самостоятельности. Метафизика, логика, эстетика, этика, психологія, становились при этомъ отдѣлами всеобщей науки основоначалъ и въ этомъ смыслѣ противополагались математикѣ, физикѣ, химіи и т. д. Логическая несостоятельность такого взгляда очевидна, и Паульсенъ полагаетъ, что такая несостоятельность явилась, какъ неизбѣжное слѣдствіе того обстоятельства, что отдѣлы философіи не были опредѣлены согласно съ основною идеею ея, но даны общею совокупностью тѣхъ наукъ, которыя остались еще при-

надлежностью философской каѳедры послѣ того, какъ другимъ наукамъ удалось завоевать себѣ каѳедры самостоятельныя

Оставляя въ сторонѣ возникающія отъ внѣшнихъ причинъ трудности и разсматривая только одно опредѣленіе, мы замѣчаемъ, что понятіе общаго, основоначальнаго или принципіальнаго есть понятіе относительное и что, поэтому, нѣтъ возможности опредѣлить черту, отдѣляющую общее отъ частнаго. „Всѣ вороны черны"—представляетъ такую же общую истину, какъ и—„всѣмъ тѣламъ свойственна тяжесть", или—„всякое дѣйствіе имѣетъ причину". Всѣ ли эти положенія должны быть отнесены къ области философіи? Если мы дадимъ на вопросъ этотъ утвердительный отвѣтъ, то обозначимъ имъ возвращеніе къ прежнему понятію о философіи, какъ общей совокупности всего знанія. Отвергая такой отвѣтъ и его послѣдствія, слѣдуетъ отвергнуть и возможность опредѣленія границъ философіи.

Въ близкой степени родственно приведенному выше опредѣленію то, которое видитъ въ философіи науку, объясняющую частнымъ наукамъ необъясненныя ими основныя понятія. Понятія эти, согласно такому взгляду, остаются необъясненными потому, что объясненіе это возможно только при условіи общей связи основныхъ понятій всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ, утверждается необходимость соединенія всѣхъ наукъ въ одну, и философія опять становится общею совокупностью научнаго знанія.

Существуетъ мнѣніе, не допускающее возможности выработки такой общей совокупности знанія, если только философія не будетъ поставлена, какъ отдѣльная наука, рядомъ съ другими отдѣльными науками. Мнѣніе это опирается на утвержденіи, что философское знаніе не однородно знанію остальныхъ наукъ и что методы, ведущіе къ тому и другому, различны: философія идетъ отъ цѣлаго къ единичному, остальныя науки идутъ путемъ обратнымъ, или философія пользуется дедукціею, науки—индукціею. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что такое утвержденіе было бы невозможно, еслибы различіе дедукціи отъ индукціи представлялось ясно. Возможно ли достичь цѣлаго, не исходя отъ единичнаго? Дано ли цѣлое первоначально? Если

нѣтъ, то не зиждется ли всякое научное изслѣдованіе на началахъ, которыми характеризуется индукція? Не есть ли путь отъ цѣлаго къ единичному только нисхожденіе послѣ сдѣланнаго уже восхожденія,—пріемъ, не увеличивающій ни достовѣрности, ни объема нашего знанія. Впрочемъ, ясно до очевидности, что дедуктивный методъ не можетъ сдѣлаться монополіею философіи. Дедуктивнымъ методомъ могутъ пользоваться и дѣйствительно пользуются всѣ науки, и одно пользованіе имъ не даетъ еще основанія для различенія философскихъ положеній отъ научныхъ и, такимъ образомъ, отнимаетъ у приведеннаго выше мнѣнія всякую устойчивость.

Паульсенъ полагаетъ, что упомянутая формулировка опредѣленія философіи, а именно, что философія объясняетъ необъясненныя частными науками основныя понятія, имѣетъ основаніемъ своимъ только тотъ фактъ, что эмпирическія науки считали обыкновенно, а иногда и теперь считаютъ, философскими вопросами тѣ вопросы, которые онѣ не въ состояніи изслѣдовать, какъ, напримѣръ, химія — понятіе матеріи, исторія — вопросъ о томъ, представляетъ ли развитіе человѣчества нѣчто связное, направленное къ извѣстной цѣли? и т. п. Но философія имѣетъ свои основанія относиться къ этимъ вопросамъ съ осторожностью. Если, по природѣ своей, она, въ самомъ дѣлѣ, есть только резервуаръ всѣхъ необслѣдованныхъ вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, ей слѣдуетъ требовать, чтобы въ резервуаръ этотъ направлены были и вопросы обслѣдованные. Но въ такомъ случаѣ, что предстоитъ ей съ ними дѣлать? Что же касается вопросовъ, необслѣдованныхъ отдѣльными науками, то и ихъ рѣшеніе философіею представляется безплоднымъ, такъ какъ ни одна наука не приметъ ея рѣшеній. И напрасно бы мечтала философія, какъ отдѣльная наука, принести въ даръ, напримѣръ, химіи понятіе матеріи. Понятно, что химія ни на минуту не поколеблется отринуть даръ приподносимый тѣми, ноги которыхъ никогда не переступали порога лабораторіи. Въ послѣднее время и психологія близится къ такому же отношенію къ философіи, понимаемой въ смыслѣ отдѣльной науки: и она

откажется принять метафизически выработанное понятіе о душѣ, напримѣръ, если таковое будетъ ей предложено.

Нѣкоторые ограничиваютъ область философіи и опредѣляютъ ее или какъ психологію, или какъ теорію познаванія. Но такое предназначеніе философіи къ одному опредѣленному предмету противорѣчитъ происхожденію какъ ея, такъ и тѣхъ наукъ, съ которыми ее смѣшиваютъ. Зачѣмъ придавать названіе философіи наукамъ, имѣющимъ свои опредѣленныя названія, если философія, по происхожденію своему, имѣетъ значеніе общей совокупности знанія? Желаютъ ли, такимъ образомъ, настаивать на мнѣніи, что психологія или теорія познаванія тождественны, по содержанію своему, съ философіей? Что касается психологіи, то отождествленіе ея съ философіей оправдываютъ указаніемъ на объемъ охватываемыхъ ею, въ качествѣ науки о духѣ человѣческомъ, предметовъ, общая совокупность которыхъ необходимо тождественна съ общей совокупностью человѣческаго знанія. Въ формальномъ отношеніи, замѣчаніе это не можетъ быть опровергнуто, такъ какъ міръ данъ намъ лишь постольку, поскольку онъ входитъ въ область нашего сознанія Но, въ формальномъ отношеніи, такое же значеніе можно придать и географіи, ибо при изученіи всякой страны берется во вниманіе духовное развитіе ея населенія; такимъ образомъ, можно и географію считать наукою, обнимающею всю совокупность знанія, т.-е. философіею. Таково послѣдствіе увлеченія внѣшнимъ принципомъ! Если же намъ скажутъ, что, сводя философію на психологію, мы ярче поставимъ на видъ ту великую истину, что знаніе, которымъ мы обладаемъ, есть знаніе не абсолютное, но субъективное,—знаніе, установленное съ точки зрѣнія человѣческаго духа, то мы можемъ возразить тогда, вмѣстѣ съ Лотце, что, хотя памятованіе этой истины и полезно, но тѣмъ не менѣе оно не можетъ оправдать измѣненія въ словоупотребленіи, выработанномъ въ полной отъ него независимости. Словоупотребленіе не препятствуетъ признаванію этой истины въ такой же мѣрѣ, въ какой удержаніе выраженій обыденной рѣчи не препятствуетъ признаванію системы Коперника.

По отношенію къ отождествленію философіи съ теоріею по-

знанія. Паульсенъ замѣчаетъ, что теорія познанія, изучая знаніе, какъ таковое, есть наука формальная, и что, слѣдовательно, если рядомъ съ нею мы допустимъ другую науку, которая будетъ имѣть въ виду знаніе какъ по отношенію къ его формѣ, такъ и по отношенію къ его содержанію, то намъ только и останется, что удержать за этою наукою то названіе, которое она имѣла первоначально въ качествѣ общей совокупности знанія—названіе философіи.

Переходя затѣмъ къ причинамъ, задерживающимъ возвратъ къ прежнему понятію о философіи, какъ всеобщей совокупности знанія, Паульсенъ находитъ, что причины эти, главнымъ образомъ, находятся въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что опредѣленіе философіи установляется не съ точки зрѣнія знанія, но съ точки зрѣнія знающаго. Онъ утверждаетъ, что личное отношеніе къ познаваемой наукѣ всегда имѣетъ большое вліяніе на опредѣленіе границъ ея области. Внимательный наблюдатель можетъ указать на многіе примѣры этого рода въ исторіи наукъ. Понятно, что умственный кругозоръ, такъ же какъ и кругозоръ физическій, опредѣляется для всякаго его точкою зрѣнія, принимаемою за центръ. Историкъ считаетъ исторіей именно ту науку, которою онъ самъ обладаетъ и т. д.; точно также и философъ, и онъ опредѣляетъ свою науку такимъ образомъ, чтобы онъ, философъ, могъ остаться ея обладателемъ. При такомъ условіи теряется возможность пользоваться прежнимъ опредѣленіемъ философіи, ибо кто же дерзнетъ считать себя, въ такомъ случаѣ, философомъ? Очевидно, однако-же, что для установленія понятія какой нибудь науки нѣтъ никакого основанія принимать къ руководству вопросъ о томъ, требуется ли задачею этой науки одна или нѣсколько головъ? Существуютъ ли философы въ смыслѣ обладателей философіи? Это вопросъ, нисколько не касающійся понятія философіи. Философія, какъ это и было уже выяснено, есть идея, сужденіе о годности которой не можетъ быть установлено путемъ сравненія этой идеи съ самою дѣйствительностью; опредѣленіе философіи, по этой причинѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что является въ дѣйствительности у извѣстнаго обладателя понятія, принимаемаго самимъ облада-

телемъ за понятіе философіи. Если же хотятъ непремѣнно не покидать вопроса о мѣстѣ нахожденія философіи въ дѣйствительности, то гораздо правильнѣе обратиться за этимъ къ философскимъ факультетамъ, чѣмъ къ отдѣльнымъ цеховымъ философамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе, которое можно составить, при посредствѣ отвлеченія, изъ частей, на которыя подѣлилась первоначальная идея философіи въ факультетахъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ понятію философіи, чѣмъ то понятіе, которое можно заимствовать у „философовъ".

Итакъ, всякому, кто не признаетъ раздвоенія, внесеннаго въ знаніе априорными формами мышленія, приходится возвратиться къ старому понятію философіи, какъ общей совокупности знанія. Если знаніе фактовъ однородно (одна только математика, какъ косвенно служащая къ пріобрѣтенію знанія фактовъ и не представляющая самого знанія ихъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе), если существуетъ единственный матеріалъ знанія дѣйствительности данныхъ явленій, если къ разработкѣ этого матеріала можетъ быть приложенъ только одинъ методъ, различаемый какъ индуктивный и дедуктивный, но не раздвоиваемый этимъ различеніемъ, то слѣдуетъ заключить, что знаніе неудержимо стремится къ единству, всѣ разграниченія въ области котораго относительны или случайны. Какъ все дѣйствительное, связанное тысячами отношеній, образуетъ единство единый міръ, такъ и знаніе представляетъ также единство—философію.

При возвращеніи къ прежнему понятію философіи, какъ общей совокупности всего знанія, подлежатъ устраненію два ошибочныя мнѣнія, порожденныя раздвоеніемъ науки и философіи, основывающейся на априорности. Во-первыхъ, то мнѣніе, теперь уже устарѣвшее, что философія, независимо отъ науки, возможна, и, во-вторыхъ, то, что возможна наука, отрѣзанная отъ философіи. Послѣднее мнѣніе исходитъ, конечно, изъ весьма основательнаго убѣжденія въ негодности априорической натурфилософіи, внесшей порчу во многія добропорядочные умы и создавшей препятствіе къ развитію естественныхъ наукъ. Но если такое мнѣніе было основательно по отношенію къ априориче-

ской философіи, навязывавшей наукамъ готовыя теоріи, то оно не можетъ быть признано таковымъ по отношенію къ той философіи, которая обосновывается на наукѣ. Такая философія далека отъ навязыванія наукѣ своихъ теоріи и представляетъ только высшія обобщенія опирающіяся на факты, изслѣдованные научнымъ же методомъ. Теорія, отвергающая такія высшія обобщенія, перестаетъ быть научною и должна быть признана эмпирическою въ невыгодномъ значеніи этого слова. Когда знаніе перестаетъ стремиться къ такимъ высшимъ обобщеніямъ, когда оно не ставитъ наивысшаго изъ обобщеній цѣлью конечнаго единства, тогда оно теряетъ жизнь и гибнетъ. Можетъ случиться, конечно, что спеціальныя изслѣдованія будутъ еще продолжаться нѣкоторое время и послѣ того, какъ жизнь эта уже угаснетъ, подобно тому, какъ нѣкоторыя отдѣльныя функціи организма не прекращаютъ своей дѣятельности немедленно послѣ смерти самого организма. Но долго продолжаться такой порядокъ вещей не можетъ. Смерть философіи неизбѣжно влечетъ за собою и смерть науки. Средніе вѣка представляютъ для подтвержденія этой истины краснорѣчивѣйшія доказательства.

Умственное движеніе въ Германіи даетъ многочисленныя указанія на то, что оно идетъ къ выходу изъ такого состоянія. Представители науки разрабатываютъ ее весьма часто въ духѣ философскомъ, а философы считаютъ долгомъ быть знакомыми съ науками. Стѣна, раздѣлявшая обѣ эти области, разрушается, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, и въ настоящее время пограничная черта между философіею и наукою стала уже едва замѣтною. Можно питать увѣренность, что она никогда ужъ не превратится въ пропасть.

Пограничная черта между наукою и философіею должна исчезнуть окончательно по отношенію къ ихъ содержанію и можетъ остаться только по отношенію къ характеру пріемовъ изслѣдованія. Всякая наука, по содержанію своему, не различается отъ философіи; но разрабатывать ее можно или въ направленіи философскомъ, или въ направленіи эмпирическомъ. Философскимъ направленіемъ слѣдуетъ считать то, которое стремится къ конечному единству знанія; эмпирическимъ же—то, которое остает-

ся при отдѣльныхъ фактахъ, какъ послѣднихъ истинахъ Философомъ, такимъ образомъ, называться можетъ тотъ, кто обладаетъ способностью приводить множественность и разнообразіе къ существенному и единому, и прилагаетъ эту способность къ дѣлу.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что нѣтъ никакого основанія различать науку, по отношенію къ содержанію, на философскую и нефилософскую, а потому такія работы, какъ работы по естествознанію Гете, Ал. Гумбольдта или Дарвина, и въ области историко-филологической В. Гумбольдта, Бокля или Штейнталя, слѣдуетъ, конечно, признать философскими. Напротивъ того, труды какого-нибудь схоластика, изслѣдующаго формы сужденія, фигуры заключенія и т. п., такъ же какъ и разсужденія метафизика, разыскивающаго сущности и т. д. нельзя, само собою разумѣется, считать относящимися къ философіи. Философское значеніе науки очерчивается, такимъ образомъ, съ достаточною опредѣленностью.

Въ заключеніе своей статьи, Паульсенъ говоритъ о вопросахъ, обыкновенно входящихъ въ кругъ изслѣдованія присяжныхъ или цеховыхъ философовъ (Philosophen von Fach), и находитъ, что въ кругъ этотъ должны быть включены: теорія познаванія съ ученіемъ о методѣ и логикою, психологія и всѣ тѣ науки, которыя теперь имѣютъ значеніе наукъ философскихъ, т.-е., согласно тому, что объяснено было выше, — всѣ науки, выработавшія высшія обобщенія. Казалось бы съ перваго взгляда, что собственно философіи, философіи въ тѣсномъ смыслѣ, совсѣмъ не оказывается; но если мы припомнимъ выясненное выше стремленіе всѣхъ наукъ къ общему единству, то получимъ возможность подъ философіею въ тѣсномъ смыслѣ разумѣть науку, формулирующую это единство, завершающую стремленія всѣхъ наукъ. И если наука эта находится еще въ процессѣ образованія, то это нисколько не умаляетъ важнаго ея значенія, такъ какъ собственно ея задача остается задачею всего нашего знанія; законченность же ея зависитъ отъ успѣховъ всѣхъ остальныхъ наукъ. И если она только постоянно приближается къ такой законченности, не достигая ея, то это предрѣшаетъ вопросъ о законченности

философіи. Стремясь къ законченности, философія развивается параллельно съ развитіемъ остальныхъ наукъ, никогда не упуская изъ виду, что она—какъ это поясненo было выше—выражаетъ идею, соотвѣтствующій предметъ которой не можетъ быть данъ чувствами.

Остается прибавить, что Паульсенъ придаетъ этой, такимъ образомъ опредѣляемой имъ философіи, т.-е. философіи въ тѣсномъ смыслѣ, названіе метафизики, изъ чего ошибочно было бы заключать, однако-же, что онъ отстаиваетъ метафизику въ смыслѣ умозрительной или спекулятивной философіи, т.-е. въ томъ смыслѣ, въ какомъ она отвергается позитивною школою и въ какомъ, обыкновенно, принимается въ нашей литературѣ Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, что для васъ, конечно, и очевидно, Паульсенъ метафизику вполнѣ и рѣшительно отвергаетъ, и я полагаю поэтому, что недоразумѣніе, могущее возникнуть изъ-за одной только терминологіи, достаточно устраняется однимъ указаніемъ на смыслъ покрываемаго этимъ терминомъ понятія и что вообще вопросъ этотъ не требуетъ болѣе никакихъ разъясненій.

ПИСЬМО VIII.

Охарактеризовавъ философію, какъ объединеніе общей совокупности знанія, я считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ принципахъ, которые должны руководить расчлененіемъ общей совокупности знанія на отдѣльныя или спеціальныя науки.

Хотя цѣпь понятій, представляемая общею совокупностью знанія, едина, но противоположные края ея—представленія въ исходной точкѣ и высшее отвлеченное понятіе въ конечной—по характеру своему, какъ это вамъ хорошо извѣстно, различны. Вырабатывая и установляя отдѣльныя звенья цѣпи отвлеченій, мы можемъ сосредоточивать наше вниманіе или на представленіяхъ отдѣльныхъ группъ явленій, или на понятіи всей совокупности ихъ. Въ первомъ случаѣ мы избираемъ какую-нибудь конкретную часть цѣлаго и, разсматривая ее всесторонне, образуемъ о ней группу понятій, сведеніе которыхъ къ единству обусловлено объективно единствомъ этой части; во второмъ—мы беремъ какую-нибудь сторону образа существованія цѣлаго и установляемъ о ней понятіе совершенно независимо и отвлеченно отъ какой бы то ни было отдѣльно взятой конкретной группы явленій. Дѣлая такое различіе въ расчлененіи общаго изученія цѣлаго, мы получаемъ или науки о конкретныхъ частяхъ его—солнечной системѣ, землѣ, земной атмосферѣ, земной

флорѣ, фаунѣ и т. д., или науки объ общихъ свойствахъ цѣлаго—тяготѣніи, магнетизмѣ, электричествѣ, свѣтѣ, звукѣ и т. д. Первыя, какъ обусловленныя конкретнымъ единствомъ предмета, мы называемъ конкретными науками, вторыя, какъ основывающіяся на отвлеченномъ или абстрактномъ единствѣ понятія, охватывающаго ту массу явленій, которую мы разсматриваемъ какъ проявленіе изучаемаго свойства цѣлаго, абстрактными науками, хотя въ строгомъ значеніи этого слова всѣ науки абстрактны. Изъ этого видно, что въ конкретныхъ наукахъ мы принимаемъ тѣ группы явленій, которыя находимъ сложившимися въ реальной дѣйствительности, въ наукахъ же абстрактныхъ мы беремъ изъ реальной дѣйствительности одни только явленія, группы же ихъ образуемъ сами путемъ отвлеченія. Такъ, напримѣръ, человѣческое тѣло (конкретная группа предметовъ и явленій, представляющаяся намъ въ дѣятельномъ и недѣятельномъ состояніи, т.-е. въ двухъ моментахъ своего существованія — динамическомъ и статическомъ) даетъ содержаніе двумъ конкретнымъ наукамъ — физіологіи человѣческаго тѣла и анатоміи его. Но если мы отвлечемъ отъ этой конкретной группы все то, что обусловливаетъ въ ней жизнедѣятельность, если затѣмъ мы сдѣлаемъ точно такое же отвлеченіе и по отношеніи ко всѣмъ другимъ организмамъ и полученный такимъ образомъ матеріалъ мысленно соединимъ въ одну общую группу, т.-е. объединимъ и систематизируемъ, то у насъ получится содержаніе для науки абстрактной, для біологіи. Точно также образуются и всѣ другія науки: конкретная астрономія, предметъ которой — доступная изученію конкретная группа тѣлъ, вращающихся и обращающихся въ пространствѣ; абстрактная астрономія содержаніе которой составляетъ одинъ изъ образовъ существованія этой конкретной группы—тяготѣніе; конкретная химія (минералогія), предметъ которой—молекулярныя комбинаціи, осуществившіяся при образованіи доступныхъ изученію космическихъ массъ (земной коры, аэролитовъ), и абстрактная химія (химія въ тѣсномъ смыслѣ), содержаніе которой дается однимъ изъ образовъ существованія этихъ молекулярныхъ комбинацій, такъ-называемымъ химическимъ сродствомъ, полное

изученіе котораго должно привести къ формулированію такого абстрактнаго понятія, которое охватывало бы извѣстную сторону всѣхъ молекулярныхъ соединеній, т.-е. какъ тѣхъ, которыя осуществились уже въ конкретныхъ аггрегатахъ, представляемыхъ минералогіею, такъ и тѣхъ, которыя могутъ быть произведены искусственно въ лабораторіяхъ, и т. д.

Чтобы сдѣлать еще очевиднѣе то различіе между двумя родами наукъ, о которыхъ я только-что говорилъ, я приведу вамъ сравненіе, вполнѣ удовлетворяющее, по моему мнѣнію, этой цѣли.

Французскій астрономъ Лакайль, въ видахъ упрощенія теоріи астрономіи, представляетъ наблюдателя стоящимъ на поверхности солнца. Чтобы мыслить себя въ этомъ пунктѣ, наблюдатель долженъ отвлечь всю конкретную сторону астрономическихъ явленій и перестроить ихъ согласно новой отвлеченной точкѣ зрѣнія. И какъ точка зрѣнія обыкновенныхъ астрономовъ отличается отъ точки зрѣнія, установленной Лакайлемъ, такъ точка зрѣнія наукъ конкретныхъ отличается отъ точки зрѣнія абстрактныхъ наукъ; какъ съ конкретной, такъ и съ абстрактной точки зрѣнія мы разсматриваемъ все тотъ-же предметъ, но картины, видимыя въ обоихъ этихъ случаяхъ, вполнѣ различны. Астрономъ, помѣщенный на солнцѣ, увидитъ тѣ же звѣзды, но иныя созвѣздія, ту же луну, но безъ видоизмѣненій ея, представляемыхъ фазами, ту же землю, но уже едва отличимую отъ другихъ планетъ; иное, совсѣмъ не похожее на наше, будетъ зрѣлище неба, которое онъ увидитъ. Точно то же произойдетъ и съ міромъ нашего знанія: посмотримъ ли мы на него съ точки зрѣнія, помѣщающейся на периферіи этого міра — въ представленіяхъ, или въ центрѣ—въ кульминаціонномъ пунктѣ отвлеченія, объекты познанія останутся тѣ же, но понятія о нихъ совсѣмъ перестроятся; и перестройка эта обусловится не методомъ—методъ останется все тѣмъ-же единымъ и неизмѣннымъ научнымъ методомъ, — но точкою зрѣнія, положеніе которой станетъ прямо противоположнымъ прежнему.

Абстрактныя науки, какъ видно изъ предшествующихъ разъясненій, и вырабатываютъ тѣ отвлеченныя понятія, изъ которыхъ систематически слагается и объединяется въ высшей

абстрактной наукѣ наше понятіе о мірѣ. наше міроразумѣніе или философія. Здѣсь философія принимается въ широкомъ смыслѣ общей совокупности нашего знанія и сопоставляется съ высшею абстрактною наукою или философіею въ тѣсномъ смыслѣ. которой, какъ вы уже знаете. иногда придаютъ традиціонное и вовсе не идущее къ ней названіе метафизики. Съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно бы приложить къ ней старое названіе первой философіи,—терминъ, нѣсколько разъ попадающійся въ „Курсѣ позитивной философіи“ Ог. Конта, но не получившій у него достаточно опредѣленнаго значенія и потому послѣ него совсѣмъ забытый.

Значеніе, въ которомъ употребляется терминъ „философія“, не ограничивается, впрочемъ, двумя значеніями, только-что мною указанными, но имѣетъ еще и третье. Въ этомъ третьемъ значеніи терминъ „философія“ употребляется въ томъ случаѣ, когда конкретная наука, не покидая своего предмета—конкретной группы явленій, выходитъ за предѣлы простаго описанія его и отвлекаетъ одну за другою различныя стороны образа существованія своего предмета, формируетъ о нихъ понятія, слагаетъ ихъ въ систему и объединяетъ въ одномъ высшемъ отвлеченномъ понятіи, отрозненномъ отъ конкретныхъ и индивидуальныхъ чертъ, присущихъ предмету. Въ этомъ случаѣ воздѣйствіе философіи на науку является столь рѣшительнымъ и яркимъ, что наука, оставаясь въ строгомъ смыслѣ конкретною, подымается до высоты науки абстрактной, проникается философіей, становится философіей того конкретнаго предмета, который даетъ ей содержаніе. Такимъ образомъ является философія геологіи, философія зоологіи, философія исторіи и т. п. Очевидно, однако-же, что конкретная наука возводится на высоту философіи только въ силу философской обработки своего предмета, и что—какъ я только-что и замѣтилъ — она остается конкретною, т.-е. точка зрѣнія ея не измѣняется. А изъ этого видно, что философія конкретной науки не можетъ копировать строя наукъ абстрактныхъ, не можетъ пытаться воспроизводить ихъ по своему масштабу, и должна найти свой законосообразный и цѣлесообразный принципъ и согласно съ нимъ сложиться и объединиться.

Этотъ принципъ не требуетъ, впрочемъ, никакихъ поисковъ, онъ данъ уже тѣмъ различіемъ точекъ зрѣнія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, на которое указано было выше. Абстрактныя науки, какъ вы видѣли, изслѣдуютъ міръ какъ цѣлое и, слѣдовательно, отводятъ человѣку и планетѣ его—землѣ, только то мѣсто, которое тотъ и другая, дѣйствительно, занимаютъ въ мірѣ, т.-е., другими словами, точка зрѣнія абстрактныхъ наукъ по природѣ своей объективна. Въ противоположность этой объективной точкѣ зрѣнія абстрактныхъ наукъ установляется точка зрѣнія наукъ конкретныхъ: преслѣдуя цѣли частныя, она соподчиняетъ эти цѣли между собою и естественно даетъ первенство цѣлямъ человѣческимъ, цѣлямъ субъективнымъ. Она ищетъ не одной только истины, но и справедливости. Опираясь на объективныя положенія абстрактныхъ наукъ, науки конкретныя имѣютъ подъ собою незыблемую почву и обезпечены противъ искаженія научности своего метода и правильности своихъ положеній; и въ то же время, благодаря именно своей точкѣ зрѣнія, онѣ и составляютъ связующее звено между высшими обобщеніями философіи и живою дѣйствительностью, къ которой они примыкаютъ непосредственно. Тутъ-то и возникаютъ тѣ „проклятые“ вопросы, которые я разсматривалъ въ моемъ „Опытѣ критическаго изслѣдованія позитивизма“ въ связи съ постановкою, данною имъ гг. П. Л. и Н. Михайловскимъ,—вопросы, великое значеніе которыхъ могутъ отрицать только ла-Серды.

Раздѣляя все познанное на двѣ части — абстрактную и конкретную—и, затѣмъ, подраздѣляя части эти на группы, дающія содержаніе отдѣльнымъ наукамъ, мы не должны упускать изъ виду того обстоятельства, что вся расчленяемая нами совокупность познаннаго не только содержитъ въ себѣ ту группу явленій, которая охватывается понятіемъ „познаванія“, но еще предполагаетъ самый фактъ познаванія какъ необходимый прецедентъ, обусловливающій возможность существованія познаннаго. Это двойственное значеніе познаванія ставитъ его передъ нами не только какъ фактъ, долженствующій найти свое мѣсто въ психологіи, но еще и какъ фактъ, результаты изученія котораго должны руководить установленіемъ и разработ-

кою всякой науки, не исключая и психологіи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ „познаваніе“ даетъ содержаніе теоріи, которая имѣетъ значеніе „этики“ мышленія и заключаетъ въ себѣ правила, регулирующія мышленіе при достиженіи имъ познанія. Такимъ образомъ „теорія познаванія“ (вмѣстѣ съ составною частью ея—логикою, дающею правила образованія и соединенія понятій) есть наука, не имѣющая никакого отношенія къ содержанію наукъ вообще, но излагающія только формы мысли, обязательныя для всякаго познаванія. Въ этомъ смыслѣ теорія познаванія есть наука формальная и стоитъ по отношенію къ другимъ наукамъ какъ общая ихъ пропедевтика.

Формальный характеръ теоріи познаванія и положеніе ея, какъ пропедевтики, въ общей системѣ знанія не согласуется, конечно, съ требованіями прямолинейной классификаціи наукъ, какова, напримѣръ, классификація наукъ Ог. Конта. Она нарушаетъ, очевидно, классификацію эту, насколько та, не довольствуясь значеніемъ условно-полезной схемы, стремится возвыситься до значенія философской системы, и приводитъ позитивистовъ въ немалое замѣшательство, вызывая у нихъ или ничего не значущіе проекты какой-то „appendice“ позитивной системы или совсѣмъ глупыя рѣчи о „сборной командѣ человѣческаго знанія“. Все это вызывается ложнымъ взглядомъ на значеніе классификаціи и легко можетъ быть оцѣнено по достоинству при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса. Такъ какъ послѣ всего высказаннаго мною вопросъ о той или иной схемѣ, въ которую возможно построить общую совокупность наукъ, потерялъ всякую важность, то я и довольствуюсь указаніемъ на изслѣдованіе его въ III главѣ моего „Опыта крит. изсл. основоп. поз. фил.“.

До сихъ поръ мы не выходили еще изъ области понятій: мы изучали ихъ соотношеніе и изыскивали цѣлесообразнѣйшіе способы ихъ систематизированія. Хотя мы никогда и не упускали изъ виду ихъ связи съ представленіями, а черезъ нихъ и съ реальнымъ міромъ дѣйствительности, но обращали вниманіе на эту связь лишь настолько, насколько она могла руководить насъ въ нашемъ изученіи и нашихъ изысканіяхъ, насколько она

могла служить установленію между понятіями такихъ отношеній, которыя были бы чужды фантастики, и способствовать систематизированію ихъ, которое было бы лишено всѣхъ чертъ, отличавшихъ оторванныя отъ дѣйствительности и отлетѣвшія въ безпечальную область Wolkenkukusheim'a метафизическія системы. Теперь намъ предстоитъ взглянуть ближе на самую связь нашихъ понятій съ дѣйствительностью и въ этихъ видахъ обратить вниманіе на ту сторону ея, къ которой мы хотя и подошли уже очень близко, но о которой я не успѣлъ еще ничего сообщить вамъ.

Наука, какъ вы знаете, не есть куча случайно собранныхъ понятій, но систематизированное единство ихъ, установленное съ опредѣленною цѣлью, при помощи опредѣленныхъ средствъ. Цѣль науки заключается въ добытіи постоянной возможности узнавать явленія при всякомъ ихъ новомъ возникновеніи; средства ея даются ей ея методомъ. Предвидѣніе составляетъ, какъ видно изъ этого, одну изъ основныхъ чертъ характера науки. гдѣ есть наука, тамъ есть и предвидѣніе. Степень вѣрности и точности этого предвидѣнія зависитъ, какъ то само собою и разумѣется, отъ степени совершенства разработки науки: метеорологическія предвидѣнія, напримѣръ, далеко не такъ вѣрны и точны какъ астрономическія, но все же они стали возможны только съ тѣхъ поръ, какъ метеоролическія знанія сложились въ науку.

Итакъ, соотносительный моментъ научнаго знанія есть предвидѣніе. Про науку можно сказать, какъ видно изъ этого, что она бросаетъ свѣтъ впереди себя и даетъ возможность видѣть то, что скрыто отъ глазъ обыденнаго мышленія; и если говорятъ, что она просвѣщаетъ, то это значитъ, что она, выводя изъ дебрей мистико-метафизической фантастики, ставитъ насъ на путь открытый и вѣрный. Утвержденіе просвѣтительнаго ея значенія есть, слѣдовательно, не пустое возвеличеніе ея, но простое констатированіе вполнѣ достовѣрнаго факта. Умѣющій различить истинную науку отъ науки мнимой не усомнится, конечно, ни на одинъ мигъ въ правдивости такого взгляда.

Пользованіе предвидѣніемъ науки есть приложеніе научныхъ

истинъ (теоріи) къ человѣческой дѣятельности (практикѣ). Человѣческая дѣятельность, съ одной стороны, составляетъ часть той дѣйствительности, которая доставляетъ представленія, служащія основаніемъ науки, и, съ другой, есть дополненіе той совокупности работы, на которую способенъ человѣкъ. Связь между теоріею и практикою, какъ видно изъ этого, двоякая объективная, черезъ посредство которой практика даетъ матеріалъ для теоріи, и субъективная, при помощи которой практика можетъ дѣлаться орудіемъ теоріи. Нечего и говорить, что о связи этой можетъ идти рѣчь только тогда, когда есть возможность допустить существованіе теоріи, совершенно лишенной почвы при обыденномъ ходѣ умственной дѣятельности, не сознающей связи живой дѣйствительности съ понятіями черезъ представленія, и потому лишенной способовъ установить такую теорію, которая не имѣла бы значенія фикціи. Поэтому-то практика, руководимая обыденнымъ мышленіемъ, идетъ безъ всякаго предвидѣнія, слѣпо, а результаты ея, поставленные въ зависимость отъ случайностей, всегда шатки, пестры и измѣнчивы.

Изъ сказаннаго видно, что стремленіе знанія къ объединенію, основанное на единствѣ объекта и отвѣчающее потребности человѣческаго ума, имѣетъ не только теоретическое значеніе, на которое я и указалъ вамъ въ своемъ мѣстѣ, но и значеніе практическое. Это послѣднее, очевидно, такъ важно, что отрицать его можетъ только крайняя недальновидность. Мы знаемъ уже, что восхожденіе степеней отвлеченія совершенно соотвѣтствуетъ общности охватываемыхъ ими признаковъ явленій, поэтому ясно, что если восхожденіе это ограничивается произвольно, то предвидѣніе становится невозможнымъ, такъ какъ заключеніе по однимъ частнымъ признакамъ при упущеніи изъ виду признаковъ общихъ не можетъ не оказаться ошибочнымъ. Воздѣйствіе общихъ понятій на предвидѣніе и черезъ него на дѣятельность здѣсь очень ярко. Такъ, напримѣръ, если бы мы стали опредѣлять высоту прилива одними только условіями даннаго мѣста безъ вниманія къ общему закону приливовъ, то предвидѣніе состояться не могло бы: мѣстныя условія могутъ быть очень сходственны въ двухъ различныхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, во Флоридѣ и въ Бретани, и

однако-же высóты прилива въ каждомъ изъ нихъ, напротивъ того, очень различны. Точно тоже должны мы сказать и объ опредѣленіи снѣжной линіи въ той или другой цѣпи горъ, о возрастаніи населенія въ той или другой странѣ. о поднятіи уровня благосостоянія въ томъ или иномъ государствѣ и т. п. Сосредоточивая же вниманіе наше въ указываемомъ отношеніи собственно на практической дѣятельности человѣка, мы должны будемъ не только констатировать фактъ воздѣйствія высшихъ понятій на низшія и зависимость предвидѣнія отъ этого факта, но отмѣтить еще и важное значеніе его какъ момента, опредѣляющаго тотъ или иной характеръ дѣятельности. Такъ, напримѣръ, никогда положеніе дѣлъ какого нибудь общества не можетъ улучшиться отъ безукоризненнаго примѣненія основоположеній устава, если они нелѣпы; никогда каменьщику не довести до конца постройки стѣны, какъ бы добросовѣстно ни исполнялъ онъ распоряженія архитектора, если проектъ постройки грѣшитъ противъ основныхъ законовъ механики. Безсознательная дѣятельность, т.-е. дѣятельность, чуждая мысли о воздѣйствіи высшихъ отвлеченій на низшія, приведетъ, очевидно, прямо къ гибели самихъ дѣятелей: если члены общества не потребуютъ провѣрки основоположеній устава, если ни одинъ каменьщикъ не возьметъ въ руки чертежей, чтобы убѣдиться, возможно ли исполнить проэктъ, то общество неизбѣжно рухнетъ, а стѣна повалится, и члены общества и каменьщикъ падутъ жертвами слѣпой добросовѣстности. Всякій легко замѣтитъ несоблюденіе того или другого положенія устава, тутъ или тамъ неправильно положенный камень; между тѣмъ ошибка въ высшихъ понятіяхъ замѣтна только дальнозоркимъ, она, какъ хроническая болѣзнь, долго развивается невидимо и за то поражаетъ безъ пощады. Брюжжаніе, нарушающее подъ часъ наше свѣтлое настроеніе, является часто, какъ вы поймете, голосомъ любви и результатомъ сознанія тѣхъ высшихъ принциповъ, которые остаются скрытыми для обыденныхъ дѣятелей.

Воздѣйствіе высшихъ обобщеній (составляющихъ содержаніе абстрактныхъ наукъ) на человѣческую дѣятельность не можетъ быть, какъ вамъ извѣстно, непосредственнымъ. Воздѣйствіе

ло, совершаясь путемъ нисхожденія по лѣстницѣ отвлеченій, встрѣчаетъ ранѣе самой дѣятельности тѣ понятія, которыя связаны непосредственно съ этою дѣятельностью, именно понятія конкретныхъ наукъ. Эти науки и являются, такимъ образомъ, прямымъ основаніемъ дѣятельности: онѣ—то послѣднее звено чистой теоріи, которая, опредѣляя предвидѣніе, дозволяетъ избирать тѣ или другія средства, сообразныя цѣли, ставимыя въ зависимость отъ даннаго предвидѣнія. Ими, слѣдовательно, опредѣляется характеръ дѣятельности. На этомъ пунктѣ прекращается чистая теорія, здѣсь—послѣднія по простотѣ понятія, входящія въ область науки. Далѣе идетъ уже приложеніе теоріи къ конкретнымъ и индивидуальнымъ условіямъ дѣятельности,—область, въ которой положенія теоріи принимаются какъ данныя и гдѣ самая теорія является уже не какъ таковая, не какъ система отвлеченныхъ понятій, но какъ система средствъ, подчиненныхъ этимъ понятіямъ и ими провѣренныхъ. Дѣятельность, пользующаяся выработанными этимъ путемъ средствами, пріобрѣтаетъ неизбѣжно такія черты, которыя были бы совершенно чужды ей, если бы она совершалась въ сторонѣ отъ науки и руководилась разрозненными указаніями обыденнаго мышленія. Какъ организованная, какъ систематическая, она получаетъ значеніе искусства въ общемъ смыслѣ этого термина, со своимъ сводомъ правилъ и своею теоріею.

Если вы припомните теперь ту рѣшающую роль высшихъ обобщеній, на которую я только-что указывалъ, то вамъ станетъ ясна та двойственность, на которую неизбѣжно обрекаются непосредственные руководители дѣятельности—конкретная наука и теорія искусства. Злу или добру станутъ служить онѣ, правдѣ или неправдѣ будутъ онѣ оказывать свою помощь, все это зависитъ отъ воздѣйствія на приложеніе ихъ тѣхъ высшихъ понятій, которыя заправляютъ общимъ ходомъ жизни. Если понятія эти не научны, то конкретныя науки и теорія искусства при всей ихъ научности обрекаются на служеніе и помощь обыденному мышленію, которое и извращаетъ ихъ по желанію. Очевидно теперь, почему такъ важны для насъ цѣльность и единство знанія въ чисто практическомъ отношеніи, почему мы желаемъ свѣта науки

не въ частномъ и узкомъ, но въ общемъ и широкомъ смыслѣ, и почему возбуждаетъ въ насъ негодованіе фальсификація не только такихъ научныхъ положеній, прямое приложеніе которыхъ къ жизни очевидно для всякаго, но и извращеніе или эскамотированіе такихъ, которыя, при недостаточномъ вдумываніи въ нихъ, могутъ показаться чуждыми жизни и витающими въ области будто бы безпечальнаго созерцанія.

ПИСЬМО IX.

Говоря объ абстрактныхъ наукахъ, я сказалъ, что науки эти отличаются отъ наукъ конкретныхъ или описательныхъ тѣмъ, что не останавливаются надъ образованіемъ понятій о конкретныхъ группахъ явленій, подобно послѣднимъ, а изучаютъ общія свойства группы, взятой какъ цѣлое, и изъ понятій объ этихъ свойствахъ строятъ самое общее и отвлеченное понятіе о самой группѣ, будь то міръ, т.-е. вся совокупность познаннаго, или часть его. Этотъ основной пріемъ абстрактныхъ наукъ ясно показываетъ вамъ, что первымъ послѣдствіемъ примѣненія его къ изученію сложной совокупности явленій должно явиться упрощеніе этого изученія, такъ какъ отдѣльныя свойства изучаемаго предмета разсматриваются послѣдовательно одно за другимъ и представляются поэтому простѣйшими и доступнѣйшими изслѣдованію ступенями, ведущими къ общему понятію цѣлаго. Образованіе общаго понятія идетъ постепенно, трудности, сопряженныя съ этимъ образованіемъ, побѣждаемыя порознь, поддаются намъ легче, и вся задача, потерявъ мало-по-малу характеръ неразрѣшимости, даетъ въ результатѣ знаніе полное и прочно установленное.

Изучая познаваніе, мы изучали, очевидно, только одинъ изъ образовъ существованія такъ-называемой психической дѣятельности нашего организма, т.-е. разсматривали познаваніе въ от-

влеченіи отъ другихъ сторонъ этой дѣятельности, брали его абстрактно. Устраняя всѣ усложняющія нашу задачу моменты, мы много упростили, конечно, первые шаги къ ея разрѣшенію, но затѣмъ намъ остается еще разсмотрѣть хоть въ общихъ чергахъ и другія стороны психической дѣятельности для того, чтобы, введя потомъ въ связь съ нимъ актъ познаванія, получить возможность составить о немъ полное и всестороннее понятіе.

Вы видите изъ этого, что сила послѣдовательности развитія моей темы приводитъ меня къ постановкѣ общаго психологическаго вопроса, къ которому я и намѣренъ теперь приступить, по прежнему придерживаясь рѣшенія этого вопроса „научною философіею" и имѣя въ виду психологическую теорію К. Гёринга.

Но прежде, чѣмъ я это сдѣлаю, я попрошу у васъ позволенія свернуть немного въ сторону и столковаться съ вами, что́ мы будемъ разумѣть подъ психологіей и какъ будемъ мы оріентироваться въ лабиринтѣ современныхъ психологическихъ теорій. Безъ этой предосторожности мы рискуемъ совсѣмъ запутаться: одно голое утвержденіе, что психологія, которую мы будемъ имѣть въ виду, есть наука, насъ не спасетъ, такъ какъ мало ли какая психологическая теорія не мнитъ себя научною, мало ли какая, вступивъ даже на путь истинно-научный, не идетъ впередъ, а топчется на одномъ мѣстѣ, безплодно тратя силы. Необходимо разрѣшить этотъ предварительный вопросъ настолько опредѣленно, чтобы устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ.

Вотъ этимъ-то мы теперь и займемся.

Психологи-эмпирики и психологи-метафизики утверждаютъ въ одинъ голосъ, что психологія какъ наука еще не установилась, что изъ числа многихъ существующихъ „психологій" нѣтъ ни одной, которая съ достаточнымъ основаніемъ могла бы имѣть притязанія на общее признаніе.

Прежде, чѣмъ высказаться за́ или противъ этого взгляда, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сформулировать его точнѣе, такъ какъ въ изложенной выше всѣми повторяемой формѣ онъ ни-

сколько не характеризуетъ современнаго состоянія психологіи и имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что даетъ поводъ смѣшивать всѣ фазисы развитія, черезъ которыя прошло изученіе такъ называемыхъ психическихъ явленій, и всѣхъ ихъ въ одинаковой мѣрѣ приводить къ нулю. Какъ метафизическія мечтанія, такъ и научныя изслѣдованія получаютъ, благодаря огульности такого взгляда на психологію, одинаковое значеніе, или, вѣрнѣе, одинаково теряютъ всякое значеніе. Такое широкое осужденіе психологическихъ теорій очень выгодно развѣ только для метафизиковъ, которые рады бы втянуть въ одно общее крушеніе со своими умозрѣніями и научныя работы Къ счастью для науки, болѣе точная постановка вопроса возстановляетъ лежащую между наукою и метафизикою пропасть и не даетъ никакаго основанія утверждать, что неизбѣжная участь „чистаго умозрѣнія“ можетъ въ какомъ либо отношеніи неблагопріятно вліять на успѣхи опытнаго знанія. Стушевываясь, стираясь, совсѣмъ исчезая, чистое умозрѣніе можетъ только очищать путь для поступательнаго движенія науки, а ужъ никакъ не подвергать ее тѣмъ опасностямъ, которыя свойственны исключительно только его положенію и его роли въ общемъ ходѣ умственнаго развитія.

Чтобы правильно поставить нашъ вопросъ и затѣмъ точно и полно отвѣтить на него, припомнимъ то, что было высказано выше объ образованіи научныхъ понятій и цѣлесообразной группировкѣ ихъ по отдѣльнымъ научнымъ областямъ.

Исходную точку знанія, какъ я сказалъ уже, даютъ представленія. Изъ нихъ мы образуемъ первое, непосредственное знаніе. Потомъ, подъ гнетомъ субъективныхъ условій, полагающихъ границы неопредѣленному накопленію представленій, начинаемъ мы вырабатывать понятія, общая совокупность которыхъ расчленяется на группы, соотвѣтствующія представленіямъ, снятымъ съ опредѣленной группы явленій. Затѣмъ, расположивъ группы эти сообразно ихъ общности и отвлеченности, мы получаемъ во главѣ этого расположенія такую науку, для образованія понятій которой необходима была помощь и содѣйствіе всѣхъ остальныхъ группъ, которая охватываетъ все, что въ группахъ этихъ есть самаго общаго и отвлеченнаго, и которая поэтому является какъ

наука о всей совокупности познаваемаго міра, какъ міроразумѣніе, и носитъ названіе философіи. При такомъ порядкѣ въ выработкѣ научныхъ понятій и при такихъ условіяхъ восхожденія къ философіи, частныя науки являются основаніемъ ея, какъ науки общей, и она—общимъ ихъ завершеніемъ, что, очевидно, ставитъ все содержаніе ея и характеръ въ полную зависимость отъ наукъ частныхъ, отъ ихъ метода и всего ихъ строя.

Мы знаемъ однако-же, что такъ строится только научная философія, а что философія метафизическая, напротивъ того, исходною точкою своею избираетъ какое-нибудь общее понятіе и, подчиняя всѣ отдѣльныя науки, разрабатываетъ ихъ согласно съ требованіями, вытекающими изъ этого понятія. Научный методъ, въ силу этого основнаго пріема метафизики, совсѣмъ устраняется и, при помощи непровѣримыхъ гипотезъ и эффектныхъ аналогій, избранное понятіе проводится во всѣ научныя дисциплины и, соотвѣтственно степени своей ненаучности или противонаучности, извращаетъ ихъ.

Не трудно видѣть, что образъ дѣйствій метафизики отвѣчаетъ одной только потребности пониманія и никакъ не можетъ привести къ знанію. Общее понятіе, произвольно избираемое метафизикою, какъ рѣшеніе основоначальнаго вопроса философіи, и представляетъ ту гипотезу, которая должна объяснить все, дать возможность понять все. Натуральный процессъ обыденнаго мышленія не нуждается въ бо́льшемъ удовлетвореніи, а познаваніе, остающееся при этомъ съ результатомъ равнымъ нулю, эксплуатируется посредствомъ отождествленія его съ мышленіемъ. Гипотеза, по самому способу своего образованія, остается не доказанною и не доказуемою; все возникшее изъ нея построеніе лишается самомалѣйшей достовѣрности, и метафизическая система, изъ всего этого организованная, никогда не можетъ перейти отъ пониманія къ знанію и наполнить пустую форму реальнымъ содержаніемъ. Внѣшняя связность ея и проистекающая изъ нея готовность отвѣчать на всѣ вопросы можетъ производить обаяніе на людей, „не испорченныхъ“ наукою, но не можетъ представить никакого сопротивленія требованіямъ научной критики и распадается поэтому при малѣйшемъ прикосновеніи этой послѣдней.

Таково соотношеніе между философіеи и отдѣльными ограслями знанія при различныхъ условіяхъ ихъ построенія и таково, разумѣется, говоря вообще, и соотношеніе между философіею и психологіею, помимо тѣхъ особенностей, которыя обусловлены индивидуальностью этой науки и на которыя я укажу ниже.

Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ періодъ господства обыденнаго мышленія, какъ въ формѣ наивно-мистическои, такъ и въ формѣ, осложненной метафизическими умозрѣніями, психологія совершенно чужда мысли о необходимости какихъ бы то ни было изслѣдованій. Все содержаніе этой науки выводится прямо изъ высшаго, руководящаго ея понятія, образованіе котораго, въ свою очередь, всецѣло обусловлено соотвѣтственнымъ міросозерцаніемъ, тою мистическою или метафизическою системою, въ нѣдрахъ которой предстоитъ возникнуть и развиться искомому психологическому ученію. Такъ какъ понятія въ системахъ такого рода смѣшиваются съ представленіями и обыкновенно объективируются, то вмѣстѣ съ установленіемъ руководящаго понятія предполагается существованіе такого объекта, который служитъ къ объясненію всѣхъ безъ исключенія конкретныхъ явленій, даетъ возможность понимать все, что только можетъ быть доступнымъ обыденной наблюдательности. Психологія, содержаніе которой является, такимъ образомъ, вполнѣ обусловленнымъ руководящимъ метафизическимъ или мистическимъ понятіемъ, не даетъ и не можетъ дать ничего для содержанія философіи. Можно утверждать, конечно, что и для самой себя она даетъ не болѣе, такъ какъ, собственно говоря, это только мнимая психологія, одна формальная сторона ея. Альб. Ланге весьма вѣрно сравниваетъ представителя такой психологіи съ естествоиспытателемъ, который ранѣе всѣхъ изслѣдованій установилъ бы понятіе природы и затѣмъ считалъ бы только тѣ наблюденія цѣлесообразными, которыя находятся въ согласіи съ этимъ понятіемъ. Съ особенною ясностью, какъ замѣчаетъ онъ, обнаруживается несостоятельность такого порядка вещей въ частныхъ изслѣдованіяхъ: такъ, напримѣръ, что сталось бы съ изученіемъ электричества, магнетизма и т. д., если бы всѣмъ сдѣланнымъ до сихъ

поръ для изученія ихъ наблюденіямъ и опытамъ предшествовало установленіе понятія о томъ, что такое электричество, магнетизмъ и т. д. [1]).

Исторія философіи показываетъ намъ, что метафизическія системы всегда находились въ противорѣчіи между собою, и что, кромѣ того, въ нѣдрахъ ихъ самихъ заключалось также не мало совершенно несогласимыхъ и рѣзкихъ противорѣчій. Можно прослѣдить, какъ, подъ вліяніемъ стремленія къ устраненію этихъ противорѣчій, все болѣе и болѣе выдвигался впередъ вопросъ познаванія и какъ, подъ вліяніемъ возрастанія его значенія, постепенно сосредоточивалось вниманіе мыслителей на психологіи. Это обстоятельство вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ увеличеніемъ массы накопленныхъ наблюденій надъ психическими явленіями,—наблюденій, не всегда легко подчинявшихся принятой гипотезѣ, стало мало по малу придавать психологіи такое значеніе, которое явно указывало на близость освобожденія ея изъ подъ гнета метафизики и вступленія на путь самостоятельный. Первые шаги психологіи на этомъ пути не могли, однако-же, не быть ошибочными: наука эта въ своемъ новомъ положеніи не сразу нашла соотвѣтственныя своей задачѣ средства, не сразу могла какъ должно ориентироваться и, подъ вліяніемъ сосредоточенія вниманія философовъ на познавании, легко могла извратить смыслъ своего отношенія къ философіи, замѣнивъ одну ложь другою. И мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что, сдѣлавшись самостоятельною, психологія не перестаетъ, однако, оставаться метафизичною, такъ какъ она продолжаетъ стремиться къ пониманію и по прежнему строитъ гипотезы, не заботясь объ утвержденіи ихъ на реальной почвѣ, и не ставитъ себѣ задачею переходъ пониманія въ знаніе. Кромѣ того, все болѣе и болѣе подымая значеніе свое, какъ науки о познающемъ субъектѣ, она все рѣшительнѣе и смѣлѣе стремится къ узурпированію первенства въ философіи и кончаетъ тѣмъ, что мнитъ себя дѣйствительною и единою вершиною знанія и пытается вывести изъ понятія субъекта, изъ самого себя полагающаго „я“—все человѣческое знаніе. Реальное бытіе міра

[1]) Alb. Lange. Geschichte des Materialismus. 2 Aufl. II Buch. S. 376.

почитается мнимымъ: психологія, взявшая на себя первенствующую роль въ философіи, топитъ это бытіе въ творческой дѣятельности субъекта и низводитъ все сущее, кромѣ самого субъекта, до ничтожества, до грёзы самобытнаго „я". Идеализмъ грезъ (Traumidealismus) является послѣдовательнымъ и крайнимъ выраженіемъ новаго положенія психологіи. Смѣлость полета метафизическаго творчества находитъ въ немъ свое высшее выраженіе и онъ производитъ обаяніе до тѣхъ поръ, пока ясно не раскрывается грубая ошибка обыденнаго мышленія, служащая ему основаніемъ, и пока не переставшая развиваться наука не противопоставляетъ ему своихъ требованій, передъ которыми смѣшеніе мышленія и познаванія должно, очевидно, обнаружить если не для себя, то для всѣхъ прочно стоящихъ на научной точкѣ зрѣнія, свою полную несостоятельность.

Нельзя пройти молчаніемъ, однако-же, то обстоятельство, что узурпація мѣста философіи психологіею осталась не безъ нѣкотораго полезнаго результата: а именно, она окончательно подорвала значеніе „наивнаго реализма" и сдѣлала невозможнымъ возвращеніе къ дѣтски-первобытному смѣшенію представленій съ самыми явленіями. Вслѣдъ за идеализмомъ грёзъ, не хотѣвшимъ знать реальности этихъ явленій, возстановленіе ихъ могло вновь состояться уже только при новыхъ условіяхъ и дать совершенно новые результаты.

Возстановленіе значенія реальности явленій при новыхъ условіяхъ, о которыхъ я только-что упомянулъ, и совершается при посредствѣ опытной науки, которая, достигнувъ познанія посредствомъ опытнаго метода, указываетъ на этотъ методъ какъ на вѣрное средство къ достиженію познанія и въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ методъ этотъ еще не былъ прилагаемъ. Опытный методъ, поддерживаемый добытымъ имъ фактическимъ предвидѣніемъ и опирающійся на различеніе мышленія отъ познаванія, выставляетъ съ самою яркою очевидностью пустоту и безплодность творчества субъекта и заставляетъ психологію или остаться при этой пустотѣ и этомъ безплодіи, или спуститься съ узурпированной ею вершины знанія и, занявъ ту частную область, которая можетъ быть ей отмежована, приступить къ опытному

изученію этой области, къ выработкѣ положительнаго знанія, которымъ могла бы воспользоваться философія, какъ и всякимъ другимъ.

Сдѣлавъ указанный выше шагъ, психологія становится не только на путь къ самостоятельности, но и на путь къ научности. Будучи свободною отъ метафизическихъ иллюзій и руководствуясь тѣмъ же методомъ, что и всѣ опытныя науки, она перестаетъ довольствоваться пониманіемъ и должна завоевать дѣйствительное знаніе. Преслѣдуя эту задачу, она принуждена разъ навсегда отказаться отъ такого пониманія, которое не можетъ перейти въ знаніе, т.-е. отъ такихъ гипотезъ, область которыхъ лежитъ внѣ познаваемаго. Новыя гипотезы психологіи неизбѣжно переносятся въ область явленій, подлежащихъ наблюденію, связь которыхъ можетъ быть подведена рано или поздно подъ научную доказательность. Такими явленіями представляются, очевидно, явленія физіологическія и на нихъ и начинаетъ опираться новая психологія при разрѣшеніи всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые разрѣшались прежде одною силою метафизическаго творчества, т.-е. однимъ только мышленіемъ, что̀ хотя и удовлетворяло пониманіе, но не давало знанія.

Становясь въ рядъ другихъ частныхъ наукъ, принимая ихъ методъ и добиваясь результатовъ, равнозначущихъ ихъ результатамъ, психологія хотя и становится къ философіи въ тѣ же отношенія, что и другія частныя науки, т.-е. доставляетъ данныя для выработки понятія о мірѣ, сохраняетъ, однако-же, и свою индивидуальную особенность, заключающуюся въ томъ, что изучаемая ею психическая дѣятельность, представляя частную область изученія, не теряетъ отъ того своего общаго значенія, такъ какъ всякое знаніе предполагаетъ мышленіе, предполагаетъ психическую дѣятельность. Психологія, въ силу этой исключительно ей свойственной индивидуальной черты, имѣетъ по отношенію къ философіи кромѣ общаго еще и особенное отношеніе, служа основаніемъ для теоріи познаванія.

Изъ этого видно, что психологія въ порядкѣ историческаго развитія наукъ является одною изъ позднѣйшихъ; но въ порядкѣ дидактическаго изложенія должна быть поставлена ранѣе дру-

гихъ, такъ какъ безъ помощи знаній, ею доставляемыхъ, не можетъ быть изложена теорія познаванія, знаніе которой, въ свою очередь, необходимо при изученіи всѣхъ наукъ. Только тѣ позитивисты, которые вѣруютъ въ универсальное значеніе своей схемы и кромѣ ея не знаютъ ровно ничего, могутъ найти расхожденіе дидактическаго и историческаго порядка несогласнымъ съ истиною, и они одни только изъ указаннаго выше дидактическаго порядка могутъ вывести заключеніе о тождествѣ такого построенія съ метафизическими системами, выводившими изъ „я“ весь строй знанія. Послѣднее заключеніе и было уже сдѣлано однимъ изъ нихъ, къ чести позитивизма, впрочемъ, однимъ изъ „недалекихъ“.

Теперь вопросъ о научномъ значеніи психологіи получаетъ постановку гораздо болѣе опредѣленную, чѣмъ та огульная, о которой я упомянулъ въ началѣ письма, а вслѣдъ затѣмъ и отвѣтъ нашъ долженъ дать нѣкоторыя дополненія къ голому „да“, или такому же „нѣтъ“. Мы можемъ сказать теперь, что психологія еще не установилась какъ наука, что она не имѣетъ еще значенія, равнаго значенію механики, астрономіи или физики, но за то психологія настоящаго времени не имѣетъ ничего общаго съ тою, которая такъ долго не могла найти выхода изъ ложнаго круга метафизики; современная психологія находится на вѣрномъ пути, именно на томъ пути, который ведетъ къ установленію ея на незыблемыхъ основаніяхъ научнаго метода и который приведетъ ее къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ онъ привелъ механику, астрономію, физику и другія положительныя науки. Сохранившіеся остатки старой психологіи нисколько не вредятъ дѣлу новой, нисколько не мѣшаютъ ей приближаться болѣе и болѣе къ своей цѣли, такъ какъ остатки эти всѣмъ существомъ своимъ связаны съ прошедшимъ и, въ силу этой связи, будучи осуждены на повтореніе извѣстнаго и пережитаго, лишены всякой жизненности, всякаго задатка къ развитію. Затѣмъ, множество неспѣвшихся еще научныхъ направленій представляютъ собою то исканіе истины, которое предшествуетъ установленію науки; всѣ эти направленія имѣютъ значеніе болѣе или менѣе приближающихся къ идеалу этой науки попытокъ,

и каждое изъ нихъ можетъ внести въ будущую науку свой болѣе или менѣе цѣнный вкладъ.

Несомнѣнно, что идеалъ научной психологіи у насъ уже есть и что мы можемъ уже говорить о психологіи, какъ наукѣ, и можемъ указать на такія психологическія теоріи, которыя имѣютъ всѣ права на противопоставленіе ихъ теоріямъ метафизическимъ, и въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ установившейся уже науки, могутъ называться научными.

Такъ какъ психологія, отрѣшившаяся отъ метафизики, ставитъ себѣ задачею выработку научнаго знанія и средствомъ для этого избираетъ общій всѣмъ опытнымъ наукамъ методъ, то ей предстоитъ сознать ясно свою противоположность старой психологіи и дѣйствительно начать свое дѣло за-ново. Прежде всего ей необходимо, какъ это весьма вѣрно замѣтилъ Альб. Ланге [1]), рѣшительно устранить всѣ школьныя понятія обыденной психологіи, всѣ умозрительныя положенія, запутывавшія и затемнявшія задачу науки. Удержаніе этихъ понятій и положеній, ничего общаго съ наукою не имѣющихъ, можетъ только погубить ее. И хотя никогда не ослабѣвающая живость интереса къ психологическимъ вопросамъ слишкомъ рано внѣдряетъ всякому готовыя рѣшенія ихъ, и хотя забыть эти рѣшенія, какъ и вообще все, разъ заученное, очень трудно, но преодолѣніе этой трудности составляетъ первое условіе жизни и успѣховъ новой научной психологіи. Нѣкоторые старые термины могутъ, конечно, остаться, какъ они остались и въ другихъ наукахъ, но, сохраняя ихъ, не слѣдуетъ допускать сбивчивости въ содержаніи означаемыхъ ими понятій; опасность, происходящая отъ такой сбивчивости, должна служить постояннымъ предостереженіемъ для тѣхъ, которые вмѣстѣ съ мѣхами старыми не желаютъ получить и вина стараго.

Освободясь отъ старыхъ понятій, новая психологія не должна дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя могутъ привести къ возстановленію этихъ понятій или къ выработкѣ такихъ, которыя были бы равны имъ по отношенію къ научному своему значенію. Цѣлью новой

---

[1]) Id S. 325.

психологіи должно быть знаніе, и потому она не должна, подобно психологіи метафизической, удовлетворяться однимъ пониманіемъ и успокоиваться, какъ на лаврахъ, на гипотезахъ, объясняющихъ тѣ или другія изъ изучаемыхъ ею явленій. Гипостазированіе понятій и измышленіе сущностей, долженствующихъ исчерпать всякую загадочность, но въ дѣйствительности только создающихъ новыя трудности, должно быть, само собою разумѣется, оставлено окончательно. Объяснительныя гипотезы, какъ я и имѣлъ уже случай замѣтить, должны быть перенесены въ ту область, которая можетъ подлежать наблюденію и доставить рано или поздно гипотезамъ этимъ возможность перехода въ полную научную достовѣрность. Мы знаемъ, что новая психологія и работаетъ именно въ этомъ направленіи, и работаетъ весьма успѣшно. Русская публика хорошо знакома съ характеромъ этихъ работъ по трудамъ г. Сѣченова, весьма вѣрно понимающаго свою задачу, заключающуюся, какъ онъ самъ говоритъ, въ установленіи гипотезы о способѣ происхожденія типическихъ формъ психическихъ процессовъ мысли и страсти, и совершенно правильно оцѣнивающаго значеніе результатовъ рѣшенія этой задачи, заключающихся, по его словамъ, въ сведеніи способа происхожденія психическихъ явленій на физіологическія основы [1]). Всѣ тѣ части „Этюдовъ“ г. Сѣченова, которыя держатся въ предѣлахъ этой задачи, не переходя сознательно или безсознательно въ сопредѣльныя области, содержатъ много поучительнаго и достойнаго самаго серьёзнаго вниманія всѣхъ, не безразлично относящихся къ успѣхамъ научной психологіи.

При сведеніи психическихъ явленій на ихъ физіологическія основы можетъ случиться, и уже случалось, что изслѣдованіе основъ разростается въ ущербъ изслѣдованію самаго явленія, идетъ рядомъ съ путанымъ изслѣдованіемъ характера и связи этихъ явленій, или же совсѣмъ вытѣсняетъ его какъ нѣчто излишнее. Такое поглощеніе психологіи физіологіею является у тѣхъ изслѣдователей, которые, упустивъ изъ виду различіе знанія

[1]) И. Сѣченовъ. Психологическіе этюды. 1873, стр. 117.

отъ пониманія, считаютъ дѣло свое покончеинымъ разрѣшеніемъ вопроса о послѣднемъ. Пониманіе ихъ не имѣетъ, правда, ничего общаго съ пониманіемъ метафизиковъ, такъ какъ факты, избранные для объясненія происхожденія данныхъ явленій, подлежатъ наблюденію, и ихъ пониманіе, какъ я и имѣлъ уже случаи замѣтить, можетъ перейти въ знаніе, когда гипотезы ихъ получатъ научную достовѣрность. Но не слѣдуетъ, однако-же, забывать, что это знаніе будетъ знаніемъ происхожденія явленіи, а не знаніемъ самыхъ явленій, и удовлетворитъ стремленіе къ пониманію не вполнѣ, такъ какъ явленія, признанныя за основы данныхъ, могутъ имѣть свои основы, сведеніе къ которымъ и потребуется послѣдовательнымъ стремленіемъ къ пониманію. Такъ, физіологическія явленія, въ смыслѣ основы явленій психическихъ могутъ быть сведены къ явленіямъ механическимъ, какъ на это и указываетъ Альб. Ланге, говоря о современной психологіи [1]). Сведеніе психическаго явленія къ его физіологическимъ основамъ устраняетъ только предполагавшееся единство содержанія этого явленія, устраняетъ ту метафизическую сущность, которою прежде объяснялось это явленіе, но не устраняетъ самаго явленія и оставляетъ вполнѣ обязательнымъ его изученіе. Самое явленіе должно остаться предметомъ изученія, разсматриваясь со стороны единства формы, т.-е. единства характера и образа существованія всѣхъ входящихъ въ составъ его основныхъ явленіи, и наука поэтому не имѣетъ права не изучать его какъ комплексъ, представляющій такого рода единство. На самомъ дѣлѣ, если только не теряется изъ виду возможность сведенія всѣхъ психологическихъ явленій къ ихъ физіологическимъ основамъ, то изслѣдованіе второй части вопроса можетъ быть и обойдено и все вниманіе сосредоточено на первой, посвященной психологіи въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. изученію характера и соотношенію психическихъ явленій, взятыхъ со стороны формальнаго ихъ единства, указаннаго выше. Если бы при этомъ предъявленъ былъ упрекъ въ ненаучности такого пріема на томъ основаніи, что вопросъ объ основахъ явленій былъ обойденъ,

[1]) Geschichte des Materialismus S. 394.

то вмѣстѣ съ Альбертомъ Ланге [1]) можно было бы возразить, что научная устойчивость положенія, говоря вообще, находится въ полной независимости отъ сведенія изучаемыхъ явленій къ ихъ основамъ. Еслибы такое сведеніе было необходимо, то и законы физіологіи слѣдовало бы считать лишенными устойчивости по той причинѣ, что явленія физіологическія сводятся къ механикѣ атомовъ, въ которой лежатъ послѣднія основы всѣхъ естественныхъ явленій. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наука можетъ изучать опредѣленныя психическія явленія безъ необходимости сводить ихъ къ ихъ основамъ, но что она не должна только терять при этомъ изъ виду ихъ связь съ этими основами и характеръ явленій, этою связью обусловливаемый. Область наблюденія останется затѣмъ открытою для полнаго и всесторонняго приложенія научнаго метода, и изъ понятія о границахъ науки устранится путаница и неопредѣленность.

Чтобы придать болѣе ясности предшествовавшему взгляду на различіе вопроса о сведеніи однихъ явленій на другія отъ вопроса о самыхъ явленіяхъ, я укажу вамъ на примѣры, ясно обрисовывающіе это различіе. Сопоставимъ, напримѣръ, состояніе организма во время сна съ состояніемъ его во время бодрствованія, или, иначе, безсознательную дѣятельность организма отъ сознательной, и намъ со всею очевидностью представятся всѣ характеристическія особенности той и другой, возникновеніе и смѣна представленій въ состояніи бодрствованія рѣзко отдѣлятся отъ возникновенія и смѣны ихъ во время сна и т. д. Но если содержаніе нашего сознанія въ одинъ изъ этихъ моментовъ такъ рѣзко противоположно содержанію въ другой моментъ, если взятое само по себѣ одно содержаніе относится къ другому какъ дѣйствительность къ фантасмагоріи, то, сводя къ физіологическимъ основамъ, къ соотвѣтственнымъ біологическимъ процессамъ организма, и то, и другое содержаніе, напротивъ, совершенно уравниваются, сливаются въ одной общей дѣятельности психо-физическаго механизма и не даютъ ужъ болѣе никакого

[1]) Id. S 394.

повода говорить о противоположности связнаго хода представленій спутаной и безпорядочной смѣнѣ ихъ. Возьмемъ новѣйшую гипотезу Прейэра, сводящаго сознательную психическую дѣятельность на поглощеніе кислорода клѣточками мозга [1]. мы видимъ. что гипотеза эта, при всемъ значеніи ея для науки и при сокрушительности силы ея по отношенію къ мистическимъ теоріямъ, оставляетъ въ сторонѣ указанное выше противопоставленіе и вмѣстѣ съ объясненіемъ явленій не даетъ знанія ихъ. Еще осязательнѣе является различіе, о которомъ идетъ рѣчь, въ изученіи языка. Здѣсь сведеніе явленія на его физіологическія основы даетъ содержаніе отдѣльной наукѣ — наукѣ о языкѣ (Sprachwissenschaft, Science du langage) или глотикѣ, какъ назвалъ ее Шлейхеръ; изученіе же самаго явленія составляетъ матеріалъ филологіи. Возьмите лекціи Макса Мюллера, и вамъ представится различіе это во всеи его разительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ вы увидите здѣсь и точки соприкосновенія обѣихъ наукъ. Болѣе сжатое изложеніе новѣйшимъ данныхъ по этому вопросу вы найдете у Бернгарда Юльга, а сопоставленіе изслѣдованія физіологическихъ основъ языка съ аномаліями, въ немъ встрѣчающимися, у Кусмауля [2]). Вдумываніе въ различеніе. о которомъ говорятъ эти сочиненія, приведетъ къ вполнѣ сознанному убѣжденію, что сведеніе психологическихъ явленій къ ихъ физіологическимъ основамъ не только не исчерпываетъ задачи психологіи, но даже и не прикасается къ ней, и составляетъ только подготовленіе къ ея рѣшенію или дополненіе, имѣющее тѣмъ бо́льшую важность, чѣмъ болѣе имѣемъ мы основаніе опасаться вторженія въ нашу науку метафизическихъ и мистическихъ теорій.

---

[1]) W. Preyer. Ueber die Ursache des Schlafes 1877.

[2]) Max Muller. La science du langage. 1867.—Id. Nouvelles leçons sur la science du langage. 1868.—Bernhard Julg. Ueber Wesen und Aufgabe der Sprachwissenschaft mit einem Ueberblick ueber die Hauptergebnisse derselben. 1868.—A. Kussmaul. Die Storungen der Sprache. Versuch einer pathologie der Sprache 1877.

ПИСЬМО X.

Задача психологіи отличается отъ задачи всѣхъ другихъ наукъ прежде всего тѣмъ, что психологія имѣетъ цѣлью познать самого познающаго. Изъ этого видно, что воспріятія, служащія въ психологіи для образованія представленій, могутъ быть не только внѣшними, но и внутренними, т.-е. исходить не только изъ наблюденія, но и изъ самонаблюденія. Только посредствомъ самонаблюденія можемъ мы познавать функціи нашего организма въ томъ формальномъ единствѣ, о которомъ говорено было въ предшествовавшемъ письмѣ, и безъ котораго не существовало бы повода для установленія отдѣльной отъ физіологіи научной дисциплины. Физіологи могли бы потратить сколько угодно времени на изученіе дѣятельности нервной системы и не въ состояніи были бы, по вѣрному замѣчанію Рибо [1]), опредѣлить, что́ такое пріятное или непріятное ощущеніе, если бы они не испытывали ихъ сами. Подобно людямъ, пробѣгающимъ улицы города по всѣмъ направленіямъ и не знающимъ, что́ дѣлается внутри домовъ, могутъ они слѣдить за дѣятельностью организма и не знать того, что именно и слѣдуетъ знать психологу. Самонаблюденіе, какъ видно изъ этого, ничѣмъ не замѣнимо, и отрицаніе его значенія, какъ это дѣлаетъ Ог. Контъ въ своей „Системѣ

[1]) Th. Ribot. La psychologie anglaise contemporaine. 2-me édition. 1875. p. 26.

позитивной философіи", не можемъ ни въ чемъ найти себѣ оправданія и въ результатѣ даетъ ту первобытную и наивную психологію, которая даже и по мнѣнію почитателей Конта составляетъ одно изъ слабѣйшихъ мѣстъ его системы.

Но если отрицаніе всякаго значенія самонаблюденія губитъ дѣло психологіи, то и ограниченія области наблюденія однимъ самонаблюденіемъ является также не менѣе пагубнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ безконтрольно проникаютъ въ науку всевозможныя иллюзіи. Не надо забывать, что внѣшнее и внутреннее наблюденіе совсѣмъ и не распадаются въ дѣйствительности въ такой мѣрѣ, чтобы мы могли, не обманывая себя, принять къ руководству исключительно одно изъ нихъ, вполнѣ отбросивъ другое. Живая связь ихъ должна служить намъ неизмѣннымъ основаніемъ при всѣхъ психилогическихъ наблюденіяхъ и, только опираясь на нее, можемъ мы надѣяться на вѣрныя и прочныя пріобрѣтенія. „Одинъ только индуктивный методъ—говоритъ К. Гёрингъ—можетъ быть съ успѣхомъ приложимъ къ психологическимъ изслѣдованіямъ, что давно уже было потверждаемо и философами. Еще во время процвѣтанія апріорныхъ построеній, Гербартъ, стоявшій тогда одиноко со своимъ требованіемъ научной обработки для психологіи, въ самомъ началѣ своей „Lehrbuch zur Psychologie", говоритъ такъ: „внутреннее воспріятіе, обращеніе съ людьми различныхъ степеней образованности, наблюденія воспитателя и государственнаго человѣка, описанія путешественниковъ, историковъ, поэтовъ и моралистовъ, наконецъ, опыты надъ помѣшанными, больными и животными, даютъ содержаніе психологіи". Бенеке также возлагалъ большія надежды на индуктивный методъ, но превосходство этого метода оказалось у него призрачнымъ именно потому, что онъ полагалъ возможнымъ исчерпать всѣ вопросы психологіи посредствомъ одного только самонаблюденія" .[1]).

Навязываніе самонаблюденію исключительнаго значенія Гёрингъ справедливо считаетъ злоупотребленіемъ и указываетъ, въ подтвержденіе своего взгляда, на то смѣшеніе понятій, ко-

[1]) C. Goring. System etc. I. S. 43—44.

горое является у образованныхъ людей, когда они принимаютъ за общее для всѣхъ людей то, что находятъ въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ, идеальныя требованія мистическихъ ученій, морали, науки, могутъ представиться осуществленными самою природою, существующими ранѣе всякаго опыта, апріорными. Такого рода ошибки особенно легко совершаются по отношенію къ законамъ мышленія, и рѣзко расходящіяся между собою пути мышленія — путь научный и путь обыденный — сливаются тогда во-едино въ апріорныхъ формахъ мышленія, равно присущихъ будто бы всякому человѣческому уму „Наблюденіе надъ первымъ необразованнымъ человѣкомъ—говоритъ Герингъ—могло бы тотчасъ же привести къ противоположному результату". На этомъ основаніи Герингъ считаетъ наблюденія надъ людьми, обрѣтающимися еще въ естественномъ состояніи, тѣмъ основнымъ психологическимъ матеріаломъ, не изучивъ которыя мы не можемъ правильно судить ни о своихъ собственныхъ психическихъ явленіяхъ, ни о тѣхъ, которыя мы наблюдаемъ у образованныхъ людей вообще.

Наблюденія надъ новорожденными получаютъ, такимъ образомъ, въ высшей степени важное значеніе. К. Герингъ, къ ознакомленію съ психологической теоріей котораго я и намѣренъ теперь приступить, начинаетъ изложеніе этой теоріи резюмированіемъ наблюденій д-ра Кусмауля [1]). До 1874 года, какъ говоритъ Герингъ, и какъ это потверждаетъ А. Ланге, только и можно было указать на одни эти наблюденія. Да и до сихъ поръ о нихъ можно сказать почти тоже, такъ какъ появившіяся съ тѣхъ поръ статьи Дарвина и Тэна объ этомъ же предметѣ не прибавляютъ ничего новаго къ наблюденіямъ Кусмауля [2]). Дарвинъ даетъ однѣ лишь бѣглыя замѣтки, веденныя имъ изо дня въ день и впослѣдствіи не обработанныя. Тэнъ же имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, развитіе языка и очень мало говоритъ о

[1]) Untersuchungen uber das Seelenleben des neugeborenen Menschen. Von Dr. Adolf Kussmaul. 1859.

[2]) Ch. Darwin. Esquisse biographique d'un petit enfant. (Revue scientifique, 1877. № 2).—H. Taine. Acquisition du langage. (Revue philosophique, 1876. № 1).

томъ, что прямо не относится къ этому вопросу. Слѣдуетъ замѣтить однако-же, что наблюденія Дарвина и Тэна не только не противорѣчатъ наблюденіямъ Кусмауля, но во многихъ отношеніяхъ представляютъ прямое ихъ подтвержденіе.

Принимая во вниманіе важное значеніе наблюденій Кусмауля, краткость резюме его брошюры у Геринга и полную неизвѣстность ея у насъ, я передамъ вамъ содержаніе этой брошюры съ нѣкоторою подробностью.

Небольшая брошюрка Кусмауля начинается разграниченіемъ психическихъ явленій и явленій собственно органическихъ. „Я называю психическими явленіями—говоритъ Кусмауль—ощущеніе, представленіе, мышленіе и хотѣніе; что же касается питанія, роста и рожденія, то ихъ я отношу къ явленіямъ органическимъ. Движеніе я считаю явленіемъ психическимъ только тогда, когда оно исходитъ изъ ощущенія, представленія, мышленія или хотѣнія". Вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ на трудность опредѣленія психическихъ явленій другихъ существъ, такъ какъ явленія эти могутъ познаваться нами только чрезъ посредство движеній этихъ существъ, а не непосредственно чрезъ сознаніе, какъ наши собственныя. „Одно и то же движеніе можетъ быть обусловлено какъ психически, такъ и механически—говоритъ онъ—простое заключеніе по сходству формъ явленій недостаточно для утвержденія, что въ данномъ случаѣ психическая дѣятельность имѣетъ мѣсто. Слѣдуетъ, напротивъ того, доказать, что разсматриваемое движеніе или рядъ движеній не можетъ опредѣляться механическими условіями какъ по формѣ явленій, такъ и по взаимной связи между ними. Даже и въ томъ случаѣ, когда къ сходству формы мы можемъ присоединить еще сходство внѣшняго повода къ движенію, мы не можемъ еще пріобрѣсти полной увѣренности по отношенію къ значенію психическихъ условій въ этомъ случаѣ. Одинъ и тотъ же внѣшній поводъ можетъ приводить въ движеніе механическіе аппараты тѣла то непосредственно, то чрезъ посредство психическихъ элементовъ организма (ощущенія, хотѣнія, представленія и мышленія). Должно быть доказано еще, что внѣшній поводъ можетъ вообще или въ одномъ лишь данномъ случаѣ обусловить движеніе только психически. Наконецъ,

и наружная цѣлесообразность движенія не можетъ еще считаться безусловнымъ признакомъ ея психическаго происхожденія. Аппараты движенія одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлъ могутъ быть очень многосложны, и устроиство ихъ можетъ быть въ высшей степени цѣлесообразно и искусно и, смотря по обстоятельствамъ, приводимо въ движеніе какъ механическимъ, такъ и психическимъ двигателемъ съ одинаковою легкостью. Въ обоихъ случаяхъ движеніе можетъ казаться совершенно цѣлесообразнымъ. Чтобы предохранить себя отъ грубыхъ ошибокъ, необходимо доказать, что цѣлесообразность заключается не въ самыхъ механизмахъ аппаратовъ движенія, какъ это было въ автоматахъ Дроза и Вокансона, но что механизмы эти только цѣлесообразно употребляются для произведенія задуманнымъ движеніи. Ошибка при избраніи средства можетъ доказывать присутствіе психической дѣятельности болѣе, нежели кажущаяся цѣлесообразность, съ которою работаетъ машина искуснѣйшаго устройства". Вотъ причины, которыя по мнѣнію Кусмауля препятствуютъ точному опредѣленію психическаго происхожденія движеній и преодолѣніе которыхъ очень часто невозможно. Онѣ объясняютъ ту шаткость, которая замѣчается даже въ настоящее время у физіологовъ, всегда, когда приходится характеризовать дѣйствія не только низшихъ животныхъ, но даже и человѣка, если только сознаніе его слабо или омрачено. Такимъ же образомъ объясняются и противорѣчія въ изслѣдованіяхъ даже извѣстнѣйшихъ испытателей по отношенію къ дѣйствіямъ животныхъ высшихъ. Метафизическія теоріи и предубѣжденія традиціи, такъ же какъ и слишкомъ поспѣшныя гипотезы, играютъ, конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ не послѣднюю роль. Имѣя въ виду всѣ эти трудности, Кусмауль вооружился всѣми возможными предосторожностями при производствѣ своихъ опытовъ и наблюденій. „Чѣмъ тверже установится индуктивный методъ въ области психологіи — говоритъ онъ—чѣмъ болѣе освѣтятся законы нервной дѣятельности, чѣмъ безпристрастнѣе и чѣмъ свободнѣе отъ предвзятыхъ мнѣній метафизики будутъ приступать умы къ изслѣдованію дѣйствительности, тѣмъ

скорѣе исчезнетъ туманъ, скрывающіи отъ насъ законы нашей высшей, психической дѣятельности".

Наблюденія Кусмауля были произведены надъ двадцатью слишкомъ новорожденными и дали въ общемъ слѣдующіе результаты. Вкусъ, осязаніе, обоняніе, ощущеніе тепла и холода найдены сравнительно сильно развитыми, свѣтъ ощущается уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія; при слабой степени свѣта онъ производитъ пріятное чувство, при сильной—непріятное. Сводить зрительныя оси на предметѣ и при такомъ положеніи осей передвигать глаза или вслѣдъ за движеніемъ предмета, или съ одной точки предмета на другую, выучивается ребенокъ гораздо позже.—какъ можно полагать, черезъ три недѣли и болѣе, иногда недѣль черезъ шесть. Изъ всѣхъ чувствъ долѣе другихъ не пробуждается слухъ: новорожденные не обнаруживаютъ долго никакихъ признаковъ вліянія на нихъ звуковъ, какъ бы звуки ни были дисгармоничны. Наблюденіе это встрѣтило, однако, нѣсколько исключительныхъ случаевъ, когда дѣти обнаруживали присутствіе чувства слуха уже черезъ три дня послѣ рожденія. (Наблюденія Дарвина надъ его сыномъ и нѣсколькими другими дѣтьми также обнаружили довольно раннее развитіе слуха.) Мускульное чувство имѣетъ мѣсто, по мнѣнію Кусмауля, еще до рожденія. Таковы положительные результаты наблюденія по отношенію къ ощущеніямъ и чувствамъ. Побужденія или хотѣнія новорожденныхъ ограничиваются голодомъ и жаждою, которыя обнаруживаются черезъ промежутокъ отъ 6 до 24 часовъ послѣ рожденія разными тѣлодвиженіями, явно указывающими на ихъ источникъ.

Обозрѣвая всѣ наблюдавшіяся движенія новорожденныхъ, Кусмауль замѣчаетъ, что психическое достоинство ихъ весьма различно. На самой низкой степени стоитъ, конечно, моргаиіе. Движеніе это, какъ знаемъ мы по самонаблюденію, остается всегда изъятымъ изъ круга нашего непосредственнаго воспріятія и никогда не можетъ быть видоизмѣнено нами по произволу. Оно представляетъ намъ простѣйшій случай рефлекса, чистый рефлексъ, при которомъ возбужденіе чувствующаго нерва производитъ мускульное движеніе самымъ ближайшимъ

путемъ. Кромѣ ощущенія свѣта или темноты, которое сопровождаетъ это возбужденіе и при которомъ самое слабое сознаніе едва лишь можетъ быть мыслимо, никакая психологическая дѣятельность не сочетается съ этимъ актомъ, и тѣмъ менѣе можетъ быть она предположена какъ промежуточный моментъ между ощущеніемъ и движеніемъ.

Инымъ, болѣе сложнымъ, представляется дѣло въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, рука хватаетъ предметъ, которымъ ее пощекотали, когда губы сосутъ палецъ или грудь, когда возникаютъ мимическія движенія вслѣдъ за ощущеніемъ вкуса хиннаго раствора или когда вѣки закрываются отъ яркаго свѣта. И въ этихъ случаяхъ также движеніе сводится на рефлексъ; но къ ощущенію, обусловливающему этотъ рефлексъ, присоединяется не только сознаніе ощущенія, но и сознаніе произведеннаго движенія и, кромѣ того, мускульныя чувства, чувства удовольствія и неудовольствія, соединенныя съ соотвѣтственными стремленіями, затѣмъ постепенно возникаютъ простѣйшія представленія и, наконецъ, воля научается обуздывать эти движенія или, смотря по обстоятельствамъ, совсѣмъ подавлять ихъ или же усиливать, словомъ—регулировать въ интересахъ индивида.

На высшей ступени стоятъ, по мысли Кусмауля, тѣ движенія, которыя осуществляются окольнымъ путемъ, черезъ посредство представленій и побужденій, возникшихъ изъ ощущеній. Такъ, когда голодное дитя ищетъ пищи и поворачиваетъ голову въ ту сторону, съ которой погладятъ его щеку пальцемъ, хватаетъ палецъ этотъ губами и сосетъ его, то такія движенія не могутъ уже быть выведены изъ рефлексовъ, и для объясненія ихъ требуется обратить вниманіе на посредствующую роль представленій. Источникъ этихъ движеній можетъ заключаться лишь въ умственной дѣятельности дитяти; онъ предполагаетъ извѣстный выборъ средствъ, которыми располагаетъ индивидъ для удовлетворенія своихъ побужденій.

Человѣкъ рождается съ весьма развитымъ чувствующимъ аппаратомъ, дающимъ ему возможность испытывать вліяніе всего того, что совершается какъ внѣ его, такъ и въ немъ самомъ; кромѣ того, онъ обладаетъ еще бо́льшимъ числомъ превосходно

устроенныхъ, весьма сложныхъ двигательныхъ аппаратовъ, приводить въ движеніе которые стоитъ ему только выучиться для того, чтобы пользоваться ими всегда, когда онъ находитъ въ томъ нужду; механизмы же устроены такъ, что, будучи приведены въ движеніе, они дѣйствуютъ сами совершенно цѣлесообразно, безъ всякаго посторонняго пособія. Новорожденный, впрочемъ, не только обладаетъ превосходнѣйшими орудіями и умѣньемъ ими управлять, но уже въ утробѣ матери пользуется частью этихъ средствъ и, несмотря на неблагопріятныя условія среды, накопляетъ уже нѣкоторый опытъ и пріобрѣтаетъ нѣкоторую сноровку. Нельзя сомнѣваться, утверждаетъ Кусмауль, что человѣкъ является на свѣтъ съ темнымъ представленіемъ внѣшняго „нѣчто“, съ извѣстнымъ представленіемъ пространства, со способностью локализировать извѣстныя осязательныя ощущенія и съ извѣстною властью надъ своими движеніями. Только такимъ образомъ объясняется тотъ подтвержденный наблюденіемъ фактъ, что новорожденный ищетъ пищи ранѣе, чѣмъ ему всунутъ въ ротъ сосокъ, и обращается въ своихъ пеленкахъ именно въ ту сторону, съ которой осязательныя ощущенія будутъ сильнѣе. „Этотъ поразительный фактъ—говоритъ Кусмауль—можетъ быть объясненъ только при помощи предположенія, что новорожденный обладаетъ темнымъ представленіемъ внѣшняго „нѣчто“, способнаго устранить непріятное чувство голода или жажды при посредствѣ]та, и что онъ въ состояніи опредѣлить мѣсто, до котораго соприкасается постороннее тѣло, и, наконецъ, что онъ умѣетъ уже обращать голову произвольно то въ ту, то въ другую сторону“.

Кусмауль нисколько не сомнѣвается въ возможности для новорожденнаго накопленія въ утробѣ матери опыта, съ которымъ новорожденный и является на свѣтъ. Кусмауль объясняетъ это осязательными и вкусовыми ощущеніями, которыя несомнѣнно имѣютъ мѣсто до рожденія. Но мы не должны однако воображать, что новорожденный способенъ обнаруживать сознательныя проявленія воли, опирающейся на сужденіе. Такую способность вырабатываетъ человѣкъ съ большимъ трудомъ и очень не скоро. Съ достовѣрностью можно утверждать, что у новорожденнаго

проявляются только дѣйствія, вызываемыя побужденіями и ассоціаціей извѣстныхъ ощущеній съ простѣйшими представленіями, и что дѣйствія эти сопровождается такою степенью сознанія, которая едва-ли можетъ быть поставлена выше степени сознанія, свойственной въ зрѣломъ возрастѣ человѣку, дѣйствующему въ просонкахъ. Въ данномъ случаѣ важна, впрочемъ, не эта сторона дѣла, а тотъ окончательный и вполнѣ вѣрный результатъ наблюденія, что представленія, какъ первый моментъ умственной дѣятельности, образуются постепенно: изъ ощущеній осязательныхъ и вкусовыхъ и изъ чувствъ голода и жажды—еще въ утробѣ матери, а изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ—уже послѣ рожденія. Представленія, такимъ образомъ, слѣдуютъ за ощущеніями и чувствами, и первыя проявленія умственной дѣятельности являются моментомъ вторичнымъ.

Въ новомъ сочиненіи своемъ, посвященномъ патологіи языка, Кусмауль потверждаетъ и по отношенію къ этому важнѣйшему проявленію психической дѣятельности тотъ основный выводъ, на который я только-что указалъ. Онъ говоритъ, что дѣти выучиваются говорить, не давая себѣ отчета, почему и какъ это должно дѣлать, единственно только подъ вліяніемъ безсознательнаго стремленія, руководимаго внѣшними указаніями. На первой ступени своего развитія, называемой Кусмаулемъ подготовительной, языкъ является, по его взгляду, лишь совокупностью выраженій чувствъ, междометій въ ихъ первобытнѣйшей формѣ, и только впослѣдствіи переходитъ къ сравнительно-высшей степени развитія. Такимъ образомъ, и въ развитіи языка обнаруживаются проявленія ощущеній, чувствъ и побужденій, какъ первичнаго момента, представленій и мышленія вообще, какъ момента вторичнаго.

Наблюденія Тэна, о которыхъ я упомянулъ выше, также находятся въ полномъ согласіи съ выводомъ, даваемымъ всею совокупность данныхъ Кусмауля; только у Тэна нѣтъ достаточной опредѣленности во взглядахъ, не видно вниманія къ тѣмъ сторонамъ явленія, которыя по отношенію къ первымъ шагамъ умственнаго развитія имѣютъ наибольшее значеніе. Тэнъ говоритъ, на-

примѣръ, что воспитанію принадлежитъ второстепенная роль при развитіи языка, воспитаніе, по словамъ Тэна, имѣетъ значеніе только направляющаго канала, „источникъ находится выше". Это неопредѣленное указаніе, по смыслу всѣхъ фактовъ, приводимыхъ Тэномъ, можетъ имѣть въ виду одни только побужденія, ощущенія и чувства; но Тэнъ, занятый, главнымъ образомъ, механизмомъ языка, проходитъ вскользь самый ранній періодъ развитія ребенка и слѣдитъ за нимъ вполнѣ обстоятельно только съ 12 мѣсячнаго возраста, когда представленія уже достаточно опредѣлились и мышленіе заняло весьма видное положеніе въ общей массѣ психическихъ явленій.

Дарвинъ своими наблюденіями еще гораздо рѣшительнѣе подтверждаетъ тѣ же выводы. Въ первые восемь дней своей внѣутробной жизни ребенокъ, по словамъ его, выполнялъ совершенно правильно всѣ рефлективныя движенія, каковы, напримѣръ, чиханіе, зѣвота, потягиваніе, сосаніе, крики. На восьмой день Дарвинъ пощекоталъ голую подошву его кусочкомъ бумаги. Ребенокъ сжалъ пальцы ноги и, такимъ образомъ, освободился отъ непріятнаго для него ощущенія. Подобное, повидимому, вполнѣ рефлективное движеніе показывало, по мнѣнію Дарвина, что причина несовершенства произвольныхъ движеній лежитъ не въ извѣстномъ состояніи мускуловъ или нервныхъ центровъ, а въ самомъ сѣдалищѣ воли. Всѣ вообще прищуриванія и вздрагиванія, которыя пришлось наблюдать въ теченіи первыхъ 124 дней жизни ребенка не могутъ быть по мнѣнію Дарвина приписаны опыту, потому что ребенокъ все это время не былъ въ состояніи узнавать, откуда происходилъ пугавшій его шумъ, и поворачивать туда глаза. Такимъ образомъ, въ первые дни по рожденіи, кромѣ проявленій побужденій и чувствъ, не было замѣчаемо никакихъ намековъ на умственную дѣятельность, первые признаки которой появились только послѣ ста слишкомъ дней послѣ рожденія дитяти. За постепеннымъ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ намъ нѣтъ теперь никакой надобности слѣдить, а потому въ настоящемъ случаѣ я и ограничусь приведенными выше указаніями.

Противъ вѣрности наблюденій Кусмауля, какъ говоритъ К.

Гёрингъ, не было представлено никакихъ возраженій, такъ что фактическая ихъ часть должна быть разсматриваема теперь какъ прочно установленная. Для того же, чтобы имѣть возможность слѣдить за тѣми заключеніями, которыя на основаніи этихъ фактовъ дѣлаетъ Гёрингъ, необходимо прежде всего ознакомиться съ установленнымъ имъ различеніемъ между ощущеніемъ, представленіемъ, мышленіемъ, чувствованіемъ и хотѣніемъ. Усвоеніе этого различенія необходимо, потому что наука не можетъ довольствоваться тѣми различеніями, которыя можетъ каждый установить непосредственно, и нуждается въ постоянствѣ и неизмѣнности значенія употребляемыхъ ею терминовъ. Научное различеніе тѣмъ еще болѣе необходимо, что опредѣленіе элементарныхъ психическихъ явленій по школьнымъ шаблонамъ осуществлено быть не можетъ, и описаніе ихъ должно преимущественно ограничиться отрицательными данными, доставляемыми ихъ различіемъ между собою.

Между терминами: чувство (Gefühl) и ощущеніе (Empfindung), употребляемыми нерѣдко какъ синонимы, Гёрингъ устанавляетъ слѣдующее различіе. Чувство охватываетъ удовольствіе и неудовольствіе, радость и горе, пріятныя и непріятныя аффекты, во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ и во всей ширинѣ ихъ проявленій; что же такое удовольствіе, неудовольствіе и т. д., это не можетъ быть опредѣлено никакимъ описаніемъ и должно быть „почувствовано“. Что касается ощущенія, то подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть всякое сознанное впечатлѣніе, производимое на тотъ или другой изъ нашихъ органовъ и не влекущее за собою ни удовольствія, ни неудовольствія, т.-е., какъ говорятъ обыкновенно, безразличное для субъекта.

Уже изъ прежнихъ моихъ писемъ вы знаете, что терминомъ представленіе (Vorstellung) обозначается воспроизведеніе ощущенія органовъ чувствъ (Sinnesorgane); теперь я обращу ваше вниманіе только на то, что, согласно опредѣленію этому, всякое удовольствіе, неудовольствіе и т. п. остается представленію совершенно чуждымъ. Вы знаете также, что терминъ мышленіе (Denken) прилагался всегда къ операціи надъ элементарными психическими данными, такъ что ложное мышленіе такъ же охва-

тывается имъ, какъ и правильное, не исключается, какъ это бо́льшею частью дѣлаютъ.

Наибольшія трудности представляетъ различеніе хотѣнія или воли (Begehren oder Wollen) отъ другихъ психическихъ явленій, а потому я и остановлюсь на немъ подолѣе.

Понятіе воли у психологовъ разныхъ школъ весьма часто смѣшивается съ понятіемъ выбора или рѣшенія. Смѣшеніе это нерѣдко стушовывается тѣмъ, что проявленіямъ воли въ различные моменты развитію индивида придаются различныя названія: инстинктивныя стремленія, желанія, хотѣнія, побужденія, и затѣмъ уже воля или даже свободная воля. Безъ точнаго опредѣленія всѣхъ этихъ терминовъ они могутъ показаться соотвѣтствующими реальностямъ и при отсутствіи критики надолго оставаться въ обращеніи, сохраняя смыслъ, неправильно имъ присвоенный. Не трудно видѣть однако-же, что всѣ сознательныя и безсознательныя проявленія, которыя мы называемъ стремленіями, хотѣніями, побужденіями и т. п., ничѣмъ не различаются отъ тѣхъ проявленій, которыя мы считаемъ проявленіями воли, и всѣ имѣютъ тотъ общій характеристическій признакъ, что всѣ одинаково направлены къ измѣненію настоящаго состоянія и устремлены къ будущему. Мы обобщаемъ всѣхъ ихъ въ понятіе воли, которая и является, такимъ образомъ, сравнительно-простымъ — а безъ сведенія къ физіологическимъ основамъ — элементарно-простымъ фактомъ нашей психической жизни, тогда какъ фактъ рѣшенія или выбора заключаетъ въ себѣ различные составные элементы, и въ числѣ ихъ—и элементъ воли. Выборъ, или рѣшеніе, какъ видно изъ этого, такой простоты имѣть не можетъ. Смѣшеніе очевидно, и произвольность устраненія анализа явленія, совмѣщающаго въ себѣ нѣсколько элементовъ, каково рѣшеніе, сразу бросается въ глаза. Безъ устраненія этого смѣшенія развитіе той психологической теоріи, въ которое оно впуталось, невозможно. Для подкрѣпленія сказаннаго замѣчу еще, что большая часть рѣшеній, принимаемыхъ человѣкомъ, наступаетъ только тогда, когда первое естественное побужденіе, т.-е. проявленіе воли, уже подавлено, и нельзя не признать поэтому, что выборъ и рѣшеніе могутъ очень часто прямо противополагаться волѣ.

Если въ этомъ случаѣ стараются сблизить актъ рѣшенія и актъ воли тѣмъ, что предполагаютъ въ субъектѣ два противоположныя направленія воли, и перевѣсъ одного направленія надъ другимъ приписываютъ вмѣшательству рѣшающаго разсудка и, такимъ образомъ, вводятъ, по крайней мѣрѣ, волю въ рѣшеніе, то какимъ образомъ, спрашивается, можетъ быть ослаблена противоположность воли и выбора въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности ввести въ выборъ элементъ воли? Такъ, если, напримѣръ, преисполненному желанія жить человѣку, приходится попасть въ такое положеніе, въ которомъ ему остается выбирать тотъ или другой родъ смерти? Итакъ, выбирать, рѣшать, можно и противъ воли, или, другими словами, воля можетъ стоять въ прямой противоположности къ принимаемому рѣшенію или дѣлаемому выбору [1]).

Что же касается отрицанія приведенной выше характеристической черты воли, заключающейся въ томъ, что она всегда устремлена къ будущему, то отрицаніе это отчасти находится въ связи съ только-что указаннымъ смѣшеніемъ понятій, отчасти зависитъ отъ недостатка анализа взятыхъ для примѣра конкретныхъ случаевъ. Такъ, утверждали, что „обманчивое отношеніе къ будущему нисколько не необходимо волѣ; данное состояніе, изъ котораго мы не хотимъ выходить или въ которомъ

[1]) Смѣшеніемъ понятій, на которыя я здѣсь указываю, грѣшитъ между прочимъ и Фрицъ Шульце, на сочиненіе котораго я указывалъ вамъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ. Ошибку Шульце не трудно исправить, обративъ вниманіе на то, что первобытный человѣкъ или дикарь, вслѣдствіе скудости представленій, которыми онъ обладаетъ, и низкой степени развитія мышленія, имѣетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможность осложнять принимаемыя имъ рѣшенія и дѣлаемые имъ выборы вмѣшательствомъ разсудка, а бо́льшею частью постановляетъ ихъ, соображаясь съ одними только хотѣніями, т.-е. переходитъ отъ этихъ послѣднихъ къ дѣйствію непосредственно. Итакъ, узость умственнаго горизонта и связанная съ ней непосредственность дѣятельности обусловливаетъ какъ простоту и элементарность удовлетворенія хотѣній дикаря, такъ и неумѣренность и необузданность этого удовлетворенія. Внесеніемъ указываемой мною поправки вполнѣ возстановляется согласованіе воззрѣній Шульце съ психологическою теоріею Геринга, и прекрасное изслѣдованіе Шульце о фетишизмѣ пріобрѣтаетъ значеніе немаловажнаго подтвержденія этой теоріи.

мы предпочитаемъ оставаться, есть также постоянный предметъ воли, и мученикъ, претерпѣвающій страданіе, отъ котораго онъ могъ бы уклониться, противопоставляетъ всю силу своей воли страданію, уже испытываемому имъ и которое еще будетъ продолжаться" (Lotze. Medicinische Psychologie. S 300). Когда мы не стремимся выдти изъ какого нибудь состоянія, возражаетъ на это замѣчаніе К. Гёрингъ, то оно можетъ быть для насъ безразлично, и въ такомъ случаѣ воля наша не имѣетъ къ нему никакого отношенія; когда же мы въ немъ удерживаемся, то тѣмъ самымъ заявляемъ, что продленіе его въ будущемъ было бы сообразно нашей волѣ. При этомъ, понятно, мы можемъ и не думать о будущемъ, такъ какъ продленіе возможно только въ будущемъ. Такъ называемое довольство настоящимъ положеніемъ, только повидимому устраняетъ дѣятельность воли, ибо такое довольство всегда предполагаетъ направленіе воли къ его продленію; если такого продленія затѣмъ не оказывается, то и наступаетъ недовольство. Въ примѣрѣ мученика, очевидно, смѣшивается средство удовлетворенія воли съ предметомъ воли; мученикъ ставитъ себѣ цѣлью, конечно, не страданіе, но будущую жизнь, для достиженія которой средствомъ ему служитъ страданіе. Итакъ, желаетъ онъ будущей жизни, согласно съ ученіемъ своей вѣры; но избираетъ онъ страданіе, которое выпало ему на долю условіями жизни и которое указано вѣроученіемъ его какъ вѣрное средство для достиженія его цѣли.

Обращаясь снова къ наблюденіямъ Кусмауля, мы, вслѣдъ за Гёрингомъ, можемъ высказать убѣжденіе, что ощущенія, чувства и хотѣнія не могутъ не быть признаны несомнѣнными проявленіями психической жизни новорожденныхъ. Проявленія эти у новорожденныхъ до такой степени сходственны съ проявленіями того же рода у взрослыхъ, что едва ли возможно сомнѣваться въ одинаковости ихъ причинъ. Совсѣмъ иначе должны мы отнестись къ представленіямъ, насколько мы различили ихъ отъ ощущеній и чувствъ. Представленія, очевидно, возникаютъ изъ ощущеній и чувствъ постепенно; прежде другихъ являются чувственныя представленія и притомъ самыя простѣйшія.

Элементарными функціями ребенка въ первую пору его жизни слѣдуетъ считать, такимъ образомъ, ощущенія, чувства и хотѣнія, соотношеніе которыхъ между собою и предстоитъ изслѣдовать. Прямыя наблюденія въ этой области, какъ это показываетъ природа самаго предмета, должны быть пополнены выводами, сдѣланными изъ наблюденій надъ жизнью взрослыхъ по аналогіи. Простота лежащихъ въ основѣ психическихъ отношеній служитъ однако ручательствомъ того, что ложныя заключенія если и не могутъ всегда быть избѣгнуты, то легко могутъ быть замѣчены. Притомъ же всякій имѣетъ полную возможность провѣрить ихъ собственными наблюденіями, такъ какъ дѣло идетъ о фактахъ, повседневно повторяющихся въ жизни новорожденныхъ ребятъ.

ПИСЬМО XI.

Понятіе воли есть основное понятіе психологической теоріи Гёринга, оно придаетъ ей единство и изъ него вытекаютъ всѣ ея характеристическія особенности. Теорія Геринга, какъ видно изъ этого, отличается отъ мистико-метафизическихъ теорій своимъ монизмомъ, а отъ другихъ, подобно ей ищущихъ обосноваться на наукѣ, тѣмъ, что ея монизмъ сводитъ психическую жизнь не на жизнь чувствъ, но на жизнь побужденія или воли, подчиняя этому фактору и чувство, и мышленіе. Само собою разумѣется при этомъ, что подъ волею Гёрингъ не разумѣетъ никакой сущности, т.-е. предполагаетъ неизбѣжность сведенія воли къ ея физіологическимъ основамъ—процессамъ организма. По этой причинѣ ошибочно было бы видѣть въ теоріи Гёринга воспроизведеніе или обновленіе ученія Шопенгауэра, съ которымъ Гёрингъ расходится въ самыхъ краеугольныхъ принципахъ философіи. Между мыслителями этими существуетъ только нѣкоторая генетическая связь, заключающаяся въ преемствѣ тѣхъ изъ идей Шопенгауэра, которыя могутъ быть поддержаны опытною наукою и притомъ, разумѣется, съ тѣми измѣненіями и поправками, которыя являются необходимыми послѣдствіями провѣрки этихъ идей посредствомъ научнаго метода. Такъ, психологическій монизмъ у Геринга обусловленъ, такъ же какъ у Шопенгауэра, волею; но кто сравнитъ понятіе воли у Гё-

ринга и у Шопенгауэра, тотъ легко убѣдится въ рѣзкомъ ихъ различіи, а въ сочиненіяхъ Гёринга найдетъ такія сужденія о метафизической сторонѣ ученія Шопенгауэра, которыя разсѣютъ и послѣднія сомнѣнія, могущія еще оставаться въ этомъ отношеніи.

Устранивъ въ предшествовавшемъ письмѣ смѣшеніе понятій воли и выбора, я могу перейти теперь къ ближайшему разсмотрѣнію явленій, имѣющихъ связь съ тѣмъ моментомъ психической жизни, который мы имѣемъ въ виду изучить. Хотѣніе, побужденіе, стремленіе и т. д., вообще все то, что подводится подъ одно общее понятіе воли, считается въ обыденной жизни слишкомъ хорошо извѣстнымъ непосредственно и потому не стоющимъ особеннаго вниманія. Замѣчая, что присутствіе какого бы то ни было побужденія или хотѣнія опредѣляется нами безъ посредства разсудка, мы легко упускаемъ изъ виду, что умѣнье опредѣлять присутствіе побужденія и его направленіе есть продуктъ опыта и что безъ этого послѣдняго мы не могли бы знать о присутствіи въ насъ того или другаго побужденія. Такъ, напримѣръ, намъ кажется, что желаніе ѣсть, голодъ, мы сознаемъ непосредственно, но, всматриваясь внимательнѣе, мы легко можемъ замѣтить, что непосредственно сознаемъ мы только одно непріятное чувство и ничего болѣе. Толкованіе, которое мы даемъ этому чувству, основывается на предшествующемъ опытѣ, въ чемъ вполнѣ можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что новорожденный ребенокъ испытываетъ точно такое же чувство, не сознавая однако-же, что въ основѣ его лежитъ хотѣніе, и именно хотѣніе ѣсть, голодъ. Поэтому-то ребенокъ, котораго бы предоставили его собственной судьбѣ, не сознавалъ бы ничего болѣе, кромѣ тягостнаго ощущенія и умеръ бы, не имѣя даже темнаго предчувствія о связи мучащаго его ощущенія съ побужденіемъ къ ѣдѣ. Только тогда, когда испытываемое чувство будетъ удовлетворяться при посредствѣ посторонней помощи, научится ребенокъ знать связь между чувствомъ и волею, научится по чувствамъ заключать о волѣ.

То, чему научаетъ анализъ явленія голода, можетъ быть подтверждено и анализомъ всѣхъ другихъ побужденій: всегда и во

всякомъ случаѣ мы можемъ убѣдиться, что чувство удовольствія или неудовольствія возникаетъ только тогда, когда существуетъ какое-нибудь побужденіе, все равно—сознано ли это послѣднее или нѣтъ. Убѣжденіе въ вѣрности такого взгляда встрѣчаетъ очень часто затрудненія и иногда затемняется по той причинѣ, что человѣкъ очень склоненъ не только объективировать все даваемое ему сознаніемъ, но еще и предполагать, что отсутствующее въ сознаніи вовсе не существуетъ. Въ дѣйствительности знаніе побужденія является только благодаря опыту, и только черезъ его посредство побужденіе сознается, т.-е. принимается субъектомъ какъ таковое. Это обстоятельство не имѣетъ однако-же ровно никакого значенія по отношенію къ существованію этого побужденія; оно существуетъ объективно, хотя субъектомъ не сознается. Констатируя существованіе безсознательныхъ побужденій или безсознательной воли, слѣдуетъ еще замѣтить, что объективно сознательная воля ничѣмъ не отличается отъ безсознательной; различіе это существуетъ и имѣетъ значеніе не по отношенію къ волѣ, а исключительно для одного только субъекта.

Итакъ, можно утверждать, что всякое побужденіе, хотѣніе и т. д., что воля вообще сама по себѣ безсознательна, и можетъ быть сознана только посредственно, при помощи опыта. Шопенгауэръ, какъ замѣчаетъ и К. Гёрингъ, впервые установилъ ученіе о безсознательной волѣ и положилъ его въ основаніе метафизической системы, оспариваемой во многихъ отношеніяхъ; это ученіе, вслѣдствіе такой связи его съ системой, бо́льшею частью не подвергается отдѣльному испытанію, но отвергается вмѣстѣ съ системой. Въ новѣйшее время оно было возстановлено Гартманомъ и снова стало элементомъ метафизической системы, съ которою ему и пришлось бы дѣлить свою участь по прежнему, еслибы Гёрингъ не выдѣлилъ его изъ области метафизики и не ввелъ въ психологію, которой оно дѣйствительно и принадлежитъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и далъ ему опоры научной доказательности, и въ этомъ смыслѣ и сдѣлалъ его однимъ изъ основныхъ положеній своей психологической теоріи. Такимъ образомъ, подъ понятіемъ безсознательной воли слѣдуетъ здѣсь разумѣть

принципъ исключительно психологическій и не распространять его за предѣлы науки о психическихъ явленіяхъ, гдѣ, руководясь одною аналогіею, можно только строить такого рода гипотезы, которыя всегда будутъ давать въ результатѣ однѣ только фикціи.

Такъ какъ воля есть явленіе безсознательное, т.-е. такое, знать которое непосредственно мы не можемъ, а принуждены заключать о его присутствіи, то, очевидно, всегда представляется возможность дѣлать ошибочныя заключенія и, слѣдовательно, ошибочно судить о своей собственной волѣ. Случаи эти такъ же хорошо извѣстны обыденному мышленію, какъ и непонятны для него. Еслибы воля была сознаваема непосредственно, то ошибки по отношенію къ ней были бы невозможны, и тѣмъ болѣе, что субъективныя ея свойства совершенно не допускаютъ объективнаго корректива. Изъ этого видно, что о самой по себѣ истинной или ложной волѣ не можетъ быть и рѣчи, можно говорить только о томъ или иномъ заключеніи о волѣ со стороны субъекта Еслибы возможно было имѣть о волѣ такія же непосредственныя воспріятія, какъ о чувствѣ или представленіи, то о ней такъ же невозможно было бы ошибаться, какъ и о нихъ. Слѣдовательно, чтобъ убѣдиться въ существованіи посредствующаго момента въ сознаніи воли, надо имѣть факты, доказывающіе возможность ошибочныхъ заключеній о своей собственной волѣ.

Факты такого рода даются намъ опытомъ и наблюденіемъ, и въ обыденной жизни до такой степени извѣстны, что никто, конечно, не станетъ и спорить, что мы очень часто сами не знаемъ, чего намъ собственно хочется; иногда даже кажется, что намъ хочется чего нибудь совершенно противоположнаго дѣйствительному нашему хотѣнію, и только чувство удовольствія или неудовольствія можетъ навести насъ на вѣрное заключеніе о существующемъ въ насъ проявленіи воли. Какъ примѣръ ошибочнаго заключенія, Гёрингъ приводитъ, вслѣдъ за Гартманомъ, заблужденіе, легко возникающее у лицъ, получающихъ отъ умирающихъ родныхъ наслѣдство. Лица эти нерѣдко очень удивляются, замѣчая, что того душевнаго состоянія, которое они считали для себя неизбѣжнымъ

вслѣдъ за смертью этихъ родныхъ, въ дѣйствительности вовсе не оказывается. Не менѣе ярко обнаруживается такая ошибка и въ сужденіи о самомъ сильномъ изъ хотѣній, о хотѣніи жить. Какъ бы ни страдалъ какой нибудь больной, какъ бы ни ждалъ онъ смерти, видя въ ней единственнаго своего избавителя, какъ бы твердо ни рѣшился онъ спокойно встрѣтить свой смертный часъ, но когда часъ этотъ наступаетъ, онъ оказывается всегда преждевременнымъ и предполагавшееся желаніе умереть быстро превращается въ желаніе прямо ему противоположное. Наконецъ, можно указать еще на ошибки, происходящія отъ заключеній о будущемъ по одной аналогіи съ прошедшимъ; случается, напримѣръ, что предполагаемаго на основаніи аналогіи удовольствія не оказывается въ дѣйствительности, а его мѣсто занимаетъ безразличное состояніе или даже неудовольствіе: воля, очевидно, независимо отъ знанія субъекта, претерпѣла въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе коренное измѣненіе.

Только что сдѣланное замѣчаніе можетъ быть иллюстрировано примѣромъ, приводимымъ у Спенсера для иныхъ цѣлей, въ одномъ изъ лучшихъ его этюдовъ: „Обычаи и приличія“ (Русск. перев. соч. Спенсера, вып. II, стр. 399). Позвольте мнѣ привести этотъ отрывокъ, какъ наглядное подтвержденіе этого взгляда.

„Кто изъ насъ, перебирая тѣ случаи, когда онъ дѣйствительно наслаждался высшими общественными удовольствіями, говоритъ Спенсеръ, не убѣдится, что они были вполнѣ не формальны, являлись даже можетъ быть совсѣмъ невзначай. Какъ веселъ дружескій пикникъ, на которомъ забываются всѣ приличія, кромѣ тѣхъ, какія предписываются добродушіемъ! Какъ пріятны бываютъ небольшія, безцеремонныя чтенія и подобныя имъ сборища, или просто случайныя сходки немногихъ, хорошо знакомыхъ между собой людей! Въ этихъ случаяхъ мы можемъ видѣть, какъ человѣка оживляетъ внѣшность его друга. Щеки пылаютъ, глаза горятъ, остроуміе блещетъ, даже меланхолики возбуждаются къ веселымъ рѣчамъ. Является изобиліе предметовъ для разговора; и вѣрныя мысли, и соотвѣтственныя имъ вѣрныя слова приходятъ сами собой. Глубокомысліе смѣняется весельемъ: то идетъ серьёзный разговоръ, то являются шутки, анекдоты и

игривыя насмѣшки. Тутъ выказываются лучшія стороны каждаго изъ собесѣдниковъ; лучшія чувства каждаго изъ нихъ возбуждаются къ пріятной дѣятельности, и жизнь становится всѣмъ мила. Теперь ступайте одѣваться на обѣдъ къ половинѣ девятаго, или на вечеръ къ десяти часамъ: и не забудьте явиться туда въ безукоризненномъ нарядѣ, имѣя каждый волосокъ причесаннымъ въ совершенствѣ. Какъ велика разница! Удовольствіе представляется въ обратномъ отношеніи къ приготовленіямъ. Всѣ эти фигуры, разряженныя съ такой тщательностью и аккуратностью, кажутся едва живыми. Онѣ заморозили другъ друга своимъ превосходствомъ; и способности ваши чувствуютъ оцѣпеняющее дѣйствіе этой атмосферы, какъ только вы вошли въ залу. Мысли, столь живыя и легкія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, исчезли,—онѣ внезапно пріобрѣли сверхъестественную силу убѣгать отъ васъ. Если вы рискнете обратиться съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ къ вашему сосѣду, вы получите пошлый отвѣтъ, и тѣмъ дѣло кончится. На какой бы предметъ для разговора вы ни напали, онъ едва переживаетъ полдюжины фразъ. Что бы вамъ ни говорили, ничто не возбуждаетъ въ васъ живаго интереса, и вы чувствуете, что все, что вы станете говорить, выслушается безучастно. Вещи, которыя обыкновенно доставляютъ удовольствіе, точно какимъ-то страннымъ чудомъ потеряли свою прелесть. Вы любите искусство. Утомленные пустымъ разговоромъ, вы подходите къ столу, и находите, что книга съ гравюрами и портфель съ фотографіями столь же плоски, какъ и разговоръ. Вы любите музыку. Однако вы слушаете пѣніе, какъ бы хорошо оно ни было, съ полнымъ равнодушіемъ; и говорите „благодарю васъ“, сознавая въ душѣ, что вы великій лицемѣръ. Какъ бы хорошо вы себя ни чувствовали, вы сознаете, что ваши симпатіи не допускаютъ полнаго удовлетворенія. Вы видите молодыхъ джентльменовъ, пробующихъ, хорошо ли завязанъ ихъ галстукъ, тупо озирающихся и размышляющихъ о томъ, что имъ дѣлать. Вы видите дамъ, тоскливо сидящихъ въ ожиданіи, чтобы кто-нибудь заговорилъ съ ними, и жалѣющихъ о томъ, что имъ нечѣмъ занять свои пальцы. Вы видите хозяйку, стоящую около дверей, съ постоянной, ис-

кусственной улыбкой на лицѣ, и терзающую мозгъ свой, чтобы найти необходимыя безсмыслицы для привѣтствія входящихъ гостей. Вы видите безчисленныя черты утомленія и неловкости, и если въ васъ есть хотя сколько-нибудь сочувствія, то онѣ не могутъ не произвести и въ васъ чувства унынія. Это—заразительная болѣзнь, дѣлайте что хотите, вы не устоите противъ всеобщей заразы. Вы боретесь съ ней; вы дѣлаете судорожныя усилія быть веселымъ; но ни одна изъ вашихъ остроумныхъ выходокъ или веселыхъ разсказовъ не въ состояніи вызвать что нибудь, кромѣ тупой улыбки или принужденнаго смѣха; умъ и чувство равно задушены. И когда, наконецъ, уступая своему отвращенію, вы бѣжите вонъ, какое облегченіе вы чувствуете, выйдя на свѣжій воздухъ и видя звѣзды! Какъ искренно вы говорите: „слава Богу, кончено!“ и рѣшаетесь избѣгать на будущее время всей этой скуки. Въ чемъ же, наконецъ, тайна этой постоянной неудачи и разочарованія? Не виноваты ли тутъ всѣ эти ненужные аксессуарсы, эти изысканные наряды, эти установленныя формы, эти приготовленія, сопряженныя съ такими издержками, эти различныя выдумки и устройства, предполагающія столько хлопотъ и возбуждающія столько ожиданій? Кто, проживъ лѣтъ тридцать, не знаетъ, что удовольствіе скромно и что его надо не преслѣдовать открыто, а поймать невзначай? Звуки уличной шарманки, раздающіеся во время вашей работы, часто бываютъ пріятнѣе, нежели избраннѣйшая музыка, исполненная въ концертѣ самыми искусными музыкантами. Одна хорошая картина въ окнѣ магазина можетъ доставить болѣе живое удовольствіе, нежели цѣлая выставка, которую вы осматриваете съ каталогомъ и карандашомъ въ рукѣ. Покуда мы приготовляемъ нашъ сложный снарядъ для пріобрѣтенія счастія,—счастіе уже улетѣло.“

Все сказанное до сихъ поръ о проявленіяхъ воли можетъ убѣдить насъ несомнѣнно, что воля находится въ полной независимости отъ нашего мышленія, и что поэтому она не можетъ сдѣлаться предметомъ представленія, а мыслится непремѣнно какъ понятіе, всѣ же отличительные признаки ея невольно заимствуются или изъ области чувства, или изъ области мысли. Въ

дѣйствительности, однако-же, воля при вступленіи въ область сознанія не претерпѣваетъ никакого измѣненія, какъ этому и научаетъ насъ опытъ. Сознаніе присутствія воли и не слѣдуетъ относить къ ея характеристическимъ чертамъ, такъ какъ сознаніе это — дѣло субъекта, а по отношенію къ волѣ оно лишено всякаго значенія и представляется моментомъ чисто случайнымъ. Отъ сознанія или несознанія воли зависитъ изысканіе средствъ удовлетворенія воли; но оба эти субъективныя состоянія не имѣютъ никакого вліянія на присутствіе или отсутствіе воли, или на степень интенсивности ея напряженія. Такъ, сознаніе голода можетъ привести къ отысканію средствъ питанія, но не можетъ устранить самый голодъ или же ослабить его. И самонаблюденіе, и наблюденіе надъ маленькими дѣтьми не оставляютъ по отношенію къ этому вопросу никакого сомнѣнія.

Отвергая всякую связь между волею и сознаніемъ, Герингъ выставляетъ на видъ тѣсную связь между нею и чувствомъ,— связь, которую вы успѣли уже подмѣтить, конечно, изъ предшествовавшихъ указаній. Приступая къ характеристикѣ основныхъ чертъ этой связи, я прошу васъ возобновить въ вашей памяти наблюденія Кусмауля, о которыхъ говорено было въ предшествовавшемъ письмѣ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что маленькій ребенокъ крикомъ своимъ выражаетъ безпокоющее его непріятное чувство, и въ житейской практикѣ очень хорошо знаютъ о связи этого внѣшняго проявленія съ внутреннею его причиною. Знаніе этой связи не удовлетворяетъ однако-же ближайшихъ къ ребенку лицъ, и забота ихъ направляется обыкновенно къ открытію причины безпокоющаго дитя чувства, чтобы вмѣстѣ съ устраненіемъ этой причины устранить и ея дѣйствіе. Такъ какъ крики ребенка въ бо́льшей части случаевъ означаютъ присутствіе голода, и такъ какъ такое ихъ значеніе подтверждается послѣдствіями утоленія голода—прекращеніемъ непріятнаго чувства и замѣною его чувствомъ удовольствія, то и выясняется, что непріятное чувство, обусловливавшее крики, само было обусловлено побужденіемъ къ пищѣ, хотѣніемъ ѣсть, голодомъ. Такимъ образомъ, побужденіе является какъ причина, а соотвѣт-

ствующее чувство какъ дѣйствіе, именно: пріятное чувство какъ дѣйствіе побужденія удовлетвореннаго, непріятное — какъ дѣйствіе побужденія неудовлетвореннаго.

Нерѣдко и здоровое дитя обнаруживаетъ признаки неудовольствія и послѣ удовлетворенія безпоконвшаго его хотѣнія; тѣ изъ окружающихъ ребенка, которые имѣли уже случай наблюдать такія явленія, признаютъ ихъ за признаки стремленія къ удовлетворенію потребностей органовъ чувствъ. Стремленіе это, такъ легко поддающееся обыкновенной наблюдательности, признается и физіологами, и психологами, насколько они не закрываютъ отъ себя дѣйствительности метафизическими предвзятіями. Извѣстный физіологъ Рокитанскій опредѣляетъ эти стремленія какъ первоначальныя стремленія чувствъ къ дѣятельности (Цит. у Гёринга: System, I. S. 51). Г. Сѣченовъ, въ своихъ „Психологическихъ этюдахъ", называетъ ихъ „активными стремленіями къ внѣшнему міру". „Извѣстно изъ наблюденій надъ взрослымъ человѣкомъ, надъ ребенкомъ и надъ животными—говоритъ онъ—что первымъ условіемъ для поддержанія матеріальной цѣлости, слѣдовательно и функціи всѣхъ нервовъ и мышцъ безъ исключенія, необходимо соотвѣтственное упражненіе этихъ органовъ; такъ, на зрительный нервъ долженъ дѣйствовать свѣтъ, движущій нервъ долженъ быть возбуждаемъ и его мышца должна сокращаться и пр. Съ другой сторюны, знаютъ, что въ случаѣ насильственнаго прекращенія упражненій котораго бы то ни было изъ этихъ органовъ, въ человѣкѣ является тягостное чувство, заставляющее его искать недостающаго упражненія. Явно, слѣдовательно, что ребенокъ относится къ внѣшнимъ вліяніямъ не пассивно. При томъ нетрудно понять, что стремленія его къ внѣшнему міру суть явленія инстинктивныя, невольныя [1]), и въ случаѣ если они удовлетворяются, т.-е. вызываютъ какое-нибудь движеніе въ ребенкѣ, носятъ вполнѣ характеръ рефлекса. Нѣтъ

[1]) Этотъ терминъ г. Сѣченова по мысли своей вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Геринга, хотя, повидимому, противорѣчитъ его терминологіи: ясно, что „невольный" въ настоящемъ случаѣ значитъ—необусловленный рѣшеніемъ, независимый отъ выбора.

сомнѣнія, что полная зависимость ребенка отъ этихъ инстинктивныхъ стремленій и придаетъ дѣтству особенно подвижной характеръ...“ (стр. 49 — 50). Бенеке въ „Neue Psychologie“ (Цит. у Геринга, тамъ же) говоритъ: „Наконецъ достигаемъ мы духовно-чувственныхъ первоначальныхъ способностей. какъ элементарно-чувственной основы ощущеній. По существенной природѣ своей они обнаруживаются какъ стремленія. Человѣческая душа относится къ возбужденіямъ, приходящимъ извнѣ. не пассивно, но стремится самостоятельно имъ на встрѣчу— зрѣніе къ свѣту, слухъ къ звукамъ и т. д. Стремленія эти обнаруживаются въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ разсматривать ихъ какъ бы сквозь увеличительное стекло, а именно когда они, оставаясь неудовлетворенными, накопляются въ большомъ количествѣ; безпокойство, возникающее при этомъ, можетъ достичь различныхъ степеней напряженія, можетъ довести даже до отчаянія, влекущаго къ самоубійству. Итакъ, душа обладаетъ первоосновными силами, вся состоитъ изъ силъ или изъ совокупности силъ, которыя опредѣляются какъ стремленія“ [1]).

Приведенныя здѣсь указанія на характеръ и значеніе присущихъ организму „стремленій“, какъ связанныхъ ближайшимъ образомъ съ нашими органами чувствъ, такъ и всѣхъ другихъ— стремленій къ питанію, движенію, сношенію съ себѣ подобными, и т. д. [2])—приводятъ насъ къ совершенно опредѣленному раз-

---

[1]) Терминологія Бенеке, очевидно, не строго научна, но это нисколько не вредитъ вѣрности его наблюденій въ данномъ случаѣ.

[2]) Къ числу присущихъ человѣческой природѣ побужденій или стремленій относится также и побужденіе къ знанію, любознательность. Побужденіе это пріобрѣтаетъ самостоятельность только тогда, когда воспослѣдуетъ относительное удовлетвореніе другихъ побужденій. По основнымъ своимъ свойствамъ оно нисколько не отличается отъ другихъ побужденій и силою своею часто превосходитъ ихъ. Прежде всего побужденіе къ знанію ищетъ всеобщаго и абсолютнаго удовлетворенія и при посредствѣ мышленія изыскиваетъ для достиженія этой недоступной цѣли свои собственныя средства и создаетъ мистическія и мегафизическія иллюзіи, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія. Иллюзіи эти возникаютъ и держатся тѣмъ легче, что въ области мысли мирно совмѣщаются самыя рѣзкія противорѣчія, не вытѣсняя одно другое, подобно объектамъ въ мірѣ дѣйствительномъ; свѣтъ преодолѣваетъ здѣсь тьму не легко

личенію формальнаго единства этихъ стремленій, представляющихся нашему сознанію, и объективной сложности ихъ какъ физіологическихъ процессовъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи показываетъ не менѣе ложное различеніе первичнаго явленія, опредѣляемаго какъ стремленіе, и вторичнаго—какъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе этого стремленія, перваго недостигающаго непосредственно сознанія, втораго—сознательнаго. Сложность акта воли въ физіологическомъ отношеніи опредѣляется въ наукѣ какъ сплетеніе ассоціаторныхъ и рефлекторныхъ процессовъ (см. Kussmaul, Die Störungen der Sprache. S. 14); что же касается до психологическаго вопроса объ отношеніи воли къ чувству, то мы разсмотримъ его теперь, руководствуясь изслѣдованіями К. Гёринга.

Связь между побужденіемъ, хотѣніемъ, стремленіемъ, волею вообще и чувствомъ Гёрингъ опредѣляетъ какъ связь причинную, а это значитъ, что гдѣ имѣетъ мѣсто воля, тамъ есть и чувство, и наоборотъ—присутствіе чувства дастъ основаніе заключить о присутствіи воли. Разсматривая чувства, мы различаемъ пріятныя чувства отъ непріятныхъ и связываемъ ихъ съ удовлетворенною или неудовлетворенною волею, и находимъ подтвержденіе такого взгляда какъ въ фактахъ, доставляемыхъ жизнью маленькихъ дѣтей, такъ и въ фактахъ, которые мы можемъ наблюдать въ жизни первобытныхъ, непосредственныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, вся дѣятельность человѣка, пребывающаго еще въ естественномъ, первобытномъ состояніи, обращена всегда на поддержаніе пріятнаго чувства или удовольствія и на недопущеніе и устраненіе непріятнаго чувства или неудовольствія, что́ совершенно подтверждается опытомъ и служитъ достаточнымъ доказательствомъ тождества воли сознаваемой и воли несознаваемой.

и не скоро. Слѣпота побужденія къ знанію раскрывается только для критической мысли, и раскрывается въ размѣрахъ нежданныхъ и поразительныхъ. Она сказывается не только въ возможности удовлетворяться иллюзіями, но и въ принятіи наслажденія, доставляемаго удовлетвореніемъ побужденія, за достиженіе цѣли этого побужденія, какъ это видно изъ примѣра даже такого высокаго ума, какъ Лессингъ, который поиски за истиной предпочиталъ полному достиженію ея.

мой. По этой причинѣ и слѣдуетъ подвести подъ одно понятіе воли всѣ оттѣнки ея, выражаемые словами: побужденіе, страсть, склонность, хотѣніе, стремленіе, вожделѣніе и т. п., всѣ они очевидно относятся все къ той же волѣ. Вмѣстѣ съ отверженіемъ различія сознательной воли отъ безсознательной, отвергается и различіе высшей воли, подъ которою обыкновенно разумѣютъ волю сознательную, и низшей, подъ которой разумѣютъ волю безсознательную. Вмѣсто такого различія выступаетъ различіе воли и разсудка. Различіе это характеризуется прежде всего отношеніемъ воли и разсудка къ чувству: воля, какъ только-что было замѣчено, тѣсно связана съ чувствомъ, характеръ котораго опредѣляется удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ ея; но характеръ чувства остается вполнѣ независимымъ отъ сознанія и остается неизмѣннымъ какъ до сознанія воли, такъ и послѣ сознанія ея; что же касается разсудка, то такого или подобнаго отношенія его къ чувствамъ вовсе не существуетъ.

Если воля и разсудокъ ничего общаго между собою не имѣютъ, то возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ возможно было придти къ утвержденію ихъ тѣсной связи, къ предположенію существованія разсуждающей воли и хотящаго разсудка или, наконецъ, даже къ полному отождествленію разсудка и воли. Объясненіе такого несообразнаго смѣшенія можно найти въ томъ, что разсудокъ и воля всегда были изслѣдуемы не по отношенію къ ихъ собственнымъ, внутреннимъ свойствамъ, а только по одному внѣшнему ихъ проявленію или дѣйствію, именно по дѣятельности человѣка, ими обусловливаемой.

Всякое хотѣніе, побужденіе и т. д. обращено всегда на измѣненіе настоящаго состоянія, какъ это и было уже объяснено выше; поэтому-то воля и является мотивомъ дѣятельности. Въ первобытно-естественномъ состояніи, такъ же какъ и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, человѣкъ не знаетъ никакихъ иныхъ побужденій къ дѣятельности—если исключить внѣшнее принужденіе—кромѣ однихъ естественныхъ, и вслѣдствіе этого единственнымъ источникомъ его дѣятельности является воля. Воспитаніе — въ томъ случаѣ, когда оно ведено правильно и когда оно ставитъ себѣ цѣлью подчиненіе естественныхъ побужденій гос-

подству разсудка—измѣняетъ такое положеніе вещей; развитіемъ разсудка человѣкъ достигаетъ сравнительной независимости по отношенію къ своимъ побужденіямъ и начинаетъ дѣйствовать не подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ, но на основаніи мотивовъ, доставленныхъ ему объективно-постановляемыми рѣшеніями разсудка. Мотивы дѣятельности у людей нравственныхъ поэтому двояки: они исходятъ или изъ естественныхъ побужденій, или отъ разсудка. Обыденное мышленіе косвенно признаетъ эту двоякость, выставляя въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя указать ни на внутреннее побужденіе, ни на внѣшнее принужденіе, поводомъ къ дѣятельности необходимость, установленную разсудкомъ. Такъ, напримѣръ, оно указываетъ на цѣлесообразность дѣйствія и этою цѣлесообразностью объясняетъ необходимость рѣшенія на поступокъ, противорѣчащій волѣ; „я не хочу, но я долженъ поступить такъ“, говорится въ этомъ случаѣ и придается поступку характеръ средства, служащаго къ достиженію позднѣйшей цѣли. Не можетъ быть спору, конечно, что и въ такихъ случаяхъ отдаленною причиною поступка можетъ быть воля; но такое ея вліяніе не должно быть принимаемо въ соображеніе въ настоящемъ разсужденіи, такъ какъ теперь дѣло идетъ о непосредственныхъ внутренно-побудительныхъ мотивахъ дѣятельности.

Это обыденное психологическое воззрѣніе держится исключительно потому, что въ случаяхъ, однородныхъ съ приведеннымъ выше, не наблюдается внѣшняго принужденія и человѣкъ предполагается дѣйствующимъ по свободной волѣ, т.-е. дѣйствующимъ согласно съ своею волею, хотящимъ то, что онъ совершаетъ. Это наблюденіе, касаясь одной стороны дѣятельности, и вѣрно только относительно ея; но оно не объясняетъ подтверждаемаго и наивнымъ воззрѣніемъ факта, именно, что дѣятельность въ сказанныхъ случаяхъ сопровождается ясно ощутимымъ отвращеніемъ къ ней, явнымъ нехотѣніемъ дѣйствовать. Только вслѣдствіе игнорированія этого факта психологія могла придти къ смѣшенію воли и выбора, на что было уже указано въ предшествовавшемъ письмѣ. На это смѣшеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на такую ошибку, которая легла въ основаніе

бо́льшей части ложныхъ теорій воли. Въ противоположность этимъ теоріямъ должно быть поставлено и поддержано то воззрѣніе на различіе воли и выбора или рѣшенія, которое уже вамъ извѣстно и которое одно только и распутываетъ всѣ трудности этого вопроса.

Ложныя психологическія теоріи, смѣшивающія волю съ выборомъ или рѣшеніемъ, дають, взамѣнъ устраненія необходимаго ихъ различенія, другое различеніе, на ошибочность котораго было уже указано, именно различеніе воли низшей отъ высшей. Въ этомъ искусственномъ различеніи проявилось столь часто встрѣчающееся въ метафизикѣ и обыденномъ мышленіи стремленіе превращать идеальныя требованія въ естественныя склонности. Искусственность терминовъ заканчиваетъ путаницу въ такомъ рѣшеніи вопроса и упрочиваетъ ее надолго для некритической мысли, тогда какъ вѣрные взгляды остаются мало замѣченными или извращаются. Такъ, въ настоящемъ случаѣ правильное наблюденіе было сдѣлано еще Аристотелемъ, и однако-же и до сихъ поръ еще многими психологами поддерживается противопоставленіе высшей воли, или воли собственно, волѣ низшей, или хотѣнію, вожделѣнію и т. п.

Дѣятельность мысли — назовемъ ли мы ее разсудкомъ или разумомъ—представляетъ собою, какъ сказано выше, источникъ мотивовъ дѣятельности для тѣхъ людей, которые видятъ необходимость подавленія своей воли и предоставляютъ руководительство своихъ дѣйствій рѣшеніямъ разума. Очень сомнительно, конечно, чтобы когда либо удалось кому-нибудь до такой степени освободиться отъ вліянія своихъ естественныхъ склонностей и побужденій, чтобы имѣть возможность руководиться исключительно только разумомъ; во всякомъ случаѣ правильное воспитаніе ставитъ человѣка на тотъ путь, двигаясь по которому онъ все болѣе и болѣе приближается къ сказанной цѣли, все болѣе и болѣе одолѣваетъ свою волю и все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе идетъ за разумомъ. Такъ какъ воля — за исключеніемъ тѣхъ побужденій, удовлетвореніе которыхъ служитъ къ поддержанію жизни — подъ вліяніемъ неудовлетворенія ея постепенно слабѣетъ и можетъ, наконецъ, совершенно исчезнуть, то, слѣдова-

тельно, постепенное паденіе силы непосредственныхъ побужденій у нравственнаго человѣка не можетъ не проявиться. И далѣе, такъ какъ при этомъ вырабатываются путемъ привычки новыя пути для направленія по нимъ воли, и такъ какъ слѣдованіе по этимъ путямъ въ силу повторяемости становится все болѣе и болѣе рѣшительнымъ и дѣлается способнымъ уравновѣшивать силу непосредственныхъ склонностей, то для самовоспитанія человѣка и создается идеалъ, къ осуществленію котораго должно стремиться. Какъ только „нравственная воля“ достаточно укрѣпится, прежняя борьба съ непосредственными побужденіями мало-по-малу прекращается, напряженная наблюдательность стоявшаго на сторожѣ разума можетъ ослабѣть, и „нравственная воля“ получаетъ возможность руководить дѣятельностью человѣка такъ же безсознательно, какъ прежде это дѣлалось непосредственными побужденіями [1]). Это фактическое преобразованіе воли, достигаемое посредствомъ воспитанія, и дало поводъ къ ошибочному различенію высшей воли отъ низшей, не имѣющему, какъ вы, конечно, уже въ этомъ достаточно убѣдились, никакихъ основаній.

---

[1]) Если вы расширите мысль Геринга замѣною понятія воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ понятіемъ болѣе широкимъ, а именно, будете имѣть въ виду вліяніе среды, то вы освѣтите взглядомъ Геринга цѣлый рядъ фактовъ, представляющихъ немалыя трудности для метафизическихъ психологическихъ теорій. Вы увидите, напримѣръ, что среда, которая была бы лишена паразитизма, могла бы очень часто обязывать отдѣльную личность принимать такія рѣшенія, которыя онъ или вовсе не можетъ принять въ иной средѣ, или, если и принимаетъ по своему почину, вопреки вліянію среды, то дѣлаетъ это неизбѣжно съ бо́льшимъ или меньшимъ рискомъ и, слѣдовательно, является нравственнымъ судьей пагубнаго вліянія среды. Вдумавшись въ эту особенность вліянія среды, вы опредѣлите психологическое значеніе вліяній той среды, которую г. Михайловскій подводитъ подъ понятіе „высшаго типа“, и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣните и вліяніе среды „низшаго типа“, въ которой вопросъ о средствахъ къ достиженію цѣлей осложненъ до чрезвычайности, но гдѣ цѣли, въ смыслѣ объектовъ принимаемыхъ рѣшеній, стоятъ на уровнѣ первобытной элементарности. При этомъ откроется и вся суть того „raffinement“, которое производитъ обаяніе на недальновидныхъ, и тѣ чувства и мысли, которыя возникаютъ у способныхъ отличать фосфорическій блескъ отъ освѣщающихъ и грѣющихъ лучей солнца.

Изъ этого видно, что по отношенію ко всякой критически мыслящей личности слѣдовало бы различать какъ на дѣлѣ, такъ и въ терминахъ мотивы, проистекающіе изъ непосредственныхъ склонностей, отъ мотивовъ, опредѣляемыхъ рѣшеніями разума; но такъ какъ въ распоряженіи обыденнаго мышленія имѣлось одно только слово „воля“, и такъ какъ вслѣдъ за мотивами, и того, и другого рода, совершаются дѣйствія, которыя обыкновенно разсматриваются въ повседневной жизни какъ дѣйствія воли, то оба рода мотивовъ и были ложно обозначены однимъ терминомъ воля, причемъ нерѣдко второй родъ воли былъ отождествляемъ съ разумомъ. Не подлежитъ сомнѣнію однако-же, что всякій актъ воли, по устраненіи смѣшенія понятій, на которое было указано, не можетъ представляться результатомъ теоретическаго утвержденія или отрицанія; теорія, напротивъ того, неизбѣжно должна придти къ противоположному результату, т.-е. къ утвержденію, что акты воли возникаютъ совершенно независимо отъ того или инаго отношенія къ нимъ разума.

Самонаблюденіе можетъ убѣдить насъ, что мы очень часто констатируемъ въ себѣ побужденіе къ извѣстному дѣйствію, т.-е. утверждаемъ присутствіе акта воли въ данный моментъ и, однако-же, не слѣдуемъ ему, такъ какъ насъ отъ этого удерживаетъ разсудокъ. Точно также и наоборотъ: нерѣдко принимаются рѣшенія для совершенія того или инаго дѣйствія, къ которому сознается явное отвращеніе. Такимъ образомъ, рядомъ съ волею стоитъ разумъ, отъ котораго и зависитъ принятіе рѣшенія; и въ этомъ и заключается все, что только есть общаго между волею и разсудкомъ. Но тутъ дѣло идетъ объ одномъ только ихъ взаимномъ вліяніи, о томъ, что всякій объектъ можетъ быть одновременно и объектомъ воли, и объектомъ рѣшенія разсудка, и что воля можетъ иногда возбуждаться черезъ посредство представленій, что скорѣе способствуетъ ихъ различенію, чѣмъ даетъ самомалѣйшій поводъ къ ихъ смѣшенію.

На основаніи фактовъ, на которые было указываемо выше и которые никогда прежде не входили въ изслѣдованіе психологовъ, многіе изъ новѣйшихъ философовъ и психологовъ высказываютъ взглядъ на соотношенія воли и чувствъ съ одной стороны,

воли и разума съ другой, въ существенныхъ чертахъ тождественный взгляду Геринга. Къ числу ихъ относятся два извѣстнѣйшихъ психолога, мнѣнія которыхъ могутъ имѣть въ настоящемъ случаѣ большое значеніе, именно Дж. Ст. Милль и Т. Рибо. Я приведу прежде мнѣніе Милля. „Дѣйствительно ли человѣкъ желаетъ только того, что доставляетъ ему удовольствіе или избавляетъ его отъ страданій?“ спрашиваетъ Милль въ своей статьѣ объ „утилитаризмѣ“ (стр. 346 изд. Ковалевскаго), и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „Мы, очевидно, дошли до вопроса о фактѣ и опытѣ, который, какъ и всѣ ему подобные, зависитъ отъ очевидности. Его можно рѣшить только посредствомъ самосознанія и самонаблюденія и при помощи наблюдательности другихъ. Мнѣ кажется, что, обратившись безпристрастно къ этимъ источникамъ очевидности, мы убѣдимся, что желать вещь и находить ее пріятною, чувствовать къ ней отвращеніе и находить ее непріятною—совершенно неразлучныя явленія, или, лучше сказать, части одного и того же явленія, собственно говоря, два различныя названія для того же самаго психологическаго факта. Считать какой нибудь предметъ желательнымъ (не ради его послѣдствій) и считать его пріятнымъ—одно и тоже, а желать чего нибудь, что непріятно — физическая и метафизическая невозможность.

„Это кажется мнѣ до того очевиднымъ, что я не думаю, чтобы кто нибудь сталъ это оспаривать: мнѣ возразятъ на это, что можно желать чего нибудь, кромѣ удовольствія и избавленія отъ страданія, но что воля и желаніе не одно и тоже, что человѣкъ съ твердою добродѣтелью и установившимися убѣжденіями идетъ къ своей цѣли, не думая объ удовольствіи, которое она можетъ доставить ему, и продолжаетъ поступать такимъ образомъ даже когда это удовольствіе уменьшается вслѣдствіе перемѣнъ въ его характерѣ, притупленія его воспріимчивости, или пересиливается страданіями, сопряженными съ достиженіемъ цѣли. Все это я допускаю, я самъ энергически и рѣшительно утверждалъ это въ другомъ мѣстѣ. Воля — явленіе активное — не то, что желаніе—состояніе пассивной воспріимчивости; и хотя она и составляетъ отрасль желанія, но можетъ пустить корни

и отдѣлиться отъ родного ствола, такъ что, преслѣдуя привычную цѣль, мы, вмѣсто того чтобъ хотѣть вещи потому, что желаемъ ее, часто желаемъ только потому, что хотимъ. Но это служитъ только доказательсвомъ общеизвѣстнаго факта — силы привычки и не ограничивается одними добродѣтельными поступками. Многое безразличное, что люди дѣлаютъ сперва по какой нибудь причинѣ, они продолжаютъ дѣлать по привычкѣ. Часто это случается безсознательно, и сознаніе приходитъ только послѣ поступка, иногда съ сознательнымъ хотѣніемъ, которое вошло въ привычку, и дѣйствуетъ въ силу этой привычки, можетъ быть, на перекоръ разумному убѣжденію, какъ часто случается съ людьми, привыкшими къ порочнымъ и вреднымъ слабостямъ. Наконецъ, въ третьихъ, бываетъ, что воля, дѣйствующая по привычкѣ, не противорѣчитъ общему направленію, преобладающему въ другое время, а идетъ согласно съ нимъ; такъ бываетъ у людей твердой добродѣтели, у всѣхъ, кто разумно и постоянно стремится къ опредѣленной цѣли. Различіе между волей и желаніемъ, понятое такимъ образомъ, составляетъ очевидный и въ высшей степени важный психологическій фактъ, который объясняется тѣмъ, что воля, какъ и другія наши способности, можетъ подчиниться привычкѣ и мы можемъ желать по привычкѣ того, чего не желаемъ ради его самого, или желаемъ только потому, что хотимъ этого. Тѣмъ не менѣе справедливо, что воля проистекаетъ первоначально изъ желанія, включая въ него и отталкивающее вліяніе страданія, и притягательную силу удовольствія. Возьмемъ теперь въ примѣръ не человѣка, у котораго тверда воля поступать хорошо, а человѣка, у котораго эта воля еще слаба, поддается искушенію и не совсѣмъ надежна; какимъ образомъ укрѣпить ее? Какимъ средствомъ можно укоренить или возбудить волю поступать хорошо тамъ, гдѣ она не довольно сильна? Только заставляя человѣка желать добродѣтели; выставляя ее ему въ самомъ пріятномъ, а отсутствіе ея въ самомъ черномъ свѣтѣ; только соединяя понятіе о хорошихъ поступкахъ съ понятіемъ объ удовольствіи, а понятіе о дурныхъ поступкахъ съ мыслью о страданіи; только запечатлѣвая въ умѣ человѣка и показывая ему на опытѣ наслажденіе, естественно

заключающееся въ первомъ, и страданіе, соединенное со вторымъ, можно возбудить въ немъ ту волю быть добродѣтельнымъ, которая, окрѣпнувъ, дѣйствуетъ безъ малѣйшей мысли объ удовольствіи или страданіи. Воля есть дитя желанія и выходитъ изъ подъ власти родителя только для того, чтобы подчиниться власти привычки. Результатъ привычки не всегда хорошъ самъ по себѣ, и можно желать, чтобы стремленіе къ добродѣтели сдѣлалось независимымъ отъ удовольствія или страданія только потому, что вліяніе пріятнаго и непріятнаго, возбуждающее къ дѣятельности, очень ненадежно до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ поддержки въ привычкѣ. Одна только привычка придаетъ прочность и чувствамъ, и поступкамъ; и желаніе поступать хорошо должно быть развито въ силу привычки до полной независимости отъ всякихъ постороннихъ побужденій, потому что очень важно имѣть возможность безусловно полагаться на чувства и поступки какъ другихъ, такъ и самихъ себя. Другими словами, такое состояніе воли есть средство къ добру, но не самое добро, и не противорѣчитъ доктринѣ, что для человѣка хорошо только то, что пріятно само по себѣ или служитъ средствомъ къ достиженію удовольствія или устраненію страданія."

Это толкованіе Милля Герингъ признаетъ существенно вѣрнымъ, насколько оно касается объективныхъ различеній. Одно противопоставленіе воли, какъ „активнаго явленія", и желанія, какъ „состоянія пассивной воспріимчивости", требуетъ, очевидно, поправки, такъ какъ желаніе не менѣе активно, чѣмъ воля; что же касается терминологіи, то вы сами могли замѣтить, что все еще употребляется терминъ „воля" вмѣсто „выборъ" или „рѣшеніе". Ошибку эту не трудно, впрочемъ, исправить, замѣнивъ одинъ терминъ другимъ.

Перейдемъ теперь къ возрѣнію Рибо, который высказывается о разсматриваемомъ вопросѣ гораздо рѣзче и рѣшительнѣе Милля (см. L' hérédité, 1873, p. 116).

„Спиноза, глубокомысленный авторъ „Этики", справедливо говоритъ, что послѣднее объясненіе всѣхъ чувственныхъ явленій заключается въ фактѣ желанія, такъ какъ „желаніе есть ни что иное, какъ достигшее сознанія внутреннее побужденіе"; внут-

реннее же побужденіе и „есть самая сущность человѣка, поскольку этотъ послѣдній опредѣляется дѣятельностью, служащею къ его сохраненію“. Желаніе обнимаетъ собою всю совокупность физическихъ и нравственныхъ свойствъ человѣка, выражаетъ собою усилія, дѣлаемыя человѣкомъ для того, чтобы поддержать свое существованіе и обезпечить свое развитіе. Послѣдній корень его обрѣтается въ области безсознательнаго, и мы не знаемъ, какимъ образомъ достигаетъ онъ сознанія въ той именно формѣ, которая его характеризуетъ. Желаніе есть одна изъ формъ непознаваемаго, точно также какъ и мысль. Это неизвѣстное—х, служащій намъ для объясненія всѣхъ нашихъ аффектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно свести все безконечное разнообразіе страстей, душевныхъ движеній и чувствъ къ двумъ самымъ общимъ состояніямъ— удовольствію и неудовольствію, но оба эти состоянія обусловливаются желаніемъ. Такъ какъ намъ свойственны побужденія, которыя могутъ быть удовлетворены или не удовлетворены, то мы и чувствуемъ либо удовольствіе, либо неудовольствіе. Въ дѣйствительности, когда мы ощущаемъ радость или горе, мы желаемъ сохранить первую и устранить второе; но это сознательное желаніе есть на самомъ дѣлѣ только продолженіе первичнаго, безсознательнаго желанія, и его напрасно принимали иногда за его дѣйствіе. Состояніе напряженія, называемое нами желаніемъ и длящееся всю жизнь, подвергается измѣненіямъ каждое мгновеніе и причиняетъ всѣ наши пріятныя и непріятныя чувства. Эти послѣднія и слѣдуетъ разсматривать поэтому какъ моменты непрерывнаго процесса; процессъ представляетъ собою канву, на которой случайности жизни вышиваютъ всѣ наши психическія состоянія.“

Приведенныя цитаты изъ Милля и Рибо́ подтверждаютъ то, что не разъ было доказываемо Шопенгауэромъ, а именно, что воля и эгоизмъ тождественны, что нѣтъ другой воли, кромѣ эгоистической, и нѣтъ другаго эгоизма, кромѣ того, который всецѣло основывается на волѣ. Нѣтъ иной воли, кромѣ эгоистической, потому что воля всегда направлена къ чувству удовольствія, а это послѣднее естественнымъ образомъ можетъ быть испытываемо исключительно только субъектомъ; нѣтъ дру-

гаго эгоизма, кромѣ того, который основывается на волѣ, потому что всякое удовольствіе основывается въ послѣдней инстанціи исключительно на волѣ. Поэтому-то и „вся наша воспріимчивость направляется первоначально непосредственно на насъ самихъ, а позже и притомъ посредственно и на другихъ“, какъ замѣчаетъ далѣе Рибо (стр. 117), гдѣ онъ цитируетъ мысли А. Бэна, „себялюбіе есть основаніе всякой страсти, высшій законъ воспріимчивости, природа которой исчерпывается стремленіемъ къ собственному своему благу“.

Резюмируя главные результаты всего изложеннаго выше изслѣдованія понятія воли, мы можемъ сказать, что, разумѣя подъ волею общую совокупность органическихъ функцій извѣстнаго характера, мы изучаемъ ее въ смыслѣ элементарнаго психическаго явленія, по природѣ своей безсознательнаго и извѣстнаго намъ чрезъ посредство чувства. Чувство по отношенію къ волѣ разсматривается, слѣдовательно, какъ дѣйствіе по отношенію къ причинѣ. Что же касается разсудка, то всякое смѣшеніе его съ актомъ воли совершенно отвергается, и рѣшеніе его противопоставляется этому акту, какъ явленію, нисколько отъ нихъ не зависящему. Это различеніе воли и рѣшенія или выбора устраняетъ ложное различеніе высшей и низшей воли и подводитъ подъ одно понятіе разнообразныя выраженія, которыми обозначалось рѣшеніе или выборъ, именно — побужденіе, стремленіе, хотѣніе, вожделѣніе и т. п., — выраженія, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, лишено инаго содержанія, кромѣ того, которое составляетъ и содержаніе понятія воли. Возможность для воли подчиняться рѣшеніямъ разсудка создается воспитаніемъ и завершается въ предѣлахъ, возможныхъ для человѣка, постояннымъ и неустаннымъ самовоспитаніемъ. Воспитаніе вноситъ въ дѣятельность воли измѣненія, выражающіяся въ характерѣ ея направленія, но не можетъ измѣнить основныхъ свойствъ самой воли, остающейся тѣмъ непрерывнымъ процессомъ, который тянется отъ рожденія человѣка до его смерти, и на который какъ на нить нанизываются особенности и случайности, обусловленныя ходомъ импровизаціи индивидуальной жизни.

Если эти воззрѣнія на основныя свойства воли вѣрны, то вы сами можете придти къ заключенію, что воля никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ источникъ знанія. Знаніе можетъ измѣнить направленіе воли, т.-е. можетъ руководить ею; затѣмъ постоянный элементъ, присущій чувству пріятнаго и непріятнаго, можетъ самъ сдѣлаться объектомъ знанія, но, сами по себѣ, воля и чувство не имѣютъ съ актомъ познаванія ничего общаго, такъ какъ и воля, и чувство — состоянія чисто-субъективныя. Изъ всего этого можно вывести то заключеніе, что если воля и можетъ оказывать вліяніе на мышленіе, то вліяніе это можетъ быть только вреднымъ.

ПИСЬМО XII.

Послѣднимъ доступнымъ изслѣдованію элементомъ психической жизни мы признали волю, которая, будучи сама по себѣ явленіемъ, нами не сознаваемымъ, достигаетъ сознанія при посредствѣ своего дѣйствія—чувства. Это послѣднее должно быть разсматриваемо, такимъ образомъ, какъ конечный непосредственно-сознаваемый психическій элементъ. Такой результатъ изслѣдованія психической жизни является въ теоріи Геринга тезисомъ, который стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычнымъ воззрѣніемъ, согласно которому ощущенія и чувства считаются сами по себѣ безсознательными и доступными сознанію только въ силу самобытной дѣятельности этого послѣдняго, принимаемаго какъ нѣкая высшая психическая дѣятельность, какъ сила самостоятельная, отъ ощущеній и чувствъ независимая и, кромѣ того, апріорная. Если мы присмотримся ближе къ этому обычному воззрѣнію, то легко убѣдимся, что ошибочность его главнымъ образомъ зиждется на указанномъ въ предшествовавшемъ письмѣ вліяніи воли.

Въ обыденномъ словоупотребленіи термины сознаніе и знаніе часто имѣютъ значеніе синонимовъ и, кромѣ того, сознаніе ставится въ очень тѣсную связь съ мышленіемъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ сознанію приписываются свойства, которыя ему не присущи, и значеніе его распространяется на все интеллектуальное

достояніе человѣка и на всю совокупность психическихъ процессовъ, вслѣдствіе чего смѣшиваются различныя психическія функціи, такъ же какъ и ихъ результаты, существенно между собою различные. Мы лучше всего разграничимъ сознаніе отъ знанія, когда первое ограничимъ только тѣмъ, что дается моментомъ настоящимъ, будь то внѣшній объектъ или внутреннее состояніе. Сознаніе, конечно, есть также знаніе, но область его далеко не такъ обширна какъ область знанія: эта послѣдняя охватываетъ все непосредственно и посредственно познанное въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Поэтому-то возможно говорить о гипотетическомъ знаніи, но никакъ не о гипотетическомъ сознаніи: содержаніе сознанія, какъ данное непосредственно, лежитъ въ основѣ всякой гипотезы и всякаго умозаключенія.

Согласно опредѣленію мышленія, приведенному мною въ письмѣ X, мы можемъ сказать, что этотъ психическій актъ, какъ соединеніе, дробленіе и сопоставленіе воспріятій и представленій, есть дѣятельность надъ матеріаломъ, доставляемымъ какъ знаніемъ, такъ и сознаніемъ. Изъ этого видно, что мышленіе не можетъ существовать безъ сознанія, тогда какъ сознаніе можетъ существовать, нисколько не нуждаясь для того въ мышленіи. Когда прямое воспріятіе дано непосредственно, имѣетъ мѣсто сознаніе; мыслить же безъ помощи сознанія невозможно, такъ какъ оно доставляетъ для мышленія необходимые элементы. Здѣсь надо отмѣтить различіе, упущеніе котораго изъ виду производитъ всегда наибольшее замѣшательство: содержаніе всякаго мышленія коренится въ сознаніи, но изъ этого не слѣдуетъ однако-же, чтобы актъ мышленія совершался сознательно, какъ это предполагается большинствомъ психологовъ, отождествляющихъ мышленіе и сознаніе. Заблужденіе это получило начало въ дуализмѣ старинныхъ, традиціонныхъ психологическихъ теорій, который въ настоящемъ случаѣ выразился въ противопоставленіи внѣшнихъ чувствъ и внутреннихъ функцій сознанія и знанія. Удовлетворенная этимъ противопоставленіемъ, психологія, возрастая на почвѣ мистико-метафизической, не заботилась о дальнѣйшемъ анализѣ и теряла

изъ виду противопоставленіе сознанія и знанія. Обыкновенно полагали и полагаютъ, что, если человѣкъ не лишенъ сознанія въ состояніи бдѣнія, то и мыслитъ онъ непремѣнно сознательно. При этомъ, разумѣется, согласно духу господствовавшаго дуализма, считали знаніе и сознаніе функціями, независимыми отъ внѣшнихъ чувствъ, и формировали изъ ихъ смѣси ту метафизическую сущность, которая должна была дать полное удовлетвореніе пониманію.

Я только-что указалъ какъ на характеристическую ошибку мистико-метафизической психологіи на то, что она приписывала сознанію свойства мышленія и знанія, или, что то же, отождествляла сознаніе и знаніе. То направленіе новой психологіи, которое явилось подъ вліяніемъ реакціи старинным воззрѣніямъ, впало въ противоположную крайность, доказавшую какъ нельзя нагляднѣе, что крайности сходятся; и это новое направленіе также отождествило сознаніе и знаніе, но прямо противоположнымъ образомъ, а именно низведя мышленіе и знаніе до уровня сознанія. Вы уже хорошо знаете, въ чемъ здѣсь заключается ошибка, такъ какъ переходъ отъ непосредственнаго знанія, доставляемаго представленіями, къ посредственному знанію, слагающемуся изъ понятій, былъ достаточно выясненъ въ предшествовавшихъ письмахъ. Вы знаете, слѣдовательно, что знаніе отличается отъ сознанія не степенью, не количественно, но качественно: сознаніе охватываетъ только данный объектъ или данное состояніе; мышленіе же, опираясь на знаніе того, что было и что есть, достигаетъ до приблизительно-достовѣрнаго познанія того, что будетъ.

Только-что указанное мною вліяніе традиціоннаго и метафизическаго дуализма на психологію сказывается не только въ отождествленіи сознанія и знанія, но еще и въ преувеличеніи значенія самознанія или сознанія нашего „я“, которое разсматривается какъ апріорное знаніе, независимое отъ знанія внѣшнихъ объектовъ. Для васъ очевидна, конечно, связь дуалистическихъ теорій съ такимъ преувеличеніемъ значенія самосознанія, такъ какъ вы знаете, что извѣстною постановкою вопроса о на-

шемъ „я“ спасаются отъ крушенія воззрѣнія, особенно дорогія не только мистикамъ, но и метафизикамъ извѣстнаго пошиба.

Результаты научнаго изслѣдованія психическихъ явленій оказываются однако-же неблагопріятными для ученія объ апріорномъ самосознаніи. Содержаніе этому ученію дается знаніемъ какого-то „я“ или самосознаніемъ. Не слѣдуетъ забывать однако-же, что споръ о значеніи понятія, опредѣляемаго мѣстоименіемъ „я“, еще Юмомъ былъ признанъ споромъ не философскимъ, а грамматическимъ. И въ самомъ дѣлѣ, для всякаго ясно, что содержаніе понятія, соотвѣтствующаго мышленію перваго лица, не переходитъ за предѣлы понятія, соотвѣтствующаго имени собственнаго, вмѣсто котораго оно подставляется, какъ это наглядно обнаруживается значеніемъ равнозначущимъ мѣстоименій „ты“ и „онъ“. Притомъ же, надо имѣть въ виду тотъ важный историческій фактъ, что личныя мѣстоименія образовались весьма поздно и между ними позднѣе всѣхъ — мѣстоименіе перваго лица. Въ такой же мѣрѣ, какъ этотъ фактъ, неблагопріятно для принятія апріорности самосознанія и то, что воззрѣніе первобытнаго человѣка всегда охватываетъ словомъ „я“ всю совокупность организма. Организмъ представляется ему какъ нѣчто единое; выраженіемъ же этого единства и служитъ мѣстоименіе „я“. Нѣтъ спору однако-же, что значительная часть явленій, представляемыхъ организмомъ, можетъ стать достояніемъ нашего сознанія только тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ вообще внѣшніе предметы, и изъ этого видно, что непосредственное самосознаніе вырабатывается на почвѣ сознанія, а не строится a priori. Научное изслѣдованіе исправляетъ, конечно, это первобытное воззрѣніе, но исправленіе это нисколько не служитъ и не можетъ служить опорою мистико-метафизическимъ теоріямъ. Научное изслѣдованіе приводитъ къ тому убѣжденію, что организмъ можетъ служить основою для понятія нашего „я“ лишь постольку, поскольку организмъ является носителемъ психическихъ функцій, такъ какъ безъ нихъ не могло бы существовать мышленія объ организмѣ, не могло бы существовать знанія его, не могло бы имѣть мѣсто ни сознаніе, ни самосознаніе. Наше „я“, или наша личность, является такимъ образомъ какъ сумма ощущеній, чувствъ, представленій и

побужденій; два эти момента нашего существованія, т.-е. наше „я“ съ одной стороны и сумма ощущеній, чувствъ, представленій и побужденій—съ другой, могутъ, конечно, мыслиться отдѣльно одинъ отъ другого, но никакъ не могутъ раздвоиться въ самой дѣйствительности. Первый моментъ существуетъ, очевидно, въ такой тѣсной связи со вторымъ, что предполагать его реальную самобытность возможно съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ возможно утверждать реальную самобытность того, что мы видимъ, напримѣръ, въ зеркалѣ и т. п.

Теперь мы пришли къ вопросу о вліяніи воли на мышленіе,—вліяніи, какъ вы сейчасъ увидите, весьма неблагопріятно опредѣлявшемъ до сихъ поръ его рѣшеніе. Смѣшеніе сознанія и знанія являлось, какъ я показалъ выше, слѣдствіемъ стремленія поддержать дуалистическія теоріи, центръ тяжести которыхъ лежалъ въ настоящемъ случаѣ въ преувеличеніи значенія самосознанія. Преувеличеніе этого значенія, какъ и всѣ воззрѣнія, свободныя отъ подчиненія принудительной силѣ объективнаго порядка вещей, исходили и исходятъ изъ внушеній воли. И въ данномъ случаѣ преувеличеніе значенія самосознанія ведетъ къ тому, что человѣкъ и теоретически, и практически признаетъ себя чѣмъ-то особымъ, существомъ sui generis. Эту обособленность онъ выражаетъ словомъ „я“, противопоставляющимся тѣмъ словамъ, которыми означаются всѣ другія личности, и маскируетъ иллюзію, заключающуюся въ томъ, что слово это означаетъ нисколько не болѣе, чѣмъ слова Иванъ, Петръ и т. д. Такимъ образомъ какъ бы санкціонируется непосредственное внушеніе воли, непосредственный, естественный эгоизмъ, и каждый человѣкъ противопоставляется всѣмъ остальнымъ, что, въ свою очередь, воздѣйствуетъ въ высшей степени неблагопріятно на практическіе или нравственные интересы каждой отдѣльно взятой личности по отношенію къ остальнымъ. Можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксальнымъ вытекающее отсюда заключеніе, но оно вѣрно: было бы лучше, еслибы слово „я“ вовсе не существовало.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что самосознаніе есть ни что иное, какъ одинъ изъ видовъ сознанія, а поэтому нашему „я“

не могутъ быть приписаны никакія функціи, независимыя отъ нашего мышленія.

Теперь намъ предстоитъ ближайшее разсмотрѣніе отношеній, существующихъ между волею и мышленіемъ, и болѣе полное и точное опредѣленіе характера вліянія первой на второе. Здѣсь нѣкоторыя воззрѣнія Шопенгауэра имѣютъ для насъ большое значеніе, такъ какъ представляютъ многія точки соприкосновенія съ теоріею, которую я теперь излагаю, а потому я и остановлюсь надъ воззрѣніями этими съ нѣкоторою подробностью. Если мы пройдемъ молчаніемъ отождествленіе Шопенгауэромъ понятій воли и силы и распространеніе имъ понятія воли на весь міръ („міръ есть воля“) и ничего не скажемъ о той неизбѣжной послѣдовательности, которая этими метафизическими тезисами извратила шопенгауэровскую психологическую теорію, внесла въ нее мнѣнія, не подтверждаемыя научнымъ изслѣдованіемъ, и даже внутреннія противорѣчія, то всю умозрительную сторону ученія Шопенгауэра мы оставимъ внѣ нашего кругозора. Затѣмъ передъ нами возникнетъ несомнѣнная и великая заслуга его: утвержденіемъ первенства (примата) воли у человѣка, находящагося въ естественномъ состояніи, онъ далъ вѣрное разрѣшеніе вопросу объ отношеніи воли къ мышленію, что теперь признается даже и его противниками.

Я приведу съ нѣкоторою подробностью главные тезисы Шопенгауэра, относящіеся къ разсматриваемому вопросу, и затѣмъ изложу тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ на нихъ К. Гёрингъ.

„Воля—говоритъ Шопенгауэръ въ своемъ основномъ сочиненіи (Die Welt als Wille und Vorstellung)—составляетъ въ человѣкѣ реальное и существенное, разумъ же—лишь вторичное, обусловленное, пріобрѣтенное. Вѣрность этого положенія видна между прочимъ и изъ того, что разумъ можетъ проявлять свою дѣятельность вполнѣ чисто и правильно только до тѣхъ поръ, пока молчитъ воля; но лишь только обнаруживается ея возбужденіе, функціи разума тотчасъ омрачаются, а при вмѣшательствѣ ея въ эти функціи извращается и результатъ ихъ.“ Затѣмъ, Шопенгауэръ разсматриваетъ отдѣльно различныя проявленія воли—въ страхѣ, гнѣвѣ, радости, испугѣ, надеждѣ, любви, злобѣ и т. д.—

и находитъ, что всѣ эти примѣры служатъ подтвержденіемъ его теоріи. „При подачѣ совѣта—говоритъ онъ далѣе—самомалѣйшее недоброжелательство подающаго совѣтъ поглощаетъ все значеніе проницательности его, какъ бы далеко ни шла эта послѣдняя. Поэтому-то мы и вовсе не должны предполагать проявленія ея въ томъ случаѣ, когда допускаемъ присутствіе какого либо недоброжелательства. До какой степени отъ самыхъ справедливѣйшихъ людей нельзя ожидать правильнаго сужденія въ томъ случаѣ, когда въ дѣло замѣшаны ихъ интересы, можно видѣть изъ того, что мы нерѣдко готовы солгать на самихъ себя, если только насъ подзадориваетъ надежда, или обезумливаетъ страхъ, или томитъ подозрѣніе, или обольщаетъ тщеславіе, или ослѣпляетъ гипотеза и т. д.“. Еще далѣе: „Сильно дѣйствующій мотивъ, какъ, напримѣръ, страстное желаніе, настоятельная нужда и т. п., изощряетъ дѣятельность разума до такой высокой степени, до которой мы не считали его способнымъ. Затруднительныя обстоятельства, требующія отъ насъ проявленія извѣстнаго рода дѣятельности, обнаруживаютъ въ насъ совершенно новые таланты, вполнѣ намъ до того неизвѣстные и, какъ могло казаться, совсѣмъ намъ чуждые“.—„Точно также изощряется вліяніемъ воли и память; даже въ томъ случаѣ, когда она слаба, она тщательно сохраняетъ то, что имѣетъ значеніе для преобладающей страсти“. — „Еслибы общепринятое мнѣніе, разсматривающее волю какъ результатъ или продуктъ разума, было вѣрно, то сила воли всегда являлась бы въ пропорціональномъ отношеніи къ силѣ разума. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: чаще всего встрѣчаемъ мы соединеніе сильной, т.-е. рѣшительной, упорной, необоримой, своенравной и пылкой, воли съ разумомъ слабымъ и малоспособнымъ“. Наконецъ, вліяніе воли, по мнѣнію Шопенгауэра, обнаруживается и при обмѣнѣ мыслей между двумя лицами, возбуждая между ними споръ или установляя согласіе. „Ничто не можетъ возбудить бо́льшей досады—говоритъ Шопенгауэръ—какъ открытіе, что человѣкъ, котораго мы изо всѣхъ силъ стараемся убѣдить въ чемъ либо всякими толкованіями и доводами, не хо́четъ понять насъ“. — „Обратный результатъ такому противодѣйствію воли получается тогда, когда

при изложеніи нашихъ доводовъ мы имѣемъ волю слушателей за себя; тогда все сказанное нами одинаково убѣдительно, тогда всѣ аргументы оказываются мѣткими и дѣло сразу становится яснымъ какъ день".

Разбирая приведенныя выше воззрѣнія Шопенгауэра, Гёрингъ, по вопросу о вліяніи возбужденнаго состоянія на мышленіе, находитъ вѣрнымъ только то, что возбужденный человѣкъ не въ состояніи охватить всей совокупности условій своего положенія въ данную минуту, такъ какъ ассоціація идей вноситъ съ неотвратимою силою въ его сознаніе и долгое время удерживаетъ тамъ только тѣ представленія и мысли, которыя вяжутся съ существующимъ въ то время возбужденіемъ. Воспроизведеніе всѣхъ важныхъ для субъекта представленій встрѣчаетъ, такимъ образомъ, помѣху, и возбужденный принимаетъ рѣшенія и совершаетъ дѣйствія, не согласующіяся съ его обычнымъ міровоззрѣніемъ; и поэтому, по миновеніи возбужденія, вызывающія раскаяніе. Что же касается вліянія интересовъ, то Гёрингъ утверждаетъ, что всѣ приводимые Шопенгауэромъ факты стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Каждодневно мы можемъ наблюдать, говоритъ онъ, какъ люди со скуднымъ образованіемъ всюду лѣзутъ со своими совѣтами и, чтобы представить ихъ пригодными, не перестаютъ увѣрять очень рьяно, что интересы ихъ нисколько не примѣшиваются къ данному обстоятельству, что оно для нихъ безразлично и т. п. Всѣ эти увѣренія были бы лишены всякаго смысла, еслибы люди, близко стоящіе къ естественной непосредственности, не усматривали въ подчиненіи своихъ мнѣній личнымъ своимъ интересамъ или волѣ нѣчто само собою разумѣющееся, и потому не полагали бы, что они могутъ подавать безпристрастные совѣты только въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты эти не находятся въ противорѣчіи съ ихъ собственною пользою. Такое вліяніе воли на сужденія разсматривается обыкновенно въ судебной практикѣ, напримѣръ, какъ нѣчто естественное и общечеловѣческое; по этой причинѣ свидѣтельское показаніе признается годнымъ только тогда, когда можно быть увѣреннымъ въ независимости этого показанія отъ личныхъ интересовъ. Сплошь и рядомъ можемъ мы слышать, какъ мнѣніе

о согласованіи словъ каждаго съ его личными интересами высказывается въ смыслѣ основнаго положенія житейскаго кодекса нравственности, и всякій считаетъ долгомъ выразить удивленіе, узнавъ, что кто либо придерживается такихъ воззрѣній, которыя влекутъ за собою ущербъ его интересамъ. Въ лучшемъ случаѣ такого человѣка считаютъ „непрактичнымъ"; бо́льшею же частью стараются выискать въ поведеніи его и обстоятельствахъ скрытые мотивы, чтобы хоть какъ-нибудь объяснить себѣ тѣ основанія, которыми руководствуется „непрактичный" человѣкъ, не имѣющій съ точки зрѣнія толпы никакого права считаться представителемъ высшей нравственности и быть въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ общаго правила. По отношенію къ вопросу о вліяніи воли на изощреніе нашихъ способностей, Герингъ вполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія Шопенгауэра, указывая на возможность поддержать ихъ множествомъ примѣровъ и вообще считать ихъ доказанными. Что же касается до объясненія изощренія памяти, то оно, по мнѣнію Гёринга, очень просто: частое повтореніе представленій, вступившихъ въ область сознанія одновременно съ проявленіемъ воли, держитъ ихъ постоянно какъ бы у порога сознанія и даетъ возможность переступить его при каждомъ представляющемся для того поводѣ. Наконецъ, по вопросу объ отношеніи между силою разума и силою воли, Герингъ вполнѣ согласенъ съ Шопенгауэромъ, точно такъ же какъ и относительно вліянія воли, обнаруживающейся при обмѣнѣ мыслей.

Всѣ эти наблюденія, число которыхъ всякій легко можетъ значительно пріумножить, ясно показываютъ, что для обыденной житейской практики подчиненіе разума волѣ представляется обычнымъ и вполнѣ понятнымъ. При такой общераспространенности признанія этого факта онъ не могъ остаться безъ вліянія на ходъ умственнаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ завоеванія науки, какъ замѣчаетъ Альб. Ланге, могли стать общественнымъ достояніемъ только при томъ условіи, что первоначально они были принимаемы въ смѣшеніи съ современными имъ заблужденіями, отвѣчающими господствующимъ направленіямъ хотѣній, побужденій, воли вообще. Чистая наука, находясь въ вѣчной и непрестанной борьбѣ съ этими заблужденіями, постепенно под-

рываетъ ихъ и, наконецъ, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе любимыхъ предразсудковъ. Вскорѣ однако-же изыскивается какой-нибудь modus vivendi, при помощи котораго обѣ стороны, повидимому, находятъ себѣ удовлетвореніе; на самомъ же дѣлѣ, при этомъ возрождается весь сонмъ старыхъ заблужденій, облеченныхъ только въ новыя формы. Въ концѣ концовъ очень часто торжествуетъ воля, и изъ торжества ея выростаетъ въ такомъ случаѣ сознаніе о какой-то разумной волѣ, о такой волѣ, о такихъ хотѣніяхъ и побужденіяхъ, которыя представляютъ по отношенію къ наукѣ нѣчто необоримое. Наше время не совсѣмъ свободно отъ этого позора, и всякій, сколько-нибудь способный оріентироваться среди тѣхъ гнусностей, бокъ-о́-бокъ съ которыми мы осуждены жить, знаетъ это слишкомъ твердо и не попадетъ, конечно, въ западню, какими бы уловками его ни заманивали.

Какъ неблизорукій наблюдатель того, что вокругъ васъ совершается, вы, читая эти строки, конечно, обратитесь мысленно къ тѣмъ мистико-ташкентскимъ элюкубраціямъ и культурно-ханжескимъ явленіямъ, которыми неизбѣжно такъ богата жизнь хотя и пріобрѣвшаго внѣшній лоскъ, но на дѣлѣ полудикаго общества. Здѣсь широкій натискъ волнующихся хотѣній и вожделѣній далеко не можетъ удовлетвориться одними наивностями лекцій о мистицизмѣ и бездѣлками спиритическихъ сеансовъ съ ихъ дѣтскимъ лепетомъ простодушныхъ медіумовъ. Здѣсь удовлетвореніе воли необходимо принимается широко и борьба противъ обуздывающаго ее истиннаго просвѣщенія провозглашается рѣшительно, какъ принципъ, руководящій всею жизнью. При извѣстной долѣ откровенности, здѣсь прямо заявляются воззрѣнія, въ которыхъ соединеніе логики западно-европейскаго прилавка съ этикою русскаго холопства находитъ свое полное и блистательное выраженіе, и которыя для извѣстной общественной среды представляются послѣднимъ словомъ новѣйшей культуры [1]).

[1]) Упоминая о спиритизмѣ вскользь, я имѣю въ виду только его относительное значеніе и нисколько не считаю правильнымъ игнорированіе его и полное исключеніе изъ числа проявленій зла, противъ которыхъ слѣдуетъ

Всего до сихъ поръ сказаннаго, достаточно, конечно, чтобы убѣдить васъ въ несомнѣнности вреднаго вліянія воли на мышленіе; теперь предстоитъ разсмотрѣть ближе этотъ психологическій фактъ, изслѣдовать его генезисъ и различныя формы развитія.

Въ пору ранняго дѣтства побужденія, возникая часто, требуютъ для поддержанія организма правильнаго удовлетворенія; интенсивность ихъ вслѣдствіе этого постоянно возростаетъ, и скоро наступаетъ время, когда они совсѣмъ овладѣваютъ всею областью представленій ребенка. Изъ внѣшнихъ объектовъ чаще всего воспринимаются тѣ, которые находятся въ связи съ удовлетвореніемъ воли; они легко входятъ въ такую ассоціацію, посред-

---

бороться. Спиритизмъ, какъ новая форма мистицизма, необходимо долженъ быть преслѣдуемъ независимымъ изслѣдованіемъ и разоблачаемъ научною критикою. Его лицемѣрное заигрываніе съ наукою должно быть непремѣнно раскрыто и его никакъ не должна миновать та нелицепріятная оцѣнка, которая обнаружитъ въ немъ тенденцію вѣковѣчнаго обскурантизма, принципіально отвергающаго все значеніе науки и весь смыслъ ея многострадальной исторіи Къ счастью для нашего, далеко еще не оперившагося просвѣщенія, есть у насъ люди, голосъ которыхъ имѣетъ значеніе и въ европейской наукѣ и которыя по отношенію къ спиритизму стоятъ именно на указанной выше точкѣ зрѣнія. Проф. Менделѣевъ еще въ 1875 г. заявилъ мнѣніе, что пришло время обратить вниманіе на распространеніе занятій такъ-называемыми спиритическими или медіумическими явленіями, какъ въ семейныхъ кружкахъ, такъ и въ средѣ нѣкоторыхъ ученыхъ. Занятія столоверченіемъ, разговоромъ съ невидимыми существами при помощи стуковъ, опытами уменьшенія вѣса тѣлъ и вызовомъ человѣческихъ фигуръ — грозятъ распространеніемъ мистицизма, могущаго оторвать многихъ отъ здраваго взгляда на предметы и усилить суевѣріе. Въ этихъ видахъ г. Менделѣевъ предложилъ физическому обществу образовать коммиссію для разсмотрѣнія явленій, называемыхъ медіумическими, и въ 1876 году издалъ томъ „Матеріаловъ для сужденія о спиритизмѣ“, заключающій въ себѣ протоколы помянутой коммиссіи, два публичныхъ чтенія о спиритизмѣ самого г. Менделѣева и нѣсколько статей разныхъ лицъ, какъ матеріалъ для выясненія этого вопроса. Все это было въ высшей степени поучительно, конечно; но только, разумѣется, не для тѣхъ, для которыхъ самый вопросъ не былъ открытымъ вопросомъ разума, а представлялся предрѣшеннымъ мистическими побужденіями. Имѣя дѣло, какъ членъ коммиссіи, и съ людьми этой послѣдней категоріи г. Менделѣевъ поневолѣ принялъ во вниманіе ихъ толки и, оканчивая свою книгу, присое-

ствомъ которой удерживаются въ сознаніи, такъ какъ вмѣстѣ съ возникающими побужденіями воспроизводятся въ представленіи тѣ объекты и лица, которыя служатъ удовлетворенію этихъ побужденій. Напротивъ того, тѣ воспріятія, которыя не могутъ служить для удовлетворенія побужденій, день ото дня все слабѣютъ, такъ какъ нѣтъ такихъ представленій, съ которыми бы они легко и прочно ассоціировались. Возможность удовлетворять проявленіямъ воли вскорѣ становится единственнымъ масштабомъ, по которому дѣлается оцѣнка значенія объектовъ. Такимъ образомъ, развивающееся мышленіе мало-по-малу подпадаетъ подъ господство воли и остается у многихъ въ этомъ подчиненіи на всю жизнь.

До какой степени обыденная житейская практика подчи-

динилъ къ ней примѣчаніе, въ которомъ выражаетъ между прочимъ сожалѣніе о томъ, что поднялъ медіумическій вопросъ: „думалось — говоритъ онъ—что имѣешь дѣло съ научнымъ вопросомъ, оказалось — что вопросъ какой-то совсѣмъ другой, а только ужъ никакъ не научный. Оттого и жаль, что вмѣшался. Печалюсь и грущу—прибавляетъ онъ къ этому—потому что вижу, какъ правду хочетъ осѣдлать кривда, не мытьемъ хочетъ взять такъ катаньемъ". Пріемы кривды и ея шансы на побѣду глубоко досадны, конечно, но слѣдуетъ помнить, я думаю, что и пріемы эти, и ихъ послѣдствія представляютъ только результатъ разности горизонтовъ разума и побужденій извѣстнаго рода въ данномъ обществѣ, и что разность эта не можетъ измѣниться однимъ только непосредственнымъ вліяніемъ на результатъ ея. Здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ болѣе широкомъ, о вліяніи научной критики на общій ходъ воспитанія общества, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи „Матеріалы" г. Менделѣева, конечно, не лишены значенія; но такъ какъ вопросъ общественнаго воспитанія чрезвычайно сложенъ и разрѣшеніе его слагается изъ вліяній противоположныхъ, то результаты частныхъ усилій, отдѣльно взятыхъ, и остаются мало замѣтными. Едва ли правъ былъ, однако-же, г. Менделѣевъ, совсѣмъ упустивъ изъ виду это обстоятельство и не вслушавшись въ голосъ благодарности людей, которые съ полною независимостью могли оцѣнить его самоотверженную заслугу. Люди эти понимали то усиліе надъ собою, которое долженъ былъ сдѣлать серьозный ученый для того, чтобы ниспуститься — къ кому же?—къ медіумамъ, къ ихъ поклонникамъ! Честь и слава ему за это памятованіе связи науки и жизни. О такихъ дѣлахъ не жалѣютъ.—Кромѣ „Матеріаловъ" г. Менделѣева, для установленія научнаго взгляда на спиритизмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на статью г. Петрушевскаго въ 3-й кн. „Отеч. Зап." за 1872 г. и на недавно вышедшую книгу В. Карпентера „Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ".

няетъ интересы ума интересамъ чувственности хорошо знаетъ всякій. Озираясь кругомъ, мы невольно вспоминаемъ жгучія разоблаченія нашего вѣковаго сенсуалистическаго склада умственныхъ способностей, такъ прекрасно и послѣдовательно проведенныя Щаповымъ въ его „Соціально-педагогическихъ условіяхъ умственнаго развитія русскаго народа“. Все это „преобладаніе поверхностной сенсуальной воспріимчивости надъ теоретическою глубокомысленностью“, все это „непосредственно-чувственное верхоглядство“, всю эту „неспособность къ естественно-научнымъ теоріямъ и обобщеніямъ“,—весь этотъ пошибъ жизни, выражаемый однимъ мѣткимъ щедринскимъ словомъ „жрать“, и невольно переносящій насъ къ мысли о дикаряхъ, о которыхъ гдѣ-то разсказываетъ Бастіанъ, что они вѣруютъ, будто тѣла ихъ истлѣваютъ, а одни утробы только возносятся на небо. И не у насъ однихъ, вездѣ обыденная житейская практика тянется только къ удовлетворенію своихъ побужденій, отталкивая съ негодованіемъ все то, что представляется ей препятствіемъ къ такому удовлетворенію. Къ тому же погрязающій въ тинѣ житейской практики дѣлаетъ свое дѣло всегда съ такою глубокою серьозностью, которая для человѣка, способнаго безпристрастно судить объ объектахъ своихъ побужденій, не можетъ не являться въ высшей степени комичною, и которая внушила Шопенгауэру мысль назвать человѣка серьознымъ звѣремъ. Дѣйствіе такого пошиба жизни на мышленіе очевидно: самостоятельность мышленія падаетъ такъ низко, какъ только возможно, теоретическая сторона его вовсе забрасывается, и человѣкъ отъ одного удовлетворенія воли переходитъ къ другому, тратя на это всю свою жизнь.

Такъ-называемая высшая умственная дѣятельность получаетъ начало, вырабатывается и крѣпнетъ подъ гнетомъ естественныхъ побужденій; вліяніе ихъ на ходъ ея развитія тѣмъ значительнѣе, что только немногіе сознаютъ его и никто не можетъ освободиться отъ него вполнѣ. Если правдива мысль, что природа, изгоняемая въ дверь, влетаетъ въ окно, то правдивость ея нигдѣ такъ не разительна, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Вы видите изъ этого, какъ глубоко лежатъ въ природѣ че-

ловѣка корни вліянія воли на мышленіе, и сколько работы надъ собою, сколько самокритики требуется для того, чтобы преодолѣть это вліяніе хоть настолько, насколько это допускается нашими силами, способностями, условіями жизни, воздѣйствіемъ общественной среды и т. д., и выйти на путь, пролегающій къ тому просвѣтленному міроразумѣнію и прояснѣнному самосознанію, за одинъ мигъ полнаго осуществленія которыхъ можно, не колеблясь, отдать жизнь, зная, что она не стóитъ этого мига.

Я снова прихожу, такимъ образомъ, къ тому, съ чего началъ, къ вопросу о ненаучномъ, обыденномъ мышленіи, съ тою разницею, впрочемъ, что теперь я имѣю въ виду не проявленія его, а психологическую его подкладку, его генезисъ. Нѣсколькими заключительными замѣчаніями объ этой сторонѣ вопроса я и окончу настоящее письмо.

Ранѣе, чѣмъ ребенокъ начнетъ говорить, онъ произноситъ звуки, которые соединяются у него съ представленіями, имѣющимися въ накопленномъ имъ запасѣ. По аналогіи съ психическою дѣятельностью позднѣйшаго возраста мы должны допустить, что всякій изъ произносимыхъ ребенкомъ звуковъ ассоціируется съ соотвѣтственными представленіями и что они вызываются одно другимъ въ сознаніи, причемъ, естественно, скудное число звуковъ неизбѣжно влечетъ ассоціацію каждаго изъ нихъ съ нѣсколькими представленіями. Это отношеніе между звуками и представленіями остается существенно неизмѣннымъ и тогда, когда звуки замѣняются опредѣленными словами. При слабой способности различенія, множество объектовъ необходимо представляются ребенку тождественными и означаются, несмотря на ихъ дѣйствительное различіе, одними и тѣми же словами, такъ, напримѣръ, всѣ мужчины именуются дядями, всѣ женщины тетями и т. п. Это дѣтское свойство остается и у первобытныхъ людей, дикарей и т. д., языки которыхъ очень бѣдны коренными словами и которые довольствуются обозначеніемъ однимъ и тѣмъ же словомъ самыхъ разнообразныхъ понятій.

Къ результатамъ первобытной неразборчивости присоединяется еще и та путаница, которая возникаетъ неизбѣжно въ силу присущаго языку свойства выражать только общее, только

понятія, и въ обыденное мышленіе вносится полнѣйшее замѣшательство. Свойства однихъ конкретныхъ и индивидуальныхъ объектовъ переносятся на объекты съ другими свойствами, если только объекты эти обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ; строятся аналогіи, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ основаній; дѣлаются обобщенія, источникомъ которыхъ являются одни только словесныя обозначенія объектовъ и т. д.,—словомъ, получается хаосъ, вполнѣ годный для подтвержденія того взгляда, что косность мысли есть основной порокъ человѣка.

Все вышесказанное приводитъ васъ, какъ я имѣю основаніе надѣяться, къ убѣжденію, что первобытное естественное отношеніе между волею и разумомъ представляетъ нѣчто прямо противоположное тому, что должно быть поставлено цѣлью всякаго воспитанія, цѣлью просвѣщенія вообще — дисциплинированію воли разумомъ. Въ первобытномъ, естественномъ состояніи умственная дѣятельность находится въ почти неограниченной власти воли, и власть эта проявляется въ двухъ направленіяхъ: во-1-хъ, воля опредѣляетъ заранѣе объектъ мышленія и, во-2-хъ, она вліяетъ на самое содержаніе этого мышленія. Практикъ жизни то прилѣпляется мыслью къ тому, что можетъ удовлетворять его побужденія и хотѣнія, то „вѣритъ охотно, когда ему скажутъ, чего самъ онъ хочетъ“, то отвергаетъ все то, что не согласуется съ его желаніями, надеждами и ожиданіями. Его мысли тамъ, гдѣ интересы, гдѣ нажива, гдѣ удовлетвореніе, и его мысли таковы, каковы интересы, каковы средства наживы, каковы способы удовлетворенія; вліяніе воли на мышленіе сказывается здѣсь элементарно, рѣзко и ясно. Зная эти факты, не трудно прослѣдить въ тысячѣ степеняхъ и оттѣнкахъ развитіе человѣческаго типа, начиная отъ „ташкентцевъ“ и „культурныхъ людей“, продолжая людьми „средними“ и оканчивая рѣдкими личностями, способными приносить свою волю, свои хотѣнія въ жертву рѣшеніямъ, основаннымъ на просвѣтленномъ наукою разумѣ. Такія личности преодолѣли гнетъ непосредственности и выработали себѣ „вторую натуру“, — натуру, которая можетъ проявлять такую же силу воли, какъ и натуры первобытныя, но силу воли не необузданной, не хищнической, но

вполнѣ самоопредѣлившейся долгою работою самокритики. Въ такихъ личностяхъ исчезаетъ вполнѣ „ветхій человѣкъ“ съ его страстями и похотями, и въ нихъ мы привѣтствуемъ человѣка новаго, сѣятеля истины, глашатая справедливости, благовѣстника лучшаго будущаго, бодраго и рѣшительнаго дѣятеля.

„Ничто такъ не унижаетъ человѣка, какъ обычай руководиться чужимъ умомъ и подчинять авторитету то, что долженъ рѣшать только собственный разумъ“, говорилъ еще въ XVI вѣкѣ испанскій мыслитель Вивесъ [1]). Эта автономія разума и созидается наукою и высшимъ выраженіемъ ея „научною философіей“, которыя и являются, такимъ образомъ, совокупностью принциповъ, не только управляющихъ разработкою вопросовъ отвлеченныхъ, но черезъ ихъ посредство необходимо воздѣйствующихъ и на всю дѣятельность практическую. Если значеніе науки и научной философіи опредѣлено вѣрно, то попытаемся вступить на путь, который они намъ указываютъ, и твердо рѣшимся работать надъ освобожденіемъ себя и другихъ отъ всякой лжи, надъ низверженіемъ призраковъ обыденнаго мышленія и иллюзій метафизики, надъ серьознымъ изученіемъ дѣйствительности, надъ установленіемъ полной и независимой истины, надъ распространеніемъ свѣта неизвращенной науки и надъ выработкою такихъ руководящихъ дѣятельностью нашей убѣжденій, которыя въ состояніи были бы поднять насъ на высшую степень умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія.

---

[1]) Цит. у José del Perojo. „La ciencia española bajo la inquisicion“. (Revista contemporanea. 1877. № 33).

ПИСЬМО XIII.

Научная философія представлена мною въ предшествовавшемъ письмѣ въ томъ общемъ очеркѣ, для разработки котораго исходною точкою приняты мною основоначала новой критической школы. Задачу мою я исполнилъ, какъ могъ, и считаю ее теперь оконченною. Затѣмъ, принимаясь за это дополнительное письмо, я долженъ прежде всего объяснить тѣ причины, которыя дѣлаютъ его для настоящаго моего труда необходимымъ.

Научную философію отождествляли обыкновенно до самаго послѣдняго времени съ позитивизмомъ. Основатель позитивной школы и полагалъ въ самомъ дѣлѣ, что ему удалось обосновать такое философское ученіе, принципы котораго не могутъ уже болѣе подлежать измѣненіямъ и которое при дальнѣйшемъ своемъ развитіи будетъ подвергаться однимъ только измѣненіямъ чисто частнаго характера, нисколько не могущаго притязать на принципіальное значеніе. Въ такомъ догматизмѣ Ог. Конта лежалъ уже явно зачатокъ косности, который и получилъ впослѣдствіи полное свое развитіе въ „Позитивной политикѣ“, представляющей своеобразное воспроизведеніе католическо-клерикальной системы и явно свидѣтельствующей о томъ патологическомъ состояніи, при которомъ она выработалась. Но рядомъ съ зародышемъ позитивнаго мистицизма въ системѣ Ог. Конта, невѣдомо для него самого, содержался и зародышъ критицизма,

неизбѣжно присущаго всякому научному знанію,—критицизма, какъ принципа противополагающаго научное мышленіе обыденному и опредѣляющаго значеніе и условія развитія того психическаго акта, который мы отличаемъ отъ непосредственнаго комбинированія представленій и называемъ познаваніемъ. Если бы философскія знанія и обусловленное ими философское развитіе стояли у Ог. Конта на высотѣ его природныхъ дарованій и могли бы служить опорою производительной силы его генія, тогда, конечно, необходимость постановки критическаго начала въ его системѣ, явившейся черезъ полъ-вѣка послѣ „Критики чистаго разума", предстала бы передъ нимъ во всей своей ясности, и мы получили бы въ ней именно то, что самъ онъ и его поклонники мнили и мнятъ въ ней видѣть; но такъ какъ, къ несчастью, философскія знанія Ог. Конта были скудны и философское его развитіе поэтому стояло на уровнѣ невысокомъ, то въ результатѣ и оказалось, что, кинувъ безсознательно двѣ-три бѣглыхъ критическихъ замѣтки, онъ всѣ свои силы потратилъ сперва на построеніе схемы, долженствовавшей при развитіи критическаго начала отойти на второй планъ, а потомъ и совсѣмъ сбился на безплодную работу реабилитаціи мистицизма,—работу, въ которой только по временамъ можно наблюдать проблески его генія, сгубившаго себя ложнымъ направленіемъ, принятымъ съ первыхъ же шаговъ вступленія на путь философствованія, не освѣщенный свѣтомъ критики.

Отсутствіе философской критики въ системѣ Ог. Конта прежде всего бросается въ глаза тѣмъ явнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ, что позитивная система, необходимо обязанная своимъ возникновеніемъ и развитіемъ возмужалой порѣ человѣческаго разума, производитъ однако-же впечатлѣніе ученія, какъ бы задавшагося мыслью принизить значеніе разума, ограничить его силы, не дать хода его развитію. Впечатлѣніе это естественно возникаетъ изъ того обстоятельства, что, такъ какъ въ системѣ Конта не существуетъ критическаго изслѣдованія условій познаванія, то въ ней нѣтъ и критики понятій, а поэтому и не выяснено: соотвѣтствуютъ ли понятіямъ реальные объекты или нѣтъ; если соотвѣтствуютъ, то какимъ образомъ—по-

средственно или непосредственно, и, наконецъ, соотвѣтствуютъ ли всѣмъ понятіямъ или только нѣкоторымъ, и какимъ именно. Если бы всѣ эти вопросы Ог. Контомъ были рѣшены, то ему не пришлось бы устанавливать догматически какіе-то шлагбаумы, окружающіе со всѣхъ сторонъ область знанія, и возвѣщать разуму: вотъ границы, ихъ же не прейдеши. И безъ этой такъ непріятно дѣйствующей на философскіе умы регламентаціи, въ силу одного только освѣщенія поля знанія философской критикой, было бы видно все, доступное изслѣдованію, и всѣ пути, ведущіе къ достовѣрному и прочному рѣшенію вопросовъ; а главное, безъ этого не пришлось бы принимать декораціи городовъ за самые города, не пришлось бы горевать о томъ, что намъ нельзя поселиться въ этихъ городахъ: все это стало бы совершенно излишнимъ и въ послѣдней степени наивнымъ. Наконецъ, при вліяніи философской критики, даже и самые бездарные позитивисты не могли бы договориться до необходимости „воздержанія“ отъ рѣшенія нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ, и, слѣдовательно, не случилось бы того скандальнаго провозглашенія рѣшающаго значенія личныхъ побужденій, которымъ обогатилась позитивная литература въ новѣйшее время.

Такимъ образомъ и стало ясно, что Ог. Контъ, при всей своей геніальности, потерпѣлъ неудачу. Онъ хоть и угадалъ, что впредь философія должна строиться на научныхъ основахъ, но, взявшись за дѣло, съ перваго же шагу пошелъ по старой тропѣ догматизма и вмѣсто системы научной философіи далъ намъ схему наукъ, въ которую едва-едва вкраплены намеки на философскій критицизмъ и которая слишкомъ часто перегибается въ наивный реализмъ, лишающій ее значительной доли того философскаго значенія, какое она могла бы получить въ рукахъ мастера, соединяющаго въ себѣ съ природною силою достодолжную философскую подготовку.

У Ог. Конта есть два рода продолжателей: одни разрабатываютъ всю его мистико-догматическую систему, какъ Лафитъ во Франціи и Конгревъ въ Англіи; другіе же, отвергнувъ мистическую часть системы, остановились надъ продолженіемъ работы Конта исключительно въ области „системы позитив-

ной философіи". Послѣдніе, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный ученый Эмиль Литтрé, составляютъ небольшую группу, состоящую изъ французовъ и двухъ-трехъ иностранцевъ. Группа эта успѣла воздѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ на наслѣдіе „учителя" и придать позитивизму нѣкоторый оттѣнокъ, отличающій новый позитивизмъ отъ позитивизма собственно контовскаго. Послѣдователи ея получили въ послѣднее время названіе литтреистовъ. Названіе это дано имъ впервые однимъ одинокостоящимъ самобытнымъ, и горячимъ послѣдователемъ Ог. Конта — американцемъ Андрé Поэйемъ, работающимъ въ настоящее время надъ обширною энциклопедіею позитивизма, обѣщающею быть замѣчательнымъ вкладомъ въ позитивную литературу [1]).

Проходя молчаніемъ позитивистовъ-мистиковъ, такъ же какъ и Поэйя, я остановлюсь только надъ позитивистами группы Литтрé и укажу на главный результатъ ихъ вліянія какъ на самое ученіе Ог. Конта, такъ и на распространеніе его за предѣлы тѣснаго кружка мѣстныхъ почитателей этого философа.

Я начну, разумѣется, съ главы группы, Литтрé. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что, отвергнувъ мистическую часть системы Конта, Литтрé обнаружилъ проницательность философскаго взгляда и изобралъ вѣрный путь для дальнѣйшаго развитія позитивной философіи; при ближайшемъ же разсмотрѣніи того, что сдѣлалъ Литтрé, обнаруживается половинчатость, неопредѣленность и наслѣдственное у позитивистовъ невѣдѣніе критической философіи. Литтрé поступилъ, конечно, правильно, отвергнувъ мистическую часть контовой системы,—онъ доказалъ такимъ образомъ, что онъ не мистикъ; но шагъ этотъ стимулировался только отвращеніемъ къ мистикѣ и не имѣлъ болѣе глубокихъ корней, именно такихъ, которые, уходя далеко въ фило-

[1]) Задуманная Поэйемъ „Bibliothèque positiviste" должна будетъ заключать около 40 томовъ, посвященныхъ популяризаціи позитивизма, его исторіи и библіографіи. Первый томъ, „le Positivisme par André Poëy", вышелъ въ 1876 году. Теперь готовится къ печати „Bibliographie positiviste", которая, какъ пишетъ мнѣ Поэй, будетъ заключать въ себѣ до 1,300 заглавій сочиненій о позитивизмѣ, появившихся гдѣ бы то ни было до настоящаго времени.

софскую почву, всасывали бы критическіе ея элементы, обходя элементы догматическіе и доставляя, такимъ образомъ, системѣ такое питаніе, которое все болѣе и болѣе развивало бы въ ней часть критическую на счетъ части догматической и неудержимо влекло бы позитивизмъ къ новому, болѣе зрѣлому фазису. Ни на что подобное у Литтре нѣтъ и намека. У него только и хватило силъ на сверженіе гнета мистицизма, но о гнетѣ догматизма онъ никогда и не думалъ. Мало того, что онъ о немъ не думалъ, но онъ даже проглядѣлъ и тѣ зачатки критицизма, которые безсознательно были брошены Контомъ въ двухъ первыхъ и трехъ послѣднихъ лекціяхъ его „Курса“. Чуждый критической философіи, какъ и Контъ, Литтре, кромѣ того, не обладаетъ его геніемъ, и имѣя на плечахъ колоссальную и кропотливую ученую работу, неизбѣжно болѣе чѣмъ его учитель пригвожденъ къ частностямъ, отъ которыхъ ему не особенно легко подыматься до обобщеній. Въ силу такихъ условій, Литтре какъ-то особенно цѣпко ухватился за контовскую схему, провозгласилъ ее полною, довлѣющею себѣ философскою системой, увидѣлъ въ ней и готовое ученіе, и готовый методъ, словомъ, альфу и омегу всей философіи. Онъ, такимъ образомъ, свелъ къ нулю свое же собственное мнѣніе о томъ, что Ог. Контъ поставилъ позитивистовъ лишь на порогѣ философіи и что все предстоитъ передѣлать за-ново. Когда на самомъ дѣлѣ доходило до передѣлки, то Литтре ограничивался частностями и мелочами, не имѣвшими ровно никакого философскаго значенія или приводившими къ страннымъ несообразностямъ, въ родѣ „appendice de la philosophie positive“, о которой я упоминалъ въ моемъ II письмѣ, и т. п.

Литтре, какъ умъ нисколько не философскій, и какъ ученый, совершенно погруженный въ свои любимыя занятія, незамѣтно перенесъ центръ тяжести позитивизма на изслѣдованіе частныхъ научныхъ областей, въ которыхъ самъ и являетъ едвали досягаемый для другихъ позитивистовъ образецъ. Литтре глубокій старикъ и позитивисты очень хорошо знаютъ, „qu'il faut être très fort pour remplacer m-r Littré“; но кто же его замѣнитъ? Ужели сотоварищъ его по редакціи „Revue“ соотечественникъ

нашъ г. Вырубовъ, дѣятельность котораго въ продолженіи десятилѣтняго существованія „Revue“ вполнѣ обозначилась какъ имѣющая для позитивизма отрицательное значеніе, какъ несомнѣнно подрывающая его философское достоинство. Достаточно указать его сведеніе понятія абсолютнаго на понятіе достовѣрнаго и понятія относительнаго на понятіе вѣроятнаго, такъ же какъ и смѣшеніе идеи абстрактныхъ наукъ съ идеею наукъ конкретныхъ въ его никуда не годной классификаціи геологіи, чтобы сразу выставить во всей яркости антифилософскій характеръ этого будто бы кандидата на главенство въ позитивной школѣ.

Ясно какъ день, что лица, стоящія во главѣ французской группы позитивистовъ, не внесли въ наслѣдіе, оставленное имъ Ог. Контомъ, ничего такого, что могло бы повести далѣе развитіе позитивно-философской системы, но за то внесли не мало такихъ элементовъ, которые сильно повредили этому развитію: атрофировали зачатки критицизма, непомѣрно преувеличили значеніе схемы, затемнили различеніе нѣкоторыхъ основныхъ понятій и, въ концѣ-концовъ, низвели позитивизмъ на уровень голой энциклопедической схемы наукъ, представляющей — при сохраняющемся упорствѣ въ именованіи себя философіей — своего рода философскій заморышъ, судьба котораго вполнѣ способна возбудить у небезучастнаго зрителя искреннее сожалѣніе.

Философія Ог. Конта, долго остававшаяся достояніемъ тѣснаго круга его почитателей, по словамъ Ст. Милля, „какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи“ тогда, когда жажда научно-философскаго знанія была тѣмъ болѣе интенсивна, чѣмъ менѣе находила удовлетворенія въ ходячихъ философскихъ системахъ. Во всѣхъ большихъ центрахъ умственной дѣятельности явились почитатели и комментаторы Ог. Конта; къ числу ихъ принадлежали такіе люди какъ Брюстеръ, Ст. Милль, Твестенъ. „Курсъ позитивной философіи“ вышелъ вторымъ и, вскорѣ затѣмъ, третьимъ изданіемъ; литература позитивизма насчитывала къ 1876 г., по счету Поэйя, до 900 сочиненій,—словомъ, своевременность удовлетворенія потребности въ научной философіи была очевидна. Одновременно съ распро-

страненіемъ позитивизма въ ширь, нельзя было не замѣтить, однако-же, что мало-по-малу начинаетъ обнаруживаться недовольство имъ, и недовольство, исходящее не изъ нѣдръ метафизики, но—въ этомъ и заключалась вся его важность—изъ сознанія неполноты, недоразвитости, недодѣланности его. Стало выясняться, что вопросы, которые до тѣхъ поръ были рѣшаемы метафизически, не были перерѣшены позитивизмомъ научно, а просто-на-просто были обойдены, устранены, упразднены, причемъ оставалось неизвѣстнымъ, изъ какихъ именно началъ исходило такое произвольное урѣзываніе философской задачи. Получалось впечатлѣніе какого-то декретированія, и въ умахъ произошло нѣкоторое безпокойство. Знали, что вопросъ о значеніи теоріи познаванія былъ поставленъ, что важность философской критики была признана, такъ же какъ знали и то, что вопросы эти не были еще рѣшены, что научной теоріи познаванія еще не существовало, что научно-философская критика витала еще въ области благочестивыхъ желаній. Что же? Даетъ ли ихъ позитивизмъ, устраняетъ ли онъ съ пути преграду, которая мѣшала до сихъ поръ подвигаться впередъ и только раздражала философскую пытливость, жаждущую разрѣшенія мучившихъ ее вопросовъ и, за неимѣніемъ научнаго рѣшенія ихъ, уносившуюся въ заоблачныя сферы метафизики. Позитивизмъ не давалъ этого научнаго рѣшенія, не открывалъ простора для движенія впередъ, а ограничивался приглашеніемъ остановиться и заняться схематизированіемъ приготовленнаго для рѣшенія основныхъ философскихъ вопросовъ матеріала, точно какъ будто бы матеріалъ этотъ для того и былъ запасенъ, чтобы представлять изъ себя энциклопедію наукъ, во всемъ подобную всякой другой энциклопедіи и отличающуюся только тѣмъ, что въ ней число наукъ было ограничено и науки расположены въ порядкѣ убывающей общности и возрастающей сложности, что̀, хотя и представляло удобства для ихъ изученія, но нисколько не облегчало возможности найти, наконецъ, научное рѣшеніе для вопроса собственно-философскаго. Неудивительно поэтому, если позитивизмъ не могъ удовлетворить умы: заговорили о восполненіи его недостатковъ, подняли вопросъ о „позитивной метафизикѣ“, пытались обосновать

новую „позитивную философію“, не только вполнѣ независимую отъ контовской, но даже ни единымъ словомъ не намекающую на существованіе послѣдней.

Попытка послѣдняго рода, принадлежащая мантуанскому профессору Ардигó [1]), ошибочна, какъ я полагаю, уже потому, что предполагаетъ отрицаніе преемственности въ развитіи научной философіи,—преемственности, несомнѣнно существующей и не лишенной значенія. Не отвергая этой преемственной связи и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду переработку основоначалъ научной философіи, достаточно было бы взглянуть на позитивизмъ съ точки зрѣнія строго научной и вполнѣ независимой, и, затѣмъ, отвлекая отъ него всѣ его чисто-индивидуальныя, контовскія особенности, оцѣнить въ немъ одно только самое общее его значеніе, значеніе сознаннаго стремленія обосновать философію на наукѣ, значеніе ясно поставленнаго вопроса о томъ, какъ осуществить идею научной философіи. При такомъ отношеніи къ позитивизму изъ него бралось съ увѣренностью только то, что было въ немъ несомнѣнно прочнаго и устойчиваго, и затѣмъ перерѣшеніе его задачи совершалось уже не отрозненно отъ тѣхъ элементовъ, которые были подготовлены, но остались неизвѣстными основателю позитивизма, а въ связи съ ними. Такой пріемъ подавалъ надежду на возможность одновременнаго спасенія новой философіи и отъ метафизической заоблачности, и отъ позитивнаго скопчества, т.-е., другими словами, являлась мысль о возможности повести образованіе общихъ понятій при посредствѣ научнаго метода, не стѣсняясь при этомъ предустановленными рамками схемы. При успѣхѣ такой работы долженъ былъ получиться выходъ къ научной философіи, которая и получала значеніе достигшаго зрѣлости позитивизма. Она была явленіемъ того же типа, что и позитивизмъ, но различалась отъ него степенью развитія.

Теперь вы и видите, почему, покончивъ съ характеристикою научной философіи, я счелъ нужнымъ приняться еще за дополнительное письмо: я имѣлъ въ виду показать вамъ внутреннюю

[1]) R. Ardigó. La psicologia come scienza positiva. 1870.

связь этой научной философіи съ позитивизмомъ и выяснить, почему за позитивизмомъ нельзя теперь признавать того значенія, которое онъ имѣлъ въ сравнительно недавнее время.

Ставя на мѣсто позитивизма „научную философію", я не хочу тѣмъ сказать, что философія эта представляетъ собою какой-то идеалъ совершенства, нѣчто готовое и законченное, какое-то завершеніе всѣхъ научныхъ и философскихъ вопросовъ. Отъ такой мысли, какъ отъ некритической, я крайне далекъ; я очень хорошо знаю, что научная философія есть философія едва начинающаяся и что громадная работа ея еще впереди. Я имѣю въ виду только ту несомнѣнную для меня истину, что теперь нѣтъ уже никакой надобности принимать руководящими началами научно-философскаго изслѣдованія догматическое урѣзываніе общей совокупности философскихъ вопросовъ, что теперь философская критика, показавъ путаницу въ работѣ позитивныхъ ножницъ, которыя то смыкались въ пустомъ пространствѣ, то кромсали подлежавшее сохраненію, сдѣлали ненужнымъ ихъ безполезное брязганье, и что, наконецъ, теперь дѣло идетъ не о раскладываніи кусковъ, изъ которыхъ состоитъ позитивная схема, но о томъ, чтобы продолжать самую ткань, продолжать до тѣхъ поръ, пока имѣется основа и пока работа машины идетъ все съ тою же неизмѣнною правильностью.

Чтобы еще лучше пояснить вамъ мою мысль объ указанной выше связи научной философіи съ позитивизмомъ, я обращусь къ помощи совершенно новой точки зрѣнія, съ которой Ф. Паульсенъ опредѣляетъ различеніе тѣхъ категорій, подъ которыя можно подвести всѣ философскія міровоззрѣнія. Разсматривая воззрѣнія теоріи познаванія сообразно двумъ основоначальнымъ вопросамъ этой теоріи, Паульсенъ устанавливаетъ новыя категоріи, которыя онъ называетъ идеографическими и которымъ онъ имѣетъ въ виду дать право гражданства въ философской литературѣ на ряду съ категоріями, до сихъ поръ употребляющимися, какъ хронографическими (догматизмъ, критицизмъ), такъ и топографическими (пантеизмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ и т. д.). На вопросъ, что такое знаніе или какъ относится знаніе къ остальному дѣйствительному міру, существуетъ, говоритъ Пауль-

сенъ, два отвѣта. Первый изъ нихъ утверждаетъ, что знаніе есть идеальное воспроизведеніе дѣйствительности, отраженіе ея мыслью, и что представленія, если только они образованы правильно, подобны вещамъ и могутъ быть съ ними сравниваемы. Второй отвѣтъ утверждаетъ, что знаніе не есть идеальное воспроизведеніе вещей, а нѣчто отъ нихъ отличное и съ ними несравнимое. Первымъ изъ этихъ отвѣтовъ опредѣляется то воззрѣніе, которое называютъ обыкновенно наивнымъ реализмомъ; воззрѣніе же, которое опредѣляется вторымъ изъ этихъ отвѣтовъ, правильнѣе всего назвать феноменализмомъ. Можно возразить, конечно, что второе рѣшеніе вопроса, представляя только отрицаніе перваго, страдаетъ неопредѣленностью, и, притомъ же, основываясь не на естественномъ, присущемъ вещамъ, моментѣ, беретъ точкою опоры ложное мнѣніе обыденнаго мышленія (наивнаго реализма). Это возраженіе правильно, но оно не можетъ быть принято къ руководству ранѣе, чѣмъ наивный реализмъ не потеряетъ всякаго значенія и не перестанетъ облекаться въ форму философскихъ системъ; да и тогда онъ все-жъ-таки останется въ качествѣ основной черты характера той теоріи познаванія, которая предполагается обыденнымъ мышленіемъ. Въ настоящее же время, когда обыденное мышленіе играетъ еще въ философіи видную роль, противуположность наивнаго реализма и феноменализма не можетъ еще быть устранена, и понятіе, даваемое ею объ этихъ противуположныхъ воззрѣніяхъ, вполнѣ удовлетворяетъ имѣющіяся въ виду цѣли.

На вопросъ о происхожденіи знанія существуетъ также два отвѣта, которые въ первоначальномъ своемъ видѣ противопоставляютъ два источника знанія: чувство и разумъ. Ученія, развивающіяся изъ этого противупоставленія, носятъ названіе сенсуализма и раціонализма. Замѣняя терминъ сенсуализмъ, потерявшій опредѣленность вслѣдствіе обычной примѣси къ нему этико-метафизическихъ понятій, терминомъ, яснѣе выражающимъ основную мысль ученія, а именно терминомъ „эмпиризмъ“, Паульсенъ опредѣляетъ тѣ элементы, изъ которыхъ должны выработаться его идеографическія категоріи путемъ соединенія этихъ элементовъ попарно. Въ результатѣ получается слѣдую-

щая схема идеографическихъ характеристикъ философскихъ міровоззрѣній:

1) эмпирически-реалистическое (наивный реализмъ обыденнаго мышленія),

2) эмпирически-феноменалистическое (Локкъ, Юмъ),

3) раціоналистически-реалистическое (Декартъ и его послѣдователи),

4) раціоналистически-феноменалистическое (Кантъ).

Вникая въ смыслъ противупоставленія феноменализма и реализма, нельзя не замѣтить, что противупоставленіе это сведено у Паульсена на противупоставленіе наивнаго реализма обыденнаго мышленія критическому реализму науки, такъ что строго послѣдовательный или крайній идеализмъ, собственно идеализмъ грёзъ (Traumidealismus), исключенъ изъ приведенныхъ выше категорій, и схема можетъ поэтому показаться неполною. Но исключеніе крайняго идеализма Паульсенъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что право на существованіе такого идеализма представляется еще сомнительнымъ, пока возможность поглощенія мышленіемъ всякой дѣйствительности остается недоказанною. Исключенъ также изъ паульсеновской схемы и скептицизмъ, по той причинѣ, что послѣдовательное проведеніе основной его идеи — неразличенія знанія отъ незнанія — потеряло въ наше время всякое основаніе и не имѣетъ представителей въ европейской философской литературѣ.

Идеографическія категоріи Паульсена, не вытѣсняя хронографическихъ и топографическихъ, какъ это имѣетъ въ виду и самъ Паульсенъ, съ поразительною очевидностью обнаруживаютъ сродство такихъ міровоззрѣній, которыя, вслѣдствіе различія ихъ топографическихъ и хронографическихъ свойствъ и наименованій, могли казаться и часто казались кореннымъ образомъ различными, такъ что не бросающееся въ глаза сродство ихъ должно было явиться только результатомъ анализа и болѣе или менѣе сложныхъ доказательствъ. Категоріи Паульсена очень упрощаютъ этотъ вопросъ: онѣ сразу показываютъ, что, напримѣръ, позитивизмъ и научная философія одинаково относятся къ категоріи эмпирическаго феноменализма и что только упреж-

деніе въ развитіи послѣдняго надъ первою полагаетъ между ними хронографическое различіе и возводитъ научную философію на высоту совершенно самоопредѣлившагося критическаго реализма, тогда какъ неопредѣлившійся еще характеръ позитивизма допускаетъ возможность смѣшенія его съ совершенно чуждою ему категоріей — эмпирическимъ реализмомъ.

Только-что очерченная мною внутренняя связь между научною философіею и позитивизмомъ, вытекающія изъ нея отношеніе между ними и необходимость замѣщенія послѣдняго первою и были предметами, изслѣдованіе которыхъ входило, между прочимъ, въ мой „Опытъ критики основоначалъ позитивизма“. Такъ какъ главною темою книги были эти основоначала, то на нихъ, само собою разумѣется, и сосредоточивалось мое вниманіе, а о научной философіи, въ ея современномъ критическомъ фазисѣ, я говорилъ лишь столько, сколько необходимо было для общаго уясненія моей точки зрѣнія на позитивизмъ (см. стр. 117—128, 136—152 и 161—179.). Теперь, имѣя въ виду главнымъ образомъ современное состояніе научной философіи, я, въ свою очередь, только попутно говорилъ о позитивизмѣ; но какъ тогда, такъ и теперь, я не могъ пройти молчаніемъ связи, существующей между двумя этими фазисами научнаго міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, хотя планы обѣихъ моихъ книгъ и различны, такъ же какъ и ихъ цѣли, но общее той и другой заключается въ томъ, что и тамъ, и здѣсь я говорю о научной философіи, о позитивизмѣ и объ отношеніи между ними.

Нѣкоторые изъ рецензентовъ моего „Опыта“ сдѣлали по поводу этихъ, общихъ обѣимъ моимъ работамъ, вопросовъ замѣчанія, которыя я и принялъ во вниманіе при обработкѣ для печати этихъ писемъ; я надѣюсь, что тѣ изъ замѣчаній (каковы, напримѣръ, нѣкоторыя замѣчанія г. Козлова въ „Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ“ 1877 и г. Кавелина въ „Недѣлѣ“ 1877), которыя были обусловлены недостатками или неполнотою изложенія соотвѣтствующихъ мѣстъ „Опыта“, устранены теперь новымъ, тщательнымъ пересмотромъ ихъ въ настоящихъ письмахъ. На другіе (какъ, напримѣръ, на вопросъ о значеніи сознанія, поднятый г. Кавелинымъ, и на упрекъ J. N...n, рецензента „Revue philosophique“, въ томъ,

что я не выбросилъ за бортъ остатковъ мистическаго багажа Ог. Конта, а сохранилъ ихъ, стараясь ввести въ связь съ критическою философіею) я отвѣчалъ тѣмъ, что разсмотрѣлъ въ своемъ мѣстѣ значеніе сознанія и болѣе точно обозначилъ мои заимствованія у Ог. Конта, подтвердивъ полное отверженіе всего, что только имѣло у этого мыслителя сколько-нибудь мистическій характеръ.

Затѣмъ, мнѣ оставалось бы только поблагодарить гг. рецензентовъ за то доброжелательство, съ которымъ они отнеслись къ моей работѣ, и за ту поддержку, которую доставило мнѣ одобреніе ими главной цѣли моего труда—ознакомленія русскихъ читателей съ современною научною философіею, и закончить это послѣднее письмо.

Но есть обстоятельство, заставляющее меня попросить у васъ еще немного вниманія и... терпѣнія.

Мнѣ необходимо обратиться теперь еще къ двумъ рецензентамъ моего „Опыта“, обвиняющимъ меня въ попыткѣ извратить позитивизмъ метафизическими тенденціями.

Роль охранителя позитивизма отъ вліяній метафизики сама собою выпадаетъ у насъ на долю единственнаго во всей русской литературѣ позитивиста—г. де-Роберти. Обстоятельство это заранѣе отнимало у полемики, которой можно было бы ожидать по этому поводу, всякій интересъ по той причинѣ, что г. де-Роберти достаточно уже заявилъ себя какъ писатель, которому никакое серьёзное дѣло не подъ силу [1]). Г. де-Роберти на защиту пози-

[1]) Не желая быть голословнымъ, я считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности г. де-Роберти въ подтвержденіе высказаннаго мною о немъ мнѣнія. Общій характеръ всего, до сихъ поръ написаннаго г. де-Роберти, можетъ быть опредѣленъ очень кратко и точно. Онъ обыкновенно даетъ пересказъ или резюме сочиненія или статьи какого-нибудь автора и къ этому пересказу или резюме прикленваетъ какую-нибудь собственную свою мысль. Каковы бываютъ эти мысли, можно судить изъ слѣдующаго перечня. Въ „Политико-эконом. этюдахъ“, послѣ пересказа идей Кёри, онъ, между прочимъ, говоритъ: „бѣдность есть ни что иное какъ скрытое богатство, и скорѣе наговорено на рабочіе классы, чѣмъ дѣйствительно существуетъ“. Въ рецензіи „Вопросовъ о жизни и духѣ“ Льюиса (Знаніе, 1875 г.), резюмировавъ содержаніе этого сочиненія, онъ опредѣляетъ теорію познаванія

тивизма однако-же не явился и, вмѣсто него, мнѣ приходится теперь имѣть дѣло съ г. Алеко („Современный сборникъ“ г. Богушевича, 1877 г., кн. 4) и г. ла-Сердой („Знаніе“, 1877 г., кн. 4; „Слово“, 1878 г., кн. 3).

Начну съ г. Алеко.

Г. Алеко выставилъ въ защиту позитивизма ту мысль, что предпочтеніе, отдаваемое мною ново-критической школѣ передъ

какъ „сборную команду человѣческаго знанія“ и приписываетъ установленіе „предѣльнаго понятія“ (Grenzbegriff) не Канту, какъ это слѣдовало бы, а г. Вырубову. Въ статьѣ „Міровоззрѣнія крайняго Востока“ (Знаніе, 1874 г.) рядомъ съ компиляціей статьи г. Вырубова „les Civilisations de l'extrême Orient“ (Revue 1873 г. № 6) онъ заявляетъ, что г. Вырубовъ въ статьѣ этой пользовался „самыми лучшими и новѣйшими источниками“,—„пролилъ яркій свѣтъ на рѣшеніе вопроса“,—„представилъ образецъ критики, беременной важными и подъ-часъ вовсе не предвидѣнными результатами“ и т. п., тогда какъ на самомъ дѣлѣ статейка г. Вырубова отличается такимъ изумительнымъ невѣдѣніемъ источниковъ по избранному имъ предмету, что изъ всей богатой нѣмецкой литературы онъ знаетъ одну только компиляцію Кейфера (R. Kaeuffer, Geschichte von Ost-Asien. 1859 г.), и, слѣдовательно, никакими результатами „беременной“ быть не можетъ и никакаго свѣта проливать не въ состояніи. Самъ же г. де-Роберти, попавъ невзначай въ этотъ невѣдомый ему міръ, является въ глубоко-комичномъ положеніи. Приходится, напримѣръ, характеризовать индійскую философію, и онъ характеризуетъ ее въ первый разъ—„какъ не имѣющую ничего общаго съ обычными теченіями европейской мысли“, и во второй—какъ такую, въ которой „мы находимъ зародыши чуть-ли не всѣхъ метафизическихъ системъ, и то и дѣло попадаемъ на цѣлыя страницы чистѣйшаго Гегеля, Шопенгауэра и т. п.“ Но и это еще не все; мимоходомъ онъ обнаруживаетъ даже отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній: встрѣтивъ у г. Вырубова выраженіе „religions aryanes“ (вм. Aryennes—вѣроятно просто опечатка), г. де-Роберти становится совсѣмъ въ тупикъ и, не зная какъ согласить Веды и аріанство, довольствуется постановкою вопросительнаго знака послѣ словъ „филологія аріанская“ „религіи аріанскія“... Я не говорю, наконецъ, о такихъ ошибкахъ, какъ отождествленіе Индры и Ваю, какъ ложная группировка Агни, Ваю и Сурія, какъ незнаніе значенія слова Сакіа и т. п., ими кишитъ вся статья,—статья, имѣющая цѣлью вырвать изученіе религій Востока у спеціалистовъ и отдать въ руки соціологовъ-позитивистовъ! Быть можетъ, г. де-Роберти что-нибудь и знаетъ; быть можетъ, онъ и можетъ мыслить логически,—это тайна, которой онъ еще не выдалъ; достовѣрно только одно, именно, что онъ можетъ развязно говорить о томъ, чего не знаетъ и не понимаетъ, и способенъ противорѣчить самому себѣ, нисколько того не замѣчая.

позитивною, есть, собственно говоря, предпочтеніе метафизики позитивизму. „Сравнивая философію Конта, говоритъ г. Алеко, со всѣми (?) другими философіями, предшествовавшими ей, г. Л. весьма справедливо находитъ, что у всѣхъ тѣхъ былъ всегда внутренно-побудительный моментъ (чего?), а у этой нѣтъ его; что у всѣхъ тѣхъ было какое-нибудь наиболѣе общее понятіе, а у этой нѣтъ никакого (?), что у всѣхъ (??) тѣхъ исходная точка была всегда устанавливаема не догматически, а критически,—а у этой же совсѣмъ наоборотъ. Итакъ, заключаетъ онъ, это совсѣмъ не философія, и она не будетъ философіей до тѣхъ поръ, пока не продѣлаетъ всего (?) того, что продѣлывали тѣ. Но авторъ забываетъ, что то были философіи метафизическія, а эта позитивная; что то были системы знанія поэтическія, а это система научная, и что условія первыхъ переносить на послѣднюю значитъ только запутаться въ представленіи о нихъ (?). Позитивная философія потому и позитивна, что она отрицаетъ всѣ характеристическія черты метафизической философіи; а тутъ эти привычныя черты возводятъ въ характеристику философіи вообще, и затѣмъ прикладываютъ и къ той, которая на отрицаніи ихъ вся и построена. Словомъ, авторъ сбился въ мѣркѣ своей, и ту, какая была у него готовою, приложилъ туда, гдѣ нужна совсѣмъ новая. Такимъ образомъ и вышло, что тамъ, гдѣ величайшее достоинство системы, онъ нашелъ существеннѣйшій недостатокъ и пробѣлъ ея, восполненіемъ котораго и принужденъ былъ заниматься“ (стр. 126).

Мнѣ нѣтъ надобности, конечно, объяснять, въ чемъ здѣсь недоразумѣніе со стороны защитника позитивизма. Но если онъ такъ рѣшительно отвергаетъ значеніе критическаго начала для философіи, если онъ непремѣнно желаетъ остаться при наивномъ реализмѣ, то это дѣло его вкуса, о которомъ здѣсь нѣтъ спора. Для уясненія вопроса важно только то, что сужденіе автора, при всей его сбивчивости, идетъ къ цѣли смѣло и рѣшительно и не оставляетъ никакихъ сомнѣній и колебаній. Наконецъ, авторъ несомнѣнно читалъ то, о чемъ взялся говорить, не привнутываетъ къ дѣлу ничего посторонняго, не говоритъ ничего такого, что обличало бы въ немъ отсутствіе самоуваженія,

словомъ, нисколько не напоминаетъ пріемами своими втораго моего оппонента—г. ла-Серду, повторяющаго только основную мысль г. Алеко, но преподносящаго ее съ литературнымъ гарниромъ своего собственнаго приготовленія.

Мы живемъ въ такое время, когда пропасть между литераторомъ и литераторомъ можетъ быть и шире, и глубже, чѣмъ между литераторомъ и биржевымъ игрокомъ, между литераторомъ и субъектомъ, способнымъ вымогать себѣ синекуру, между литераторомъ и кулакомъ. Нужно много самообладанія, поэтому, въ томъ случаѣ, когда способы борьбы противника указываютъ на существованіе между нами бо́льшей или меньшей, но, во всякомъ случаѣ, незаполнимой пропасти. Я не знаю г. ла-Серды, но литературные пріемы его таковы, что я не могу не видѣть ясно раздѣляющей насъ пропасти. Я затрудняюсь, какъ говорить съ нимъ, и болѣе того: говорить ли? Предмета моего онъ не знаетъ: для него нѣмецкая философія — загадка, которой онъ разрѣшить не въ силахъ; ново-кантіанская школа, сохраняющая a priori, ничѣмъ не различается для него отъ ново-критической, отвергающей a priori; о критической философіи онъ можетъ говорить только несообразности, путая имена и термины; затѣмъ, далѣе, книги моей онъ или не читалъ, или намѣренно извращаетъ ея содержаніе: не говоря о томъ, что онъ не можетъ опредѣлить, сколько лекцій „Курса“ Конта у меня резюмировано и какія именно, онъ утверждаетъ, что я обхожу молчаніемъ вопросы критической философіи, увѣряетъ, что я комментирую всего только одну фразу Ог. Конта, что я ссылаюсь на какого-то неизвѣстнаго мнѣ Лилiенфельда, что я называю Литтре́ кретиномъ, что я говорю о какомъ-то перетираніи позитивизма въ порошокъ, что я намѣренно унижаю французскихъ философовъ и пытаюсь поставить ихъ на одну доску съ бердичевскими жидами (?!) и т. п., и, наконецъ, ко всей этой лжи онъ присоединяетъ разныя не идущія къ дѣлу догадки, толкованія и сплетни, едвали имѣющія прецеденты даже и въ нашей литературѣ. Все это говоритъ само за себя и не требуетъ никакого отвѣта.

Общій тонъ статьи г. ла-Серды также не достоинъ серьёз-

ной и уважающей себя литературы. Г. Михайловскій, говоря въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1877, № 12) о статьѣ г. ла-Серды, помѣщенной въ „Знаніи“, замѣчаетъ, что она „есть произведеніе чисто-шутовское, отъ первой до послѣдней страницы“. Разоблачая затѣмъ невѣжество и лживость автора статьи, г. Михайловскій даетъ ему такое поученіе, которое должно было бы образумить всякаго, не потерявшаго способность краснѣть и исправляться; но г. ла-Серда поученія этого не уразумѣлъ и счелъ нужнымъ повторить свои „ошибки“, присоединивъ къ нимъ новыя, въ журналѣ „Слово“. Послѣдствія этого подвига извѣстны всякому, читающему наши газеты и журналы, и говорить о нихъ было бы излишне.

При всемъ желаніи моемъ подвергнуть мои взгляды критикѣ и при всей готовности отвѣчать на замѣчанія моихъ рецензентовъ, что же могу отвѣтить я г. ла-Сердѣ? У него кромѣ единственной мысли, заимствованной у г. Алеко, на которую я далъ уже отвѣтъ, все остальное или представляетъ „словесное наводненіе въ пустынѣ мысли“, или уходитъ далеко за предѣлы изслѣдованія теоретическихъ вопросовъ, въ такую область, проникновеніе въ которую не входитъ въ мои планы, такъ, что для отвѣта г. ла-Сердѣ я не нахожу никакого повода; пусть истолковываетъ онъ мое нежеланіе говорить съ нимъ какъ хочетъ, говорить я все-же-таки не буду.

Затѣмъ, оканчиваю это послѣднее письмо съ пріятной увѣренностью, что могу считать его только на этотъ разъ послѣднимъ и что мнѣ придется вновь бесѣдовать съ вами съ бо́льшею полнотою и досказанностью, чѣмъ теперь, и остаюсь вашимъ преданнымъ и неизмѣннымъ другомъ

В. Л.